This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА.

Сборникъ статей

С. А. Рачинскаго.

Съ предисловіемъ

Н. Горбова.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, Б. Черкиз. пер., д. Пустошкина,
противъ Англійской церкви.
1891.

MF 17

Калинский, В. Я.

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА.

Сборникъ статей

С. А. Рачинскаго.

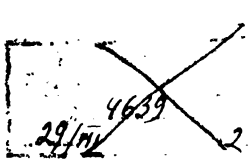
Съ предисловіемъ

Н. Горбова.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, Б. Черныш. пер., д. Пустошкина,
противъ Англійской церкви.
1891.

11(

LB 1568
R&R3



Изъ моихъ воспоминаній.

(Вмѣсто предисловія).

«Замѣтки о сельскихъ школахъ» нынѣ вновь издаваемыя, представляютъ только одну сторону педагогическихъ занятій ихъ автора,—можетъ быть, болѣе извѣстную, но стоящую въ его собственной жизни на второмъ планѣ. С. А. Рачинскій—педагогъ-практикъ и все свое вниманіе сосредоточиваетъ на непосредственной учительской дѣятельности. За перо онъ принимался только изрѣдка, почти случайно, когда школьная жизнь сама даетъ къ тому поводъ,—и «Замѣтки» вполнѣ понятны только если смотрѣть на нихъ такимъ образомъ,—какъ на плодъ дѣйствительно пережитыхъ авторомъ чувствъ и впечатлѣній. Только при такомъ взглядѣ откроется вся ихъ сила и не покажется удивительнымъ, почему эта маленькая книжка, написанная какъ-бы наскоро, содержащая лишь какъ-бы отрывочные наброски,—почему она теперь говоритъ о томъ, что уже есть, и съ ней всѣ согласны, между тѣмъ, какъ при первомъ своемъ появленіи, лѣтъ десять назадъ, она говорила о томъ, что еще только было желательно, и противъ нея всѣ возражали.

Конечно, огромное значеніе имѣетъ въ вѣскости словъ автора и то обстоятельство, что онъ приступилъ въ 1875-мъ году къ народно-школьной дѣятельности уже сорока двухъ лѣтъ и съ образованностью, которая рѣдко приносится въ это дѣло. Принадлежа по рожденію къ лучшей и просвѣщеннѣйшей части русскаго общества, племянникъ поэта Баратынскаго и другъ славянофиловъ,

онъ послѣ обширной научной подготовки дома и за-границей былъ 9 лѣтъ профессоромъ ботаники въ Московскомъ университетѣ и въ народную школу внесъ всю широту взгляда, всю разносторонность образованія, полученныя какъ по воспитанію, такъ и по обстановкѣ предшествующей жизни и дѣятельности.

Однако, какъ-бы ни была интересна и поучительна исторія его жизни, ее въ подробностяхъ нельзя разсказывать,—ибо какъ описывать жизнь человѣка еще здравствующаго, дѣятельность котораго еще не закончена и дай Богъ, чтобы не заканчивалась долго?

Но одной своей стороной эта жизнь вышла изъ недоступнаго для всѣхъ уединенія частнаго лица и сдѣлалась достояніемъ общимъ,—это именно въ школѣ, гдѣ Сергѣй Александровичъ отдалъ себя на служеніе народу.

«На служеніе», говорю я,—и это именно то, что наиболѣе меня поразило, когда я, рѣшившись заняться народнымъ образованіемъ, пріѣхалъ посмотрѣть на школы Рачинскаго.

Но этотъ характеръ приняли его школьныя занятія не сразу.

Школа существовала въ прекрасномъ родовомъ Татевѣ Рачинскихъ [1]) уже задолго до переселенія его туда. Но то была обыкновенная школа, съ обыкновеннымъ учителемъ-семинаристомъ. Въ первые четыре года своей деревенской жизни, по оставленіи университета, Сергѣй Александровичъ заходилъ въ нее лишь изрѣдка. Что прежде всего обратило его вниманіе въ эти случайныя посѣщенія, были занятія ариѳметикой, скучныя и безплодныя,—по методѣ Евтушевскаго, тогда безраздѣльно царившей въ школѣ. Сергѣй Александровичъ попробовалъ дать нѣсколько уроковъ, и они имѣли столь явный успѣхъ, что ими опредѣлилась вся его дальнѣйшая дѣятельность. Онъ

---

[1]) Смоленской губерніи, Бѣльскаго уѣзда. Почтовый адресъ: Ржевъ, Тверской губерніи, Татево.

увидалъ, что народная школа страдаетъ какимъ-то коренным недостаткомъ, который надо открыть и исправить. На первыхъ порахъ онъ думалъ, однако, лишь объ улучшеніи пріемовъ преподаванія. Но частныя поправки такъ и оставались частными; всякій другой учитель могъ предложить свои измѣненія, и школа все-таки не имѣла бы твердаго фундамента. И вотъ тогда-то и была открыта тайна: народная школа должна быть построена на началахъ народной жизни, и во главѣ угла ея должно лежать національное воспитаніе. Въ этомъ вся суть «Замѣтокъ».

Увидавъ это, Рачинскій уже не могъ ограничиться одними уроками. Прошло немного времени, и въ Татевѣ было новое превосходное школьное зданіе, и Сергѣй Александровичъ, покинувъ всѣ свои привычки, все удобство и покой цивилизованной жизни въ кругу родныхъ, переселился изъ барскаго дома въ школу и началъ жить одною жизнью со своими учениками. Кромѣ дѣтей, съ самаго начала его окружали уже и юноши крестьянскіе, которыхъ онъ началъ готовить къ учительской дѣятельности. Въ этомъ видѣ я и засталъ Татевскую школу лѣтомъ 1882-го года.

Поселился я въ Татевѣ весной слѣдующаго 1883-го года, когда по окончаніи экзаменовъ начались лѣтнія занятія. Въ этихъ занятіяхъ, которыя многимъ могутъ показаться странными,—ибо какія лѣтнія занятія въ сельской школѣ,—въ этихъ занятіяхъ особенность Татевской школы. Она не ограничиваетъ своей дѣятельности начальнымъ обученіемъ: Сергѣй Александровичъ беретъ выдающихся учениковъ и частію выводитъ ихъ въ учителя, частью же приготовляетъ и отдаетъ въ различныя училища; другимъ же онъ доставляетъ мѣста прикащиковъ, управляющихъ и т. п. Такимъ образомъ, въ первое же лѣто я познакомился съ нѣсколькими молодыми людьми, которые въ ту же осень сдали экзаменъ на учителя, съ двумя учениками московской школы Живописи и Ваянія, съ воспитанниками учительской семинаріи (по разнымъ

соображеніямъ, Сергѣй Александровичъ не бралъ полнаго приготовленія ихъ къ учительству на себя), съ двумя воспитанниками духовнаго училища. Все это, повторяю, крестьяне сосѣднихъ деревень. Такъ какъ они собственно уже вышли изъ начальной школы, то я о нихъ подробно разсказывать не буду, тѣмъ болѣе, что съ учителями изъ крестьянъ мы еще встрѣтимся; но я считаю необходимымъ остановиться на одномъ замѣчаніи, которое мнѣ часто приходилось слышать по поводу этой стороны дѣятельности Рачинскаго. Можно-ли считать ее естественною и желательною? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ такомъ объемѣ и при такомъ разнообразіи она возможна и позволительна только для отдѣльныхъ лицъ, которыя чувствуютъ себя въ силахъ руководить дальнѣйшею судьбой своихъ воспитанниковъ. И дѣйствительно, Сергѣю Александровичу это удается. Всѣ такіе его выученики нынѣ уже болѣе или менѣе прочно устроились. Но слѣдовать этому примѣру должно съ величайшею осторожностью, ибо не трудно себѣ представить, какой огромный рискъ, какая страшная отвѣтственность — взять крестьянскаго мальчика, вырвать его изъ его, можетъ-быть, и тяжелой, но во всякомъ случаѣ твердой и естественной доли, и поставить на совершенно новый, неопредѣленный и шаткій жизненный путь. Однако, есть въ этомъ дѣлѣ и другая сторона. Крестьянская школа доселѣ даетъ образованіе столь малому числу дѣтей, и въ то же время предоставляетъ имъ такое важное преимущество предъ остальными обитателями деревни, что, естественно, и еще надолго, грамотный крестьянинъ будетъ стремиться выйти изъ своего положенія, будетъ желать получить отъ своихъ новыхъ способностей грамотнаго человѣка по возможности больше. Чаще всего желаніе это, всегда существующее, не получаетъ удовлетворенія за внѣшнею невозможностью. Но тѣмъ не менѣе этотъ роковой вопросъ возникаетъ въ сельской школѣ каждую весну послѣ выпуска, ставя въ величайшее за-

трудненіе всѣхъ, отъ кого ученики могутъ надѣяться получить его разрѣшеніе. Я упоминаю здѣсь о немъ только для того, чтобы показать, что на него нельзя закрывать глаза, какъ на его полную неизбѣжность, такъ на его чрезвычайную трудность.

Съ осени началась обыкновенная школьная жизнь. Утомленный непрерывными трудами, зимой—уроками, лѣтомъ—занятіями съ этими особыми своими учениками, Сергѣй Александровичъ долженъ былъ обратить серьезное вниманіе на свое здоровье и уѣхалъ въ Петербургъ. Я замѣстилъ его.

Но собственно въ Татевѣ пробылъ я недолго и съ Новаго года, по возвращеніи Сергѣя Александровича домой, переселился въ сосѣднюю, въ десяти верстахъ, Глуховскую школу.

Въ этой непосредственной близости къ Рачинскому и производилъ я мои первые учительскіе опыты. Связь съ Татевымъ была самая тѣсная и постоянная. Подъ каждый праздникъ пріѣзжалъ я въ Татево, куда обыкновенно собирались и еще кое-кто изъ сосѣднихъ учителей, большею частью изъ выучениковъ Сергѣя Александровича. Это были своего рода маленькіе учительскіе съѣзды. Мы дѣлились нашими впечатлѣніями, обсуждали встрѣчавшіяся затрудненія, предлагали другъ другу какіе-нибудь вновь найденные, казавшіеся удобными пріемы. Душой этихъ бесѣдъ былъ, конечно, Сергѣй Александровичъ; хотя, впрочемъ, въ разговоры методическіе и дидактическіе онъ почти не вступалъ. Прочтя «Замѣтки», всякій увидитъ, что въ этомъ отношеніи онъ стоитъ за самые простые пріемы и даетъ ихъ на волю каждаго учителя. Въ его глазахъ они важны второстепенно, лишь какъ орудіе, которое каждый можетъ выбирать по своему вкусу. Главное для него—духъ, содержаніе школы. Учитель долженъ быть умѣлъ, но еще больше долженъ онъ быть одушевленъ своею дѣятельностью. И вотъ это-то одушевленіе, кто могъ намъ внушить его, какъ не Сергѣй

Александровичъ? Кто, какъ не онъ, могъ постоянно поддерживать нашу бодрость?

Такъ незамѣтно проходили субботы, завершавшіяся спѣвкой къ завтрашней обѣднѣ. Но красой этихъ вечеровъ было чтеніе Сергѣемъ Александровичемъ воскреснаго Евангелія. Среди обширнаго класса становился для него столъ; по скамьямъ, поодаль, размѣщались мы, учителя, и пришедшіе на спѣвку ученики. Сергѣй Александровичъ прочитывалъ рядовое Евангеліе по-славянски и давалъ нѣсколько объясненій; затѣмъ по-русски. Иногда это были лишь словесныя объясненія; но часто они переходили въ цѣлыя бесѣды. Случалось при этомъ, что онъ прямо обращался къ кому-нибудь изъ насъ. Помню я особенно живо, какъ, начавъ разъ говорить объ отверженіи Сыномъ Человѣческимъ того, кто Его отвержется, Сергѣй Александровичъ прямо обратился ко мнѣ, указывая, что для меня, живущаго въ образованномъ обществѣ, эта опасность особенно велика. Чрезвычайно любилъ я также его бесѣды по поводу Евангелія о Страшномъ судѣ, предъ масляницей, когда онъ объяснялъ, какъ это Евангеліе требуетъ отъ человѣка болѣе, чѣмъ только безгрѣшной жизни, требуетъ подвиговъ дѣятельной любви. И теперь, когда мнѣ удается попасть въ Татево, я всегда стараюсь устроить такъ, чтобы провести тамъ и субботу,—именно съ цѣлью слышать чтеніе Евангелія.

Затѣмъ слѣдовала вечерняя молитва, ужинъ,—и всѣ расходились спать.

Вечерняя молитва—чрезвычайно важный моментъ въ нашихъ школахъ. Въ «Замѣткахъ» читатели увидятъ, что по мѣстнымъ условіямъ при школахъ необходимы общежитія для дальнихъ учениковъ. Но такъ какъ деревни малы и разбросаны, то такихъ дальнихъ оказывается много: у меня въ Глуховѣ на 65 всѣхъ учениковъ вынужденныхъ жить въ школѣ было 45. Изъ этого получается слѣдующее. Уроки кончаются въ 4 ч. дня; затѣмъ настаетъ длинный вечеръ. Надо наполнить его чѣмъ-

нибудь для дѣтей—сперва для живущихъ, ибо оставить 45 ребятъ безъ дѣла невозможно. Надо, слѣдовательно, устроить какія-нибудь занятія, болѣе или менѣе правильныя. Мы выбираемъ умственный счетъ, грамматическій разборъ и т. п. Но какъ ни второстепенны, сравнительно, эти занятія, они оказываютъ на успѣхи весьма сильное вліяніе. Такимъ образомъ, живущіе опережаютъ своихъ приходящихъ товарищей; ничего не остается, какъ держать до вечера и этихъ послѣднихъ. И вотъ, во всѣхъ нашихъ школахъ ученики проводятъ съ нами цѣлый день вплоть до вечерней молитвы, которая такимъ образомъ дѣлается общею. Затѣмъ слѣдуетъ ужинъ для живущихъ, а приходящіе расходятся.

Вечерняя молитва имѣетъ свою исторію. Въ первое время она происходила такъ. Одинъ изъ учениковъ возглашалъ начальныя молитвы, потомъ пѣли «Отче нашъ», и затѣмъ учитель читалъ одну изъ вечернихъ молитвъ, на слѣдующій день—другую и такъ поочереди всѣ. Послѣ вечерней молитвы пѣли «Достойно», затѣмъ возглашался отпустъ, и все заканчивалось пѣніемъ тропаря Кресту. Это было довольно продолжительно,—и что же? Никогда никакого утомленія, никогда ни малѣйшаго разсѣянія. Серьезно и сосредоточенно стояли передъ иконами съ теплящейся лампадой наши ребята, послѣ цѣлаго дня усиленныхъ и разнообразныхъ трудовъ, и я не могу сказать, какъ милы, какъ хороши они бывали въ это время!

Но что же произошло дальше? Послѣ ужина, мой помощникъ и другъ, Романъ Степановичъ Крыловъ, также бывшій ученикъ Рачинскаго (нынѣ уже діаконъ), обыкновенно молился одинъ въ опустѣвшемъ классѣ. Я не входилъ туда, чтобы не мѣшать ему. Между тѣмъ, началъ я замѣчать, что часто въ спальнѣ (она же и столовая), гдѣ послѣ ужина оставались ученики, недостаетъ нѣсколькихъ мальчиковъ, преимущественно изъ старшихъ. Взглянулъ я разъ въ классъ и вижу: передъ иконой молится Романъ, а поодаль на колѣняхъ стоитъ кучка

ребятъ, что они начали приходить потихоньку, стараясь быть незамѣченными, въ классъ,—и тоже молились. Потомъ они упросили Романа вычитывать всѣ молитвы вслухъ. Такимъ образомъ сама собой, по желанію самихъ же ребятъ, вечерняя молитва расширилась, и теперь на ней прочитываются уже всѣ «молитвы на сонъ грядущимъ», для поддержанія бодрости прерываемыя пѣніемъ.

Я нарочно разсказалъ эту исторію съ нѣкоторой подробностью, дабы показать, какъ само собой можетъ и должно складываться въ школѣ извѣстное настроеніе.

Послѣ ужина дѣти уже ничего не дѣлали и скоро ложились спать; иногда только я читалъ имъ что-нибудь.

Утро начиналось въ 6 часовъ, когда ученики поднимались и ужъ, конечно, будили насъ, потому что спать въ избѣ, въ которой возится около пятидесяти ребятъ, нѣтъ возможности. Время отъ утренней молитвы (болѣе краткой, чѣмъ вечерняя, и при которой присутствовали только живущіе) и до 9-ти часовъ, то-есть до начала уроковъ, наполняется хозяйственными заботами. Общежитіе устроено въ Глуховѣ такъ (въ другихъ школахъ есть, конечно, нѣкоторыя измѣненія). Школа даетъ помѣщеніе, постельники, которые дѣти должны три раза въ годъ набивать соломой, посуду,—и нанимаетъ кухарку. Ученики же вносятъ каждый свой паекъ припасовъ, изъ которыхъ имъ готовится завтракъ, обѣдъ и ужинъ въ уровень крестьянской семьи средняго достатка [1]).

Утромъ дѣти помогаютъ кухаркѣ, насколько нужно. Кромѣ того, они должны нарубить дровъ, привезти съ

---

[1]) Паекъ этотъ неожиданно малъ. Такъ, въ Глуховѣ каждымъ ученикомъ доставлялось: 3 мѣры картофеля, 3 ведра капусты, 4 ф. постнаго масла, 5 ф. сала, 10 ф соли, 15 ф. крупъ и 10 ф. овсяной муки. Мясо крестьяне ѣдятъ рѣдко, и потому оно не обязательно: у кого есть, тотъ приноситъ на свою долю. Хлѣбомъ дѣти запасаются въ понедѣльникъ на всю недѣлю. Въ Татевѣ они приносятъ муку, и хлѣбъ пекутъ въ школѣ; но этого столь сложно, что доступно только для такихъ богатыхъ школъ, какъ Татевская.

рѣчки воды, убрать школу. Сторожа, конечно, нѣтъ, и я рѣшительно не понимаю, зачѣмъ почти повсемѣстно на школы налагаютъ этотъ совершенно лишній расходъ: вѣдь дома крестьянскіе ребята исполняютъ всѣ хозяйственныя работы; почему же они не могутъ дѣлать ихъ въ школѣ, которая имъ тоже вѣдь домъ?

Въ 9 часовъ начинаются уроки и продолжаются до 12-ти, когда бываетъ обѣдъ. Затѣмъ—перерывъ до 2-хъ. Тутъ очередная партія привозитъ новый запасъ воды и рубитъ новый запасъ дровъ,—а другіе играютъ на дворѣ. За этими играми я строго слѣдилъ. Если случалось, что по какимъ-нибудь обстоятельствамъ онѣ прекращались на недѣлю, другую, это неизмѣнно и очевидно отражалось на дѣтяхъ: они слабѣли, дѣлались вялыми, и занятія шли хуже. Въ такихъ случаяхъ мы съ Романомъ изобрѣтали разныя средства,—даже сами начинали играть, чтобы только доставить дѣтямъ необходимый моціонъ.

Отъ 2-хъ до 4-хъ—опять уроки: въ 4 ребята полдничаютъ, мы пьемъ чай. Около 6-ти вновь начинаются занятія: спѣвка и тѣ вспомогательныя упражненія, о которыхъ я упоминалъ выше. Въ 8, какъ я тоже говорилъ, занятія кончались.

Такъ проходилъ въ мое время и проходитъ доселѣ день въ школахъ Рачинскаго.

Я предвижу, что многимъ этотъ разсказъ покажется невѣроятнымъ и, во всякомъ случаѣ, нашъ способъ занятій—неблагоразумнымъ. Но могли-ли мы, учителя, заниматься меньше, видя съ одной стороны примѣръ нашего собственнаго учителя, а съ другой—имѣя нашихъ учениковъ?! Непобѣдимое увлеченіе Сергѣя Александровича, его вдохновенное учительство не могло не увлекать и насъ. Мы видѣли, что онъ трудится непрестанно круглый годъ, видѣли неугасающій огонь его самоотверженнаго служенія, и намъ ли было жалѣть себя? Напротивъ, насъ всѣхъ—и меня, и моихъ товарищей—всегда мучила одна мысль: что мы, сравнительно, слишкомъ

мало работаемъ, слишкомъ много имѣемъ свободнаго времени... У насъ вѣдь праздники были въ полномъ нашемъ распоряженіи, а Сергѣй Александровичъ не зналъ и не знаетъ ихъ: онъ беретъ на себя присмотръ за остающимися въ школѣ дальними дѣтьми, чтобы дать отдыхъ своимъ Татевскимъ учителямъ: «имъ, молодымъ, это нужнѣе».

Между моими воспоминаніями о годахъ, увы, уже далекихъ, моего учительства въ Глуховѣ, воспоминаніе объ этомъ восторгѣ работы, объ этомъ соревнованіи въ неутомимости—одно изъ самыхъ дорогихъ. Но, конечно, для этого нужно было сознаніе, что народный учитель—не наемникъ, что его занятіе—не ремесло, а служеніе на великой нивѣ Божіей великому дѣлу христіанской любви. И это сознаніе словомъ и примѣромъ внушалъ намъ Сергѣй Александровичъ.

Но что же ученики? Какъ они выносили и выносятъ такую работу? Объ этомъ говоритъ въ «Замѣткахъ» самъ Сергѣй Александровичъ, и я ничего не присоединяю къ поэтическимъ и глубокимъ страницамъ, которыя онъ посвящаетъ ученикамъ народной школы. Во всякомъ случаѣ, еслибы наши ученики были иными, ни Рачинскій, ни мы не могли бы вынести такой жизни. Но ихъ бодрость, ихъ неустанное рвеніе къ работѣ, наконецъ, ихъ неизмѣнно хорошее, нравственное и чистое настроеніе создавало такую атмосферу, которая сразу охватывала всякаго входившаго въ школу.

«Хоть бы недѣлю здѣсь пожить, на нихъ полюбоваться!» Такое замѣчаніе подслушалъ я у одного, впервые попавшаго къ намъ крестьянина: онъ смотрѣлъ съ своимъ товарищемъ изъ темныхъ сѣней, какъ ребята наперерывъ требовали отъ меня и Романа матеріала для вечернихъ занятій. Нерѣдко бывало, что мальчикъ, случайно зашедшій въ школу среди зимы, тутъ же заявлялъ, что онъ ни за что не вернется домой, и мнѣ приходилось принимать его. Съ неимовѣрнымъ усердіемъ

начинали такіе новички догонять своихъ товарищей, которые сами брали на себя трудъ помогать имъ въ свободное отъ уроковъ время.

Но, повторяю, я не стану распространяться объ ученикахъ нашихъ школъ, такъ какъ о нихъ говоритъ самъ Сергѣй Александровичъ.

Эта картина, впрочемъ, представляетъ жизнь въ мое время только трехъ школъ: Татевской, Глуховской и Тарховской. Позднѣе такое же устройство получила и школа Меженинская. Остальныя школы (всего подъ руководствомъ Рачинскаго ихъ отъ восьми до десяти),— остальныя школы представляютъ болѣе или менѣе значительныя видоизмѣненія: дѣло въ томъ, что условія ихъ жизни слишкомъ различны, чтобы было возможно естественное однообразіе. Сергѣй Александровичъ старается внушить всѣмъ одинъ общій духъ—точнѣе, внушаетъ его своимъ присутствіемъ, своимъ примѣромъ, но въ то же время оставляетъ полный просторъ самостоятельному развитію. Такимъ образомъ, когда я говорю о школахъ Рачинскаго, я подразумѣваю только эти четыре, главныя школы.

Въ Татевѣ въ мое время, кромѣ Сергѣя Александровича, учили еще два учителя изъ крестьянъ, нынѣ оба діаконы: молчаливый, суровый къ себѣ и другимъ аскетъ Василій Алексѣевичъ, и добродушный, нѣсколько безалаберный Михаилъ Онуфріевичъ, самый первый выученикъ Рачинскаго.

Трудно было подыскать людей, болѣе противоположныхъ по характеру, но и болѣе другъ друга дополняющихъ. У каждаго была также и своя спеціальность въ учебномъ отношеніи: Михайло (такъ назывался по-просту одинъ изъ нихъ) особенно выдѣлялся по вечерамъ; когда, бывало, сидитъ онъ, окруженный толпой лѣзущихъ на него ребятъ, и какъ-то успѣваетъ среди этой суголки, въ которой другому бы и не разобраться, совершенно правильно и послѣдовательно вести и умственный счетъ,

и разсказъ, и разборъ. Вѣнцомъ занятій Василія Алексѣева было чтеніе Евангелія. Онъ, напротивъ, держалъ дѣтей въ самомъ строгомъ порядкѣ и коротко, но вѣско толковалъ священный текстъ. Каждое слово его было обдуманно, являлось плодомъ размышленія и знанія. Да не удивятся сказанному: этотъ молодой крестьянинъ (ему было тогда около 25-ти лѣтъ), ничего не видавшій, кромѣ Татева, уже зналъ хорошо отеческія писанія и жилъ исключительно въ мірѣ духовныхъ размышленій. Въ церковномъ отношеніи Михайло былъ регентомъ; Василій Алексѣевъ выступалъ впередъ Великимъ постомъ, когда онъ являлся главнымъ участникомъ службы на первой и послѣдней недѣлѣ и своимъ примѣромъ увлекалъ дѣтей къ усиленной молитвѣ.

Въ то время жилъ въ Татевской школѣ, въ качествѣ помощника кухарки и пажа Сергѣя Александровича, и нашъ общій любимецъ, утѣха нашего сердца—Михеюшка, другъ и почитатель Василія Алексѣева. Не смотря на свои всего 16 лѣтъ, онъ уже также вносилъ въ Татевскую школу особый элементъ,—элементъ религіозной поэзіи, элементъ мистицизма. Необычайно мягкій, скромный, застѣнчивый, но всегда ласковый и привѣтливый, онъ весь жилъ въ церкви; но онъ не былъ аскетомъ, онъ не боролся съ міромъ, какъ Василій Алексѣевъ, не боролся потому, что его чистой душѣ міръ былъ чуждъ. Нынѣ онъ учителемъ въ Меженинской школѣ и недавно женился на только-что присоединенной къ православію лютеранкѣ.

Эта Меженинская школа, сильно огорчавшая насъ въ мое время, ибо въ ней приходилось по разнымъ причинамъ терпѣть учителемъ человѣка добраго, но слабаго и невоздержнаго,—эта Меженинская школа теперь предметъ нашей гордости. Но я отсылаю, для знакомства съ нею, къ «Школьному походу въ Нилову пустынь» Жили въ Татевѣ зимой и другіе «отроки». Лѣтомъ же туда наѣзжаютъ, какъ я уже говорилъ, и семинаристы,

духовные и учительскіе, и живописцы, и другіе выученики Рачинскаго.

Глуховская школьная семья была гораздо меньше: кромѣ учениковъ, насъ было только двое—я и Романъ Степановичъ. Если-бы я не опасался, что эти строки попадутся Роману, я-бы подробно разсказалъ объ этомъ рѣдкомъ человѣкѣ, объ этомъ выдающемся воспитателѣ и учителѣ, который не только облегчалъ, но и украшалъ мое Глуховское житье. Все соединилось въ немъ: и искреннее благочестіе, и неудержимое ко всѣмъ благорасположеніе, и непобѣдимое трудолюбіе, и веселый нравъ. Любовь его къ дѣтямъ не имѣла границъ. Разъ сидѣли мы въ спальнѣ; ребята полегли уже по своимъ мѣстамъ, но еще не заснули, а, высунувшись съ наръ, болтали и пересмѣивались.

— Смотрите-ка, обратился ко мнѣ Романъ, показавая на ряды веселыхъ бѣлокурыхъ головъ. — Что можетъ быть красивѣе этого?

Такая преданность школѣ, такое настроеніе не могли не вызывать отвѣта, и дѣйствительно, трудно сказать, кто больше любилъ Романа, ученики-ли или весь приходъ, въ которомъ не было человѣка популярнѣе его. Когда онъ, получивъ отъ Сергѣя Александровича благословеніе, ѣхалъ изъ Татева въ Глухово вѣнчаться, то въ первой по дорогѣ Глуховской деревнѣ крестьяне встрѣтили свадебный поѣздъ хлѣбомъ—солью. Кто знаетъ, какъ скупы и неумѣлы крестьяне на подобныя выраженія своихъ чувствъ, тотъ оцѣнитъ все значеніе этого случая.

Характерная для учителя Татевской округи исторія Романа такова: онъ началъ учиться у грамотѣя-мужика въ своей отдаленной деревнѣ. Сергѣй Александровичъ тогда только что приступалъ къ своей дѣятельности. Онъ замѣтилъ его и взялъ въ Татево; но по окончаніи курса Романъ вернулся домой, плотничалъ и сплавлялъ лѣсъ въ Ригу. Лишь на семнадцатомъ году онъ снова

пришелъ въ Татево и началъ готовиться къ учительству. Выдержавъ экзаменъ, онъ сдѣлался помощникомъ въ Глуховѣ, сперва у моего предшественника, потомъ у меня. Затѣмъ, послѣ меня, остался тамъ же самостоятельнымъ учителемъ, а теперь онъ діаконствуетъ въ сосѣднемъ съ Глуховымъ Кострицкомъ приходѣ и наблюдаетъ за Вязовахскою школой грамотности, въ которой преподаетъ Законъ Божій.

Было-бы слишкомъ долго разсказывать обо всѣхъ школахъ и всѣхъ учителяхъ. Но не могу не упомянуть о нашемъ женскомъ монастырѣ, о женской школѣ въ Тарховѣ.

Увлеченныя примѣромъ Сергѣя Александровича, почтенныя Тарховскія помѣщицы открыли у себя въ усадьбѣ школу для дѣвочекъ. На первыхъ порахъ учила ихъ племянница; помощницей у нея была тогда еще очень молодая бывшая ученица Татевской школы, Ѳеня, двоюродная сестра Михайлы. Это сдѣлалось чѣмъ-то необыкновеннымъ. Общія школы, по понятнымъ причинамъ, стоятъ все-таки особнякомъ отъ жизни барскаго дома, какъ бы близокъ онъ ни былъ. Но поддерживать такое раздѣленіе съ женскою школой нѣтъ поводовъ, и Тарховская усадьба слилась съ нею воистину въ одну семью. Ѳеня дѣлала чудеса. Регентъ-самоучка, она устроила хоръ и соперничала съ своими дѣвочками съ хоромъ мальчиковъ сосѣдней Травинской школы, съ которымъ Тархово въ одномъ приходѣ. Надо было видѣть, какъ она, сама еще дѣвочка, разгораясь отъ волненія и старанія, регентствовала своими не то ученицами, не то подругами! Недостатокъ знанія покрывался прилежаніемъ и усердіемъ необыкновенными. Не менѣе успѣха имѣла она и въ умственномъ счетѣ, въ которомъ почти равнялась съ Сергѣемъ Александровичемъ, а о себѣ онъ самъ говоритъ въ «Замѣткахъ». Скоро ей пришлось остаться въ Тарховской школѣ одной самостоятельной учительницей, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ она ведетъ ее такъ, что можетъ позавидовать любой учитель. Хоръ

достигъ полнаго совершенства. Но этого мало: въ послѣднее время завели въ Тарховѣ ткацкую мастерскую, такъ что школа выпускаетъ не только грамотныхъ, но и ткачихъ. Казалось, что популярность Тархова давно уже достигла своей высшей точки; но съ устройствомъ ткацкой мастерской она еще увеличилась. Слава школы распространилась такъ далеко, что въ нее поступаютъ дѣвочки, или даже уже дѣвушки, окончившія курсъ въ Бѣльской прогимназіи. Несмотря на очевидно иныя привычки жизни, онѣ помѣщаются въ Тарховскомъ общежитіи, которое по крестьянскому своему хатактеру ничѣмъ не отличается отъ Татевскаго и Глуховскаго. Такъ велико обаяніе этого своеобразнаго Тарховскаго мірка.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что, живя въ такомъ близкомъ единеніи съ учениками, Рачинскій, а за нимъ и мы всѣ, строили наши педагогическіе теоріи не на основаніи отвлеченныхъ соображеній, а на основаніи прямыхъ, непосредственныхъ наблюденій надъ жизнью. Изъ всѣхъ сотрудниковъ Рачинскаго одинъ я еще продолжалъ искать педагогическаго поученія въ книгахъ, чтобы безпрестанно попадаться въ просакъ и оказываться не только хуже такихъ выдающихся учителей, какъ названные выше, но и другихъ, менѣе талантливыхъ.

Удивительно быстро совершился переворотъ въ русской школѣ, потому, конечно, что удивительно сильно вліяніе жизни. Когда «Замѣтки» вышли, онѣ стояли особнякомъ отъ всей педагогической литературы. Но какъ хорошо я ихъ ни зналъ, все-таки пріѣхавъ въ Татево я былъ пораженъ кореннымъ его отличіемъ отъ общаго въ то время типа школъ. Во-первыхъ—славянскій языкъ. Этотъ предметъ былъ прежде только изъ вѣжливости допущенъ въ народныя школы; но на что же онъ былъ сведенъ? На чтеніе нѣсколькихъ отрывковъ изъ Евангелія съ переводомъ и съ нѣкоторыми свѣдѣніями по грамматикѣ. Въ Татевѣ я нашелъ во-первыхъ—полное чтеніе Евангелія съ тѣмъ глубокимъ и важнымъ объясненіемъ

Василія Алексѣева, о которомъ я писалъ выше, и чтеніе Псалтири и Часослова. Это было совершенно иное. Славянскій языкъ получалъ тутъ то значеніе, которое ему подлинно подобаетъ; онъ дѣлался языкомъ Церкви, религіознаго наученія, языкомъ священнымъ.

Русскій языкъ занималъ въ то время какое-то странное, чуть не второстепенное мѣсто. Уроки этого предмета преслѣдовали обыкновенно совершенно иныя цѣли, чѣмъ это казалось бы естественнымъ. Начинались они обыкновенно виртуознымъ обученіемъ грамотѣ, при которомъ больше всего заботились о развитіи наблюдательности, самодѣятельности и т. п., а несчастная азбука оставалась по-истинѣ на заднемъ планѣ. Въ дальнѣйшемъ преподаваніи первое мѣсто занимало, также совершенно неожиданно, сообщеніе различныхъ свѣдѣній по поводу прочитаннаго, такъ что центромъ всѣхъ уроковъ русскаго языка было объяснительное чтеніе. Въ Татевѣ, напротивъ, прямо и откровенно стремились научить читать и писать, затѣмъ владѣть языкомъ, какъ орудіемъ мысли, и, наконецъ, усиленными грамматическими упражненіями старались дать то развитіе мыслительныхъ способностей, которое естественно и прямо связано со всякими занятіями языкомъ.—По ариѳметикѣ въ тогдашнихъ школахъ безусловно царилъ Евтушевскій. Но изъ Татева онъ былъ уже столь же безусловно изгнанъ. Мѣсто сухаго, формалистическаго изученія чиселъ заняло тамъ живое развитіе математическихъ способностей. Все это тогда казалось страннымъ, дикимъ, почти безумнымъ.

Но что же? Прошло всего какихъ-нибудь десять лѣтъ, и мы, учителя—послѣдователи Рачинскаго, можемъ уже праздновать побѣду по всей линіи. Все, что мы съ такимъ страхомъ тогда предпринимали, все, за что насъ тогда порицали, уже вошло въ плоть и кровь народной школы. Возможна ли теперь школа безъ усиленныхъ занятій церковно-славянскимъ языкомъ? Возможны ли еще

предметные уроки, вычурное обученіе грамотѣ, сведеніе уроковъ русскаго языка на уроки міровѣдѣнія? Возможно ли теперь держать учениковъ первую зиму на числахъ до 10, вторую—до 100 и т. д.? Конечно, нѣтъ, невозможно; конечно, все это теперь уже отошло въ область невѣроятныхъ разсказовъ. Требованія жизни побѣдили, но впервые подслушаны они были именно въ Татевѣ,—подслушаны и ясно выражены.

Я не упоминаю здѣсь о Законѣ Божіемъ: отсылаю читателя къ «Замѣткамъ». Равно считаю излишнимъ распространяться о связи школы съ церковью, выясненною и проведенною въ жизни Рачинскимъ. Въ этой связи—вся суть его дѣятельности и, каждая строка «Замѣтокъ» о ней говоритъ. Наконецъ, я не буду прибавлять къ сказанному имъ самимъ и относительно церковнаго пѣнія. Но невольно вспоминается мнѣ здѣсь одинъ небольшой случай, который доселѣ, какъ живой, въ моей памяти.

Это было прекраснымъ лѣтнимъ утромъ. Я пріѣхалъ «въ гости» въ школу, ибо каникулы проводилъ частью въ Татевѣ, частью у родныхъ, а въ Глуховѣ почти не бывалъ. Пѣвчіе, находившіе возможность пѣть въ церкви и въ трудное для крестьянъ лѣтнее время, спозаранку собрались и готовились къ обѣднѣ. Въ школу случайно зашелъ сосѣдній помѣщикъ, человѣкъ старый, выросшій въ иное время и нисколько не сочувствовавшій вознѣ съ деревенскими ребятишками. И мы сидѣли за чайнымъ столомъ въ классѣ, залитомъ солнцемъ; въ открытыя окна доносилась вся музыка лѣтняго утра, вся прелесть утренней прохлады. Не диво было, что я залюбовался на спѣвавшихся ребятъ: вѣдь каждый изъ нихъ мнѣ былъ знакомъ, каждый милъ и дорогъ. Но вотъ смотрю я на моего гостя: онъ плачетъ.

— Что съ вами? Вы нездоровы?

— Нѣтъ... хорошо вотъ... И что же это?... Вѣдь это тѣ же... деревенскіе мальчишки... Кто бы думалъ?!...

Да, кто бы думалъ?! Народную школу надо видѣть вблизи, и тогда нельзя не полюбить ея.

Такъ проходила наша трудовая школьная жизнь. Но въ ней были и особенныя, торжественныя, минуты. И по-истинѣ праздникомъ изъ праздниковъ бывала въ Татевѣ Пасха.

Задолго уже начинались спѣвки, разучивались пасхальныя пѣснопѣнія. Но вотъ прошла и Страстная седмица съ ея великолѣпными службами, во время которыхъ многіе ученики, увлеченные примѣромъ Василія Алексѣева и Михея, совершали истинные подвиги молитвы, такъ напримѣръ, выстаивали по два раза двѣнадцать Евангелій—у себя и въ сосѣднемъ Спасскомъ приходѣ. Наступаетъ вечеръ субботы. Школа убрана по-праздничному: въ классѣ накрыты длинные столы, заставленные всѣмъ, что нужно для разгавливанія, и убранные цвѣтами изъ барскаго дома; по стѣнамъ — шитыя полотенца. Всѣмъ ученикамъ, которыхъ видимо — невидимо, потому что часто приходятъ и другія школы,— Глуховская, Кулаковская,—всѣмъ ученикамъ сшиты новыя рубашки, бѣлыя, съ красными оторочками; у дѣвочекъ — новые сарафаны. Причесанные, какъ никогда, чистые и нарядные, сидятъ наши ребята по лавкамъ и изрѣдка тихо переговариваются. Сверху, изъ пѣвческой, доносится послѣдняя спѣвка какихъ-нибудь недостаточно еще хорошо идущихъ мѣстъ. Но хоръ не полонъ: Василій Алексѣевъ и Михей въ церкви, читаютъ Дѣянія. Изъ сѣней заглядываютъ въ классъ взрослые: богомольцы въ Татево сходятся въ огромномъ количествѣ, ибо пасхальное пѣніе, особенно когда оно бываетъ на два клироса, славится далеко, и приходятъ за двадцать, за тридцать верстъ. Оно и понятно: когда поютъ на два клироса, значитъ—поютъ двѣ школы, и каждая старается перещеголять другую. Татевская—болѣе отдѣлана, хоръ полнѣе; но глуховскіе поютъ увѣреннѣе, и это производитъ впечатлѣніе.

Но уже полночь; пора идти. Мигомъ все встрепенулось; всѣ спѣшатъ черезъ небольшую площадь въ церковь. А высокая, ярко освѣщенная лѣтняя Татевская церковь уже полнымъ полна народа. Всѣ въ ожиданіи. И вотъ, среди этой проникновенной тишины, раздается ударъ колокола. Толпа колышется, и крестный ходъ, съ трудомъ пробираясь, выходитъ изъ церкви. Сквозь окна видно, какъ онъ обходитъ вокругъ; доносятся слова стихиры »*Воскресеніе Твое, Христе Спасе*» .. И наконецъ наступаетъ торжественная минута: по возгласѣ священника слышно пѣніе «*Христосъ Воскресе*», — и крестный ходъ въ церкви, и всѣ счастливы, всѣ радостны, всѣ сливаются въ одномъ порывѣ духовнаго восторга. Начинается пасхальная заутреня, чудо поэзіи, музыкальной красоты и молитвеннаго настроенія. Дивное вообще служеніе отца Петра дѣлается вдохновеннымъ.

Послѣ заутрени—большой промежутокъ, ибо о Петръ идетъ къ себѣ отдохнуть, такъ какъ онъ имѣетъ обыкновеніе отправляться по приходу немедленно послѣ обѣдни,—а мы спѣшимъ въ школу христосоваться. Какъ описать прелесть нашихъ ребятъ въ эту минуту? Какъ описать школу, всѣмъ существомъ радующуюся воскресенію Бога и Спаса нашего? Какъ повторить эти поздравленія, не по обычаю только произносимыя, а искреннія, отъ души, по поводу подлиннаго, дѣйствительнаго, вотъ сейчасъ только нахлынувшаго счастья?—«Воистину воскресе!»

Я всегда говорю, что всѣ наши ученики красивы. Помимо дѣйствительно красиваго типа дѣтей нашей мѣстности, вѣдь всякое лицо можетъ быть прелестно въ зависимости отъ выраженія глазъ. А у кого же могутъ быть такіе чистые, ясные, ласковые и довѣрчивые глаза, какъ не у крестьянскихъ дѣтей, въ особенности если имъ хорошо живется... Понятно, что красота ихъ достигаетъ въ эту ночь высшей степени. Уже много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я былъ въ послѣдній

разъ у Татевской заутрени, но до сихъ поръ не могу безъ умиленія вспоминать—не о настроеніи той ночи, нѣтъ, о немъ уже и говорить нечего,—а о самой внѣшней прелести ея.

Но вотъ ударяютъ къ обѣднѣ. Когда она отходитъ, уже свѣтло. О. Петръ прежде всего идетъ съ образами въ школу, и затѣмъ всѣ садятся разгавливаться. Послѣ этого нашъ школьный муравейникъ разбѣгается по домамъ. Можно себѣ представить, какъ весела, какъ счастлива, какъ радостна вся эта толпа!

Во время моей жизни въ Глуховѣ праздновалось тысячелѣтіе славянскихъ первоучителей. Естественно, оно не могло пройти у насъ безъ особаго торжества. Наканунѣ сошлось въ Татевѣ три школы. Не легко было въ весеннюю распутицу довести наше многочисленное войско. Но тѣмъ не менѣе походъ былъ очень веселый. Большинство изъ ребятъ никогда не бывало въ Татевѣ, и оно представлялось имъ, съ его школой, съ его барскимъ домомъ, съ его великолѣпной усадьбой, какимъ-то обѣтованнымъ краемъ. Три раза дорогой считали мы дѣтей, и, наконецъ, продрогшіе и усталые, потому что приходилось идти по талому снѣгу и невылазной грязи, добрались до Татева. Тутъ насъ ждала почти торжественная встрѣча и ужинъ, какого мои глуховскіе ребята никогда и не видывали. Сейчасъ же послѣ ужина, чтобы сберечь силы къ завтрашнему дню, я отвелъ своихъ въ школьную баню, предназначенную имъ для ночлега. Передъ обѣдней, какъ и передъ пасхальной заутреней, ребята одѣлись въ новыя рубахи и, немного дичась другъ друга, разсѣлись школами — бѣлые татевскіе, розовые — глуховскіе. Обѣдня прошла такъ торжественно и великолѣпно, какъ только можетъ служить о. Петръ. И затѣмъ наступилъ главный моментъ: крестный ходъ послѣ молебна. Были приготовлены особыя хоругви: наверху крестъ, на хоругви — по славянской буквѣ. И съ этой азбукой обошли ученики трижды

вокругъ церкви и направились къ школѣ. Погода прояснилась; весеннее солнце ярко освѣщало и церковь, и хоругви, и толпу народа. Сергѣй Александровичъ стоялъ на пригоркѣ и любовался чуднымъ зрѣлищемъ.

— «До сихъ поръ мнѣ казалось непонятнымъ его увлеченіе, сказалъ мнѣ одинъ изъ его родственниковъ. Но посмотрите, какимъ блаженствомъ свѣтится его лицо! Вижу, его дѣло даетъ ему подлинное счастье».

Да, это было такъ! И какъ не свѣтиться было его лицу блаженствомъ, когда не могъ онъ не видѣть, что здѣсь, около него и имъ, продолжается дѣло, начатое 1000 лѣтъ тому назадъ; что азбука, которую дѣти обносили вокругъ церкви, что она, благодаря ему, открываетъ имъ ея двери; что этотъ крестный ходъ подлинно соединяетъ школу съ церковью, дотолѣ слишкомъ отъ нея далекую.

Въ школѣ отслужили второй молебенъ, и дѣти получили тутъ же имъ объясненное житіе первоучителей и, конечно, гостинцы. Радостные, хотя и утомленные, отправились мои ребята послѣ вкуснаго обѣда домой. Я же переночевалъ еще ночь въ Татевѣ и пошелъ въ Глухово лишь на другой день, съ двумя моими особенно близкими учениками. Не было сомнѣнія, что наши друзья прошли здѣсь наканунѣ: вся дорога отъ Татева до Глухова была усѣяна конфектными бумажками.

Татевская школа принимаетъ участіе и во всѣхъ событіяхъ, съ которыми она можетъ имѣть какую-нибудь связь. Такъ, въ ней празднуются присоединенія къ православію, нерѣдкія въ той мѣстности, ибо тамъ живетъ много лютеранъ—колонистовъ изъ латышей. Такъ, она является центромъ движенія въ пользу трезвости, которое такъ широко разрослось за послѣдніе годы подъ вліяніемъ проповѣди Сергѣя Александровича.

Но ежегоднымъ праздникомъ бывали у насъ экзамены, какъ и вообще съ наступленіемъ весны наша жизнь принимала особенно радостный характеръ. Въ школѣ

уже не сидѣлось, и при первой возможности она пустѣла; всѣ расходились по окрестнымъ лѣсамъ и оврагамъ; прогулки по цѣлымъ часамъ, смѣхъ и игры, — то-то бывало веселье! И это тѣмъ болѣе, что наши школы не страдаютъ отъ того неудобства, которое столь сильно въ другихъ мѣстахъ: экзамены бываютъ обыкновенно въ половинѣ мая, и всегда всѣ ученики доучиваются до конца. Само собой разумѣется, что о боязни экзаменовъ не могло быть и рѣчи. Я думаю, читатель не удивится, если я скажу, что занятія нашихъ учениковъ отличаются необычайною ровностью, и что мы успѣваемъ проходить болѣе, чѣмъ сколько обыкновенно требуется на экзаменѣ въ народной школѣ. Конечно, и у насъ бываютъ слабые; но ихъ обыкновенно задерживаютъ въ младшей группѣ, въ убѣжденіи, что главное — положить твердое основаніе.

И когда въ назначенный день дѣвочки, бывало, уберутъ школу цвѣтами, и шумная и пестрая толпа по праздничному разодѣтыхъ ребятишекъ выбѣжитъ далеко за околицу навстрѣчу Сергѣю Александровичу, и наконецъ раздастся колокольчикъ его тройки, и онъ пріѣдетъ, и послѣ экзамена подаритъ каждому выходящему Новый Завѣтъ и Псалтирь съ Часословомъ, и скажетъ нѣсколько напутственныхъ въ жизнь словъ, которыя прямо идутъ отъ сердца къ сердцу, — то, бывало, не знаешь, кто больше счастливъ и радуется: ребята-ли такому важному событію въ ихъ ребячьей жизни, или мы, учителя, тому, что намъ выпало на долю работать въ такомъ великомъ дѣлѣ и вмѣстѣ съ такимъ человѣкомъ.

Н. Горбовъ.

1891 г.

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА.

Статьи С. А. Рачинскаго.

Замѣтки о сельскихъ школахъ *).

Камень, его же не въ ряду сотворища зиждущіи, той бысть во главу угла.

Сужденія сельскаго учителя о школьномъ дѣлѣ не могутъ отличаться ни многосторонностію, ни строгимъ безпристрастіемъ. Явленія школьной жизни, входящія въ его кругозоръ, знакомы ему близко, извѣстны ему въ такихъ подробностяхъ, которыя ускользаютъ отъ посторонняго наблюдателя. Но кругозоръ его узокъ, и онъ безпрестанно подвергается опасности принимать мѣстное и частное за общее, основывать свои выводы на слишкомъ недостаточныхъ данныхъ. Съ другой стороны, самая близость его къ дѣлу можетъ препятствовать правильной оцѣнкѣ многихъ существенныхъ его сторонъ. По свойственному всѣмъ людямъ самообольщенію, онъ можетъ преувеличивать свое значеніе въ дѣлѣ, которому онъ призванъ служить, — можетъ взвалить на другихъ отвѣтственность за такія его несовершенства, которыя онъ могъ бы самъ устранить...

Тѣмъ не менѣе, всякое искреннее слово человѣка, преданнаго своему дѣлу, объ этомъ, кровномъ его дѣлѣ, имѣетъ относительную цѣну, какъ данная, какъ матеріалъ для людей, имѣющихъ возможность обсудить это дѣло съ точекъ зрѣнія болѣе общихъ, отрѣшенныхъ отъ

*) Напечатаны первоначально въ журналѣ „Русь“, 1881 г.; №№ 45—53.

всякихъ мѣстныхъ случайностей, отъ всякаго личнаго пристрастія. Это соображеніе и даетъ мнѣ смѣлость взяться за перо.

I.

Скажу прежде всего нѣсколько словъ объ особенностяхъ, присущихъ, въ силу вещей, нашей сельской школѣ, насколько онѣ начинаютъ выясняться за краткій періодъ ея существованія.

Читая наши педагогическія руководства, прислушиваясь къ толкамъ печати, бесѣдуя о школахъ съ представителями нашей интеллигенціи, постоянно чувствуешь, что рѣчь идетъ не о той сельской школѣ, въ которой приходится намъ трудиться, но о сельской школѣ вообще, о какой-то схемѣ, заимствованной изъ наблюденій надъ школами иностранными, преимущественно нѣмецкими. Но та школа, которая возникаетъ на нашихъ глазахъ, среди народа, глубоко отличающагося отъ всѣхъ прочихъ своимъ прошлымъ, своимъ религіознымъ и племеннымъ характеромъ, своимъ общественнымъ составомъ, — среди обстоятельствъ, безпримѣрныхъ въ исторіи,—съ этою схемою имѣетъ очень мало общаго. Постараюсь указать на самыя рѣзкія изъ ея отличительныхъ особенностей.

Въ противуположность школамъ западнымъ, наша сельская школа возникаетъ, при весьма слабомъ участіи духовенства *), при глубокомъ равнодушіи образованныхъ классовъ и правительственныхъ органовъ, изъ потребности *безграмотнаго* населенія дать своимъ дѣтямъ извѣстное образованіе. Въ этомъ ея слабость, въ этомъ и ея сила, въ этомъ ключъ къ объясненію всѣхъ прискорбныхъ и отрадныхъ явленій въ жизни нашихъ сельскихъ школъ.

---

*) „Замѣтки“ появились впервые до возникновенія церковно-приходскихъ школъ. *Н. Г.*

Изъ этого порядка вещей прямо слѣдуетъ, что преподаваніе въ сельскихъ школахъ не можетъ имѣть никакого направленія, кромѣ даннаго тѣми же безграмотными родителями, что за ними не можетъ быть иного контроля, кромѣ контроля тѣхъ же родителей.

То, что я говорю, многимъ покажется чудовищнымъ парадоксомъ. Наши сельскія школы находятся подъ четвернымъ контролемъ: дирекцій народныхъ училищъ, епархіальнаго начальства (черезъ благочинныхъ и особо назначаемыхъ надзирателей), училищныхъ совѣтовъ и мѣстной полиціи. Кажется, на недостатокъ направляющихъ и контролирующихъ силъ жаловаться нечего. Но чѣмъ же на дѣлѣ выражается вся эта роскошь надзора и контроля?

Директоры и инспекторы народныхъ училищъ не пользуются сочувствіемъ нашей печати. Она преисполнена самыми рѣзкими нападками на ихъ бездѣйствіе или на ложное направленіе ихъ дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ должностяхъ человѣкъ неблагонамѣренный можетъ принести много вреда. Но принести пользу человѣкъ благонамѣренный (а таковы всѣ члены инспекцій, съ которыми меня сводила судьба) положительно не можетъ. Все зимнее время этихъ почтенныхъ чиновниковъ поглощено составленіемъ многосложныхъ отчетовъ (за гражданскій годъ), а лѣтомъ, какъ извѣстно, всѣ школы закрыты. Этотъ порядокъ вещей, съ одной стороны, не даетъ инспекторамъ физической возможности посѣтить тѣ сотни школъ, разбросанныя на сотни верстъ, которыя состоятъ въ ихъ вѣдѣніи, съ другой,—ведетъ къ составленію отчетовъ изъ невѣрныхъ цифръ (ибо по каждой школѣ числятся и ученики окончившіе курсъ весною, и поступившіе осенью).

Участіе училищныхъ совѣтовъ въ школьномъ дѣлѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, ограничивается ходатайствомъ передъ земствомъ объ отпускѣ денежныхъ суммъ, огульнымъ распредѣленіемъ ихъ по наличнымъ

школамъ и назначеніемъ членовъ для присутствованія на экзаменахъ.

Благочинные и спеціальные надзиратели за преподаваніемъ Закона Божія посѣщаютъ школы нехотя и только для исполненія формальности.

Полицейскіе чины, по свойственному русскому человѣку здравому смыслу, вовсе не вмѣшиваются въ школьное дѣло, въ коемъ они ничего не смыслятъ.

И при всемъ томъ, число школъ ростетъ, уровень ихъ медленно поднимается и, что̀ бы ни говорили алармисты, онѣ не только остаются нетронутыми нигилистическою пропагандою, но пріобрѣтаютъ все болѣе религіозный, церковный характеръ, и центральнымъ предметомъ преподаванія все болѣе становится въ нихъ — Законъ Божій, тотъ самый Законъ Божій, отъ преподаванія котораго, въ большинствѣ случаевъ, упорно отказываются священники, или который, по молчаливому согласію, они предоставляютъ учителю!

О тѣхъ отрадныхъ исключеніяхъ, которыя представляютъ школы съ ревностнымъ къ дѣлу народнаго образованія законоучителемъ—и говорить нечего.

Результатъ этотъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что все, повидимому, при возникновеніи нашихъ сельскихъ школъ, клонило ихъ въ направленіе противоположное: равнодушіе къ нимъ духовенства, краткое увлеченіе ими (перешедшее затѣмъ въ совершенное охлажденіе) мѣстной интеллигенціи, отношеніе къ нимъ министерства, наконецъ,—естественное стремленіе элементовъ противообщественныхъ, антирелигіозныхъ овладѣть этою возникающею школою. О равнодушіи духовенства распространяться теперь не стану: на эту тему писано много, съ явнымъ впрочемъ злорадствомъ преувеличеніемъ. Отношеніе нашей интеллигенціи къ религіозному элементу въ школѣ — извѣстно: она допускаетъ его лишь ради соблюденія какихъ-то консервативныхъ приличій, или какъ уступку невѣжественнымъ требованіямъ простонародья, — и это

лицемѣрное отношеніе къ нему вреднѣе прямаго гоненія. Что касается министерства, то его постановленія, циркуляры, инструкціи преисполнены выраженіями неустанной заботливости о процвѣтаніи религіознаго элемента въ школахъ всѣхъ возможныхъ наименованій. Но во всемъ этомъ мало искренности. Стоитъ только вспомнить то приниженное положеніе, которое отведено преподаванію Закона Божія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Относительно сельскихъ школъ, стоитъ только заглянуть въ «Каталогъ книгъ для употребленія въ сельскихъ школахъ», изданный министерствомъ въ 1875-мъ г (Вышло-ли новое изданіе—мнѣ неизвѣстно, во всякомъ случаѣ по школамъ оно не разослано). Слѣдуетъ замѣтить, что всякая книга, не входящая въ этотъ каталогъ (распадающійся на списки книгъ рекомендованныхъ, одобренныхъ и допущенныхъ) безусловно запрещена *). Повѣритъ ли мнѣ читатель, если я скажу ему, что въ этомъ каталогѣ не значится ни «Часослова», ни «Псалтири», ни Ветхаго Завѣта! *Новый* Завѣтъ—«одобренъ», но не «рекомендованъ»... Всякому, конечно, извѣстно, что безъ Часослова и Псалтири сельская школа у насъ немыслима, что Ветхій Завѣтъ во всякой школѣ необходимъ. Тѣмъ не менѣе, употребленіе этихъ книгъ въ школахъ оказывается *«безусловно запрещеннымъ»* со стороны министерства **). Наконецъ, всѣмъ понятно, что нигилистическій походъ *въ народъ*, въ программу коего, между прочимъ, входило и отравленіе сельской школы, окончился полнѣйшею неудачею.

Какимъ же путемъ совершается это воздѣйствіе оффиціально безправнаго, безграмотнаго, повидимому, совершенно некомпетентнаго населенія на дѣло, въ коемъ въ

---

*) Соблюденіе этого запрещенія, какъ извѣстно, обезпечивается особыми мѣрами, которыя были бы крайне стѣснительны для школъ, если бы существовала какая-либо возможность привести ихъ въ дѣйствіе.

**) Въ новыхъ каталогахъ это недоразумѣніе, понятно, не повторяется. Св. Писаніе и богослужебныя книги нынѣ занимаютъ въ школѣ соотвѣтствующее мѣсто. *Н. Г.*

сущности оно одно искренно заинтересовано? Медленнымъ, почти безсознательнымъ, но упорнымъ давленіемъ снизу,—пассивнымъ сопротивленіемъ всему, неподходящему къ народному понятію о школѣ, выживаніемъ негодныхъ учителей, поощреніемъ удовлетворяющихъ народнымъ нуждамъ — неотразимымъ вліяніемъ учащихся на учащихъ.

Само собою разумѣется, что этимъ преобладаніемъ здороваго, но темнаго, еще мало осмысленнаго вліянія на наши сельскія школы, рядомъ съ ихъ несомнѣнною жизненностію, обусловливаются многія ихъ слабости и недостатки, устранимые только временемъ. Наше дѣло зиждется неустаннымъ трудомъ поколѣній, и не можетъ созрѣть въ краткій періодъ человѣческой жизни...

Этотъ религіозный, церковный характеръ, налагаемый на нашу школу силою вещей, обусловливаетъ другую ея рѣзкую особенность—учебную программу, отличающуюся отъ учебныхъ программъ всѣхъ школъ иноземныхъ.

Кромѣ всѣхъ предметовъ, преподаваніе которыхъ желательно или нужно во всякой сельской школѣ, польза и необходимость которыхъ еще смутно сознается нашимъ безграмотнымъ населеніемъ, русская сельская школа уже теперь обязана сообщать своимъ питомцамъ знаніе *церковно-славянскаго языка*.

Не могу достаточно настаивать на громадномъ значеніи этого обстоятельства, на неоцѣненномъ преимуществѣ, которое оно даетъ русской сельской школѣ надъ всѣми прочими. Обязательное изученіе языка мертваго, обособленнаго отъ отечественнаго цѣлымъ рядомъ синтаксическихъ и этимологическихъ формъ, а между тѣмъ столь къ нему близкаго, что изученіе его вполнѣ доступно на первыхъ ступеняхъ грамотности,—это такой педагогическій кладъ, которымъ не обладаетъ ни одна сельская школа въ мірѣ. Это изученіе, составляя само по себѣ превосходную умственную гимнастику, придаетъ

жизнь и смыслъ изученію языка русскаго, придаетъ незыблемую прочность пріобрѣтенной въ школѣ грамотности.

Дѣйствительно, по условіямъ нашего сельскаго быта, по бѣдности и малодоступности нашей свѣтской литературы, для грамотнаго крестьянина не существуетъ иного постояннаго упражненія въ грамотности, кромѣ чтенія Псалтири по покойникамъ и участія въ богослуженіи. Свѣтскихъ книгъ, доступныхъ и полезныхъ крестьянину, у насъ слишкомъ мало, и онѣ попадаются ему рѣдко. Между тѣмъ, неисчерпаемыя богатства нашего богослужебнаго круга,—этого сокровища поэзіи, нравственнаго и догматическаго поученія, на ряду съ Священнымъ Писаніемъ и житіями святыхъ,—даютъ постоянную пищу уму, воображенію, нравственной жаждѣ нашего грамотнаго крестьянина, поддерживаютъ въ немъ способность къ тому серьезному чтенію, которое одно полезно и желательно. Вотъ почему, между прочимъ, лишь тѣ школы, которыя устроены при церквахъ, плодятъ у насъ истинныхъ грамотѣевъ.

Подобная роль, и по тѣмъ же причинамъ, предстоитъ въ будущемъ въ нашихъ сельскихъ школахъ изученію пѣнія (церковнаго). Вернусь къ нему впослѣдствіи.

Мнѣ остается указать на третью особенность нашихъ сельскихъ школъ (сѣверной полосы)—особенность, обусловленную причинами чисто внѣшними, но имѣющую на ея внутреннюю жизнь неизмѣримое вліяніе.

Особенность эта заключается въ слѣдующемъ. Девять десятыхъ изъ учениковъ нашихъ сельскихъ школъ не *ходятъ* въ школу, а *живутъ* въ ней. Деревни наши такъ разбросаны, ученики наши такъ малы и такъ плохо одѣты, что лишь изъ одной, много изъ двухъ, трехъ деревень они могутъ ходить ежедневно въ школу. Всѣ живущіе въ деревняхъ болѣе отдаленныхъ приходятъ на цѣлую недѣлю, съ запасомъ хлѣба, цѣлый день сидятъ въ школѣ, или толкутся около нея, ночуютъ, гдѣ по-

пало—въ классѣ, церковной сторожкѣ; болѣе зажиточные въ особо нанятыхъ квартирахъ: у причетниковъ и т. д. Школы, при которыхъ устроено для учениковъ особое помѣщеніе, или даже правильное общежитіе, составляютъ весьма рѣдкое исключеніе.

Нельзя обратить достаточнаго вниманія на эту особенность нашихъ сѣверныхъ сельскихъ школъ. Во-первыхъ, она объясняетъ то *нежеланіе* родителей посылать дѣтей въ школу, въ которомъ такъ часто, и совершенно напрасно, упрекаютъ нашихъ крестьянъ. Всякій отецъ, всякая мать согласится, что нужно очень сильное *желаніе* дать своимъ дѣтямъ посильное образованіе, большая увѣренность въ пользѣ этого образованія, чтобы при такихъ условіяхъ посылать своихъ дѣтей въ школу. Помѣщеніе дѣтей къ живущимъ по близости отъ школы часто сопряжено съ немалыми хлопотами и издержками. Эти хлопоты и издержки могутъ быть значительно уменьшены при устройствѣ въ самой школѣ приличнаго помѣщенія, при разумной иниціативѣ священника или учителя, берущаго на себя организацію правильнаго общежитія. Но подобныя общежитія пока обязательными сдѣлать нельзя, ихъ распространеніе будетъ дѣломъ времени и опыта. Всего этого не слѣдовало бы забывать нашимъ ревнителямъ обязательнаго и дароваго обученія. Даровое обученіе пока обходится у насъ очень дорого.

Это исключительное положеніе нашихъ сельскихъ школъ имѣетъ громадное вліяніе на всю постановку нашего школьнаго дѣла. Оно даетъ родителямъ право быть чрезвычайно требовательными къ ученію, достающемуся цѣною столь явныхъ неудобствъ; оно возлагаетъ на школу разные виды отвѣтственности, о которыхъ не можетъ быть рѣчи въ школахъ западной Европы и южной Россіи. Оно, по силѣ вещей, превращаетъ сельскую школу изъ учебнаго заведенія въ воспитательное. Школа захватываетъ всю жизнь ребенка, и становится вели-

кою силою, налагающею на него неизгладимую печать. Какую? Это зависитъ отъ духа школы, отъ ея организаціи, отъ лицъ, ею управляющихъ.

Само собою разумѣется, что это обстоятельство имѣетъ также рѣшающее вліяніе на самый планъ преподаванія, на его способы и методы. Вопросъ уже не въ томъ, какъ разумно распредѣлить занятія въ теченіе четырехъ, пяти часовъ ученія, а въ томъ, какъ разумно занять весь день ребенка. Счастлива та школа, которая имѣетъ лампу, освѣщающую длинные зимніе вечера, въ которой ребята не вынуждены съ трехъ часовъ пополудни сидѣть въ потемкахъ или читать при свѣтѣ догорающей печки. Но не легка задача учителя, который беретъ на себя исполнить свои обязанности до конца, дополнить свои дневные уроки вечерними занятіями, безъ которыхъ не имѣетъ смысла жизнь несчастныхъ школьниковъ, оторванныхъ отъ семьи, пользующихся ученіемъ лишь въ теченіи двухъ, трехъ зимъ, отъ Покрова до Свѣтлаго праздника.

Сказаннаго, полагаю я, достаточно, чтобы убѣдить читателя въ коренномъ своеобразіи русской сельской школы. Задачи ея труднѣе, шире, чѣмъ задачи какой-либо сельской школы въ мірѣ. Чтобы стать на высоту этихъ задачъ, ей предстоитъ выработать себѣ особый типъ учебный и нравственный, которому нѣтъ образца въ школахъ западно-европейскихъ. Да хранитъ ее Богъ на первыхъ невѣрныхъ шагахъ ея труднаго существованія. Въ ней кроется зародышъ великаго блага или великаго зла...

Постараюсь, въ слѣдующихъ замѣткахъ, разъяснить по мѣрѣ моихъ силъ, какимъ образомъ отражаются эти коренныя отличія русской сельской школы на всѣхъ сторонахъ ея учебнаго и нравственнаго дѣла, — на ея жизни, внѣшней и внутренней.

II.

Переходя къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается жизнь русской сельской школы, остановлюсь прежде всего на самомъ важномъ изъ нихъ,—на ея ученикахъ.

При первомъ же взглядѣ на всякую нашу школу, въ ней поражаетъ отсутствіе или малое количество дѣвочекъ. Ясно, что наша школа дѣлаетъ лишь половину своего дѣла, а что другая, быть-можетъ, самая важная половина, ускользаетъ отъ нея.

Отсутствіе дѣвочекъ объясняется очень просто, — тѣми же внѣшними условіями, которыя затрудняютъ помѣщеніе въ школу мальчиковъ. Понятно, что эти условія для дѣвочекъ еще болѣе неблагопріятны и стѣснительны. Поэтому вы въ нашихъ сельскихъ школахъ, кромѣ дочерей причетниковъ, встрѣтите развѣ дѣвочекъ изъ самыхъ ближайшихъ деревень. Никакого общаго предубѣжденія противъ обученія дѣвочекъ у крестьянъ однако не существуетъ. Тамъ, гдѣ возможно прилично устроить ихъ при школѣ, ихъ охотно отдаютъ въ ученіе.

Впрочемъ, появленіе дѣвочекъ въ нашихъ сельскихъ школахъ — явленіе совершенно новое. Трудно сказать, какіе размѣры оно приметъ въ ближайшемъ будущемъ. Если не возникнетъ внѣшнихъ препятствій, все заставляетъ думать, что наплывъ дѣвочекъ годъ отъ году будетъ расти. А такое внѣшнее препятствіе существуетъ уже теперь.

Для того, чтобы ребенокъ пріобрѣлъ прочную грамотность, ему необходимо посѣщать школу по крайней мѣрѣ три зимы. (По моимъ наблюденіямъ, этотъ срокъ достаточенъ только для дѣтей самыхъ способныхъ, —для всѣхъ же прочихъ нужны четыре зимы). Притомъ, необходимо начинать не ранѣе десяти лѣтъ, и съ этимъ вполнѣ согласна практика крестьянъ: они понимаютъ, что ребенокъ, оставляющій школу одиннадцати, двѣнад-

цати лѣтъ, рискуетъ все перезабыть. Между тѣмъ, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія строго воспрещено обучать вмѣстѣ съ мальчиками дѣвочекъ старше 12-ти лѣтъ Это запрещеніе равняется безусловному исключенію дѣвочекъ изъ сельской школы. Объ отдѣльныхъ для нихъ школахъ у насъ еще не можетъ быть и рѣчи. Помѣстить осьми, девятилѣтнюю дѣвочку въ нашу сельскую школу почти невозможно (ни при одной изъ нихъ нѣтъ, да и не можетъ быть, особаго общежитія для дѣвочекъ). Довести дѣвочку, поступающую въ школу лѣтъ 10-ти, 11-ти, до полной грамотности—запрещено. Сообщить дѣйствительную грамотность крестьянкѣ наша школа можетъ только *при явномъ нарушеніи закона*.

Легко смѣяться надъ этимъ постановленіемъ. словно изданнымъ въ Парижѣ и для Парижа, надъ тѣмъ баснословнымъ незнаніемъ сельскаго быта, сельскихъ нравовъ, которое одно можетъ его извинить. Но право, намъ не до смѣха. Появленіе дѣвочки въ сельской школѣ, это—нашъ первый успѣхъ, наше первое, дорого купленное завоеваніе, это—залогъ всего будущаго развитія нашей сельской школы. То, чего недостаетъ нашимъ ученикамъ при школѣ самой совершенной, чего мы имъ не въ силахъ замѣнить, та атмосфера грамотности внѣ школьныхъ стѣнъ, которая одна можетъ поднять наше дѣло на степень жизненности и прочности, которая ей подобаетъ,—эта атмосфера можетъ создаться лишь при посредствѣ грамотныхъ матерей. Между тѣмъ, дѣвочки уже изгнаны изъ министерскихъ сельскихъ училищъ (въ нашемъ уѣздѣ, слава Богу, существуетъ только одно), а въ прочихъ училищахъ онѣ только терпимы: учебныя власти *обязаны* ихъ изгнать. Дивиться ли тому, что у многихъ рука не подымается при видѣ бѣдныхъ крошекъ, худенькихъ и слабыхъ, какъ осьмилѣтнія дѣти зажиточныхъ классовъ, но имѣвшихъ несчастіе родиться двѣнадцать лѣтъ тому назадъ и потому лишенныхъ права пріучить свои неумѣлые пальцы къ

твердому держанію пера и иглы *), свой пробуждающійся умъ къ самымъ элементарнымъ пріемамъ мышленія, свою безсмертную душу къ созерцанію Божества? (Дѣвочка, не учащаяся въ школѣ—у насъ и въ церкви никогда не бываетъ). Но другія начальствующія лица болѣе исполнительны,—и ихъ за это винить невозможно.

Пишу эти строки въ субботу вечеромъ. Ученіе въ школѣ еще не началось: завтра соберутся ученики, чтобы пѣть обѣдню. Но ученица изъ самой дальней деревни нашего прихода (18 верстъ) уже тутъ. Она поетъ на правомъ клирѣ: это радость и гордость ея жизни. Изъ темной глубины притвора, гдѣ, за густою толпою мужчинъ, вздыхая и крестясь, перешептываются деревенскія кумушки, она вознесена на высоту того таинственнаго алтаря, въ который она не можетъ вступить. О ней молятся на сугубой эктеніи. Тѣ святыя и страшныя слова, отъ которыхъ содрагаются сердца и гнутся колѣни, — она оглашаетъ ими церковь, и мало-по-малу, въ строгомъ строѣ созвучій, въ благоговѣйномъ вниманіи, напрягающемъ весь хоръ, передъ нею раскрывается глубокій смыслъ этихъ словъ, неизъяснимый никакими школьными толкованіями...

Но боюсь распространяться о дѣвочкахъ. Предпринимать ихъ характеристику, быть-можетъ, еще слишкомъ рано. Поговорю лучше о мальчикахъ. О нихъ позволяю себѣ имѣть свое сужденіе. Оно же и всего лучше поясннть читателю, почему я считаю полезнымъ, чтобы вмѣстѣ съ ними учились и дѣвочки.

Мальчикъ, поступающій на одиннадцатомъ году въ сельскую школу, мало похожъ на своего сверстника изъ образованныхъ классовъ. Онъ не видалъ еще букваря, но твердо знаетъ азбуку жизни. Онъ уже испыталъ много недѣтскаго горя, участвовалъ во многихъ недѣтскихъ трудахъ. Едва онъ сталъ твердо держаться на

*) Наши крестьянки вышиваютъ великолѣпно, но шьютъ отвратительно.

ногахъ, ему поручили няньчить младшаго братца или сестру. Черезъ это няньченье прошли всѣ наши деревенскіе ребята, и мальчики, и дѣвочки. На порогѣ сознательной жизни, на нихъ возлагается самая страшная изъ отвѣтственностей—отвѣтственность за жизнь безпомощнаго, дорогаго, но докучливаго существа, которое безъ ихъ постоянной заботы существовать не можетъ. Вѣдь мать боронуетъ и пашетъ, коситъ и жнетъ. Какъ только являются признаки физической силы, на мальчика возлагаются работы, превышающія эту силу, работы, сопряженныя съ отвѣтственностію за самыя цѣнныя части крестьянскаго инвентаря—за скотъ и лошадей. Онъ—дѣятельный участникъ всѣхъ трудовъ и заботъ семьи. Среди этихъ тяжелыхъ, лихорадочныхъ трудовъ не до того, чтобы скрывать отъ него какія-либо грязныя или темныя стороны жизни. Онъ узнаетъ все, не изъ шутливыхъ разсказовъ, а изъ горькаго личнаго опыта. Онъ видитъ вблизи и смерть, со всѣми ея ужасающими подробностями, во всемъ ея таинственномъ величіи, и научается смотрѣть на нее трезво и просто, съ покорностію и надеждою. Онъ неучъ передъ пятилѣтнимъ ребенкомъ образованныхъ классовъ, онъ неизмѣримо зрѣлѣе для жизни, чѣмъ двадцатилѣтній юноша, выхоленный въ богатомъ, просвѣщенномъ семействѣ.

Въ школу онъ поступаетъ съ радостію. Тутъ его ожидаетъ жизнь относительно привольная и легкая, безъ непосильнаго труда, физическаго или умственнаго,—ожидаетъ его роскошь, составляющая потребность дѣтскаго возраста, роскошь, на которую нѣтъ времени въ его семейной жизни: постоянное вниманіе къ нему старшихъ, постоянная забота о немъ. Но онъ приноситъ съ собою пріобрѣтенное въ семьѣ чувство отвѣтственности за свои поступки, за свое время, сознаніе необходимости труда, напряженія своихъ силъ. Отъ учителя зависитъ не дать заглохнуть этимъ драгоцѣннымъ задаткамъ, но укрѣпить и направить ихъ. Приноситъ онъ съ собою и темное,

но высокое и благоговѣйное понятіе объ ученіи, какъ о ключѣ къ тайнамъ молитвы, жизни вѣчной, Божественной мудрости. Онъ, крестясь, цѣлуетъ первую книгу, которую даютъ ему въ руки.

Съ товарищами дружится онъ скоро. Въ крестьянскихъ семьяхъ нѣтъ тѣхъ различій тона, взглядовъ, привычекъ и мнѣній, которыя въ нашемъ образованномъ обществѣ дошли до вавилонскаго смѣшенія языковъ и мѣшаютъ его дѣтямъ понимать другъ друга и сближаться.

Старшіе ученики принимаютъ новичковъ съ радушіемъ и ласкою. Эти мальчики—любимцы школы. По доброй домашней привычкѣ, съ ними носятся и няньчатся. Мерзкій обычай нѣмецкой школы, перешедшій и въ наши среднія учебныя заведенія, обычай дразнить и мучить новичковъ, совершенно чуждъ школѣ русской,—а такова, пока, лишь наша бѣдная сельская школа. Но этого мало. Заботливость старшихъ о новичкахъ составляетъ такую же характерную особенность въ нашей школѣ, какъ противоположная черта въ школѣ нѣмецкой. Эта заботливость проявляется во всемъ: въ играхъ, въ работахъ, въ постоянной помощи старшихъ младшимъ въ школьныхъ занятіяхъ. Она сопровождается изумительнымъ въ дѣтяхъ терпѣніемъ и умѣніемъ обращаться съ дѣтьми младшаго возраста, умѣніемъ, которое было бы непостижимо, если бы мы не знали, что оно пріобрѣтается внѣ школы раннею, продолжительною практикою.

Страннымъ, почти чудовищнымъ можетъ показаться людямъ, чуждымъ сельской жизни, это няньченье крошекъ малютками, этотъ тягостный искусъ, возлагаемый на дѣтей, слишкомъ юныхъ, чтобы понять все его нравственное значеніе. Таковымъ казался онъ когда-то и мнѣ. Но что, если онъ отражается на дѣтяхъ именно своею нравственною стороною, оставляетъ въ ихъ душѣ глубокое чувство жалости къ безпомощнымъ и малымъ—именно потому, что онъ не произвольное насиліе, а горькая необходимость?...

....Приводятъ въ школу осьмилѣтняго мальчика.—Малъ онъ еще, говорю я—лучше подождать годъ или два.—Помилуйте, отвѣчаетъ мать, – пора его освободить: онъ уже четыре года няньчитъ...

Въ школѣ заходитъ рѣчь о томъ, чтобы завести куръ, для того чтобы не пропадали крохи отъ общей трапезы. Одинъ изъ живущихъ въ школѣ учениковъ, нервный и впечатлительный мальчикъ, морщится и блѣднѣетъ:—что хотите заводите, только не куръ! Этотъ мальчикъ— внукъ птичницы при господскомъ дворѣ. Все его раннее дѣтство прошло въ няньченьѣ ребятъ и въ возняѣ съ домашнею птицею. Тотъ же мальчикъ (12 лѣтъ) способенъ цѣлыми часами заниматься съ цѣлымъ классомъ новичковъ,—учитъ ихъ съ жаромъ, съ толкомъ, съ увлеченіемъ и приковываетъ ихъ вниманіе не хуже любаго патентованнаго учителя.

Почти во всякомъ изъ нашихъ школьниковъ есть педагогическая струнка, часто весьма сильная. Учитель, умѣющій играть на этой стрункѣ, пріобрѣтаетъ драгоцѣнное, почти необходимое подспорье въ почти неограниченной работѣ, возлагаемой на него исключительными условіями нашей школьной жизни. Во всякой школѣ найдется два-три толковыхъ и усердныхъ мальчика, которымъ, съ великою обоюдною пользою, можно смѣло поручить младшихъ товарищей для извѣстныхъ, нехитрыхъ, но необходимыхъ упражненій. Замѣчательная распространенность этой склонности между крестьянскими ребятами имѣетъ огромное значеніе для всей будущности нашего школьнаго дѣла. Она поведетъ, и уже начинаетъ вести, къ распространенію элементарной грамотности внѣ школьныхъ стѣнъ. Она обезпечиваетъ намъ тотъ громадный контингентъ дешевыхъ сельскихъ учителей, который понадобится намъ въ близкомъ будущемъ, и который не можетъ быть почерпнутъ ни откуда, какъ только изъ среды грамотнаго крестьянства.

Наши школьники поступаютъ въ школу съ твердымъ

намѣреніемъ сдѣлаться грамотными, большею частію по собственной неотступной просьбѣ, съ полною готовностію учиться безъ перерыва съ утра до вечера. Таково и желаніе родителей. Школа, въ которой ограничиваются четырьмя-пятью часами занятій, признанными достаточными педагогическою наукою, считается плохою школою. И родители правы. Они мало цѣнятъ тѣ весьма скудныя свѣдѣнія, которыя могутъ быть пріобрѣтены на показъ въ теченіе трехъ-четырехъ зимъ казеннаго ученія, но высоко цѣнятъ тѣ необходимыя *умѣнья*, которыя дѣйствительно могутъ быть пріобрѣтены въ этотъ срокъ, но лишь при весьма интенсивной работѣ. Все это неудержимо тѣснитъ нашу школу къ увеличенію числа учебныхъ часовъ, и главнымъ двигателемъ тутъ являются сами ученики. Ихъ постоянное присутствіе въ школѣ, ихъ по истинѣ ненасытная жадность къ ученію волею-неволею заставляетъ всякаго внимательнаго учителя умножать число классныхъ занятій, въ особенности въ первой половинѣ зимы, когда нужно пользоваться всѣмъ краткимъ днемъ, и затѣмъ настаетъ длинный вечеръ, въ который ученикамъ и бѣгать по улицѣ невозможно. О тѣхъ особенностяхъ, которыя столь интенсивное ученіе ніе по необходимости вноситъ и въ учебный планъ, и въ школьную дисциплину, скажу впослѣдствіи. Настаиваю теперь только на томъ, что такое интенсивное ученіе не есть насиліе надъ дѣтьми, но уступка ихъ требованіямъ: они пришли учиться, и кромѣ школы дѣваться имъ некуда. Чтобы выжить ихъ изъ класса, буквально нужно погасить лампу. Дѣлаютъ они свое дѣло съ терпѣніемъ и настойчивостію, вполнѣ понимая, что дѣло это трудное и важное. Это отношеніе дѣтей къ школѣ одно и даетъ учителю возможность вести такое усиленное ученіе, которое, впрочемъ, всякому учителю крестьянину представляется вполнѣ нормальнымъ.

Въ прямой связи съ этимъ дѣловымъ направленіемъ нашихъ школьниковъ находится ихъ отличное, бодрое и

веселое, но скромное и ровное поведеніе въ школѣ. Имъ не до шалостей, не до ссоръ. Въ нихъ нѣтъ и слѣда того отвратительнаго сквернословія и скверномыслія, которыми заражены наши городскія учебныя заведенія, въ особенности столичныя. Въ нормальной крестьянской жизни нѣтъ мѣста тѣмъ преждевременнымъ возбужденіямъ воображенія, тѣмъ нездоровымъ искушеніямъ мысли, которыми исполненъ бытъ нашихъ городскихъ классовъ. Русскій народъ, вошедшій въ пословицу своимъ сквернословіемъ, въ сущности самый стыдливый народъ въ мірѣ. Грязь въ глазахъ русскаго человѣка есть грязь. Когда въ немъ проснется звѣрь, живущій въ каждомъ человѣкѣ, онъ кидается ею. Но пока онъ трезвъ, пока онъ остается самъ собою, онъ чистъ въ мысляхъ и словахъ. Гаденькая, любезничающая грязноватость, проникнувшая изъ Франціи въ нравы нашего полуобразованнаго общества, въ нашу литературу низшаго разряда—глубоко ему чужды. Каждый нашъ крестьянскій мальчикъ—такой, еще не испорченный, русскій человѣкъ. Считаю это замѣчаніе нелишнимъ потому, что пугливость нашего министерства относительно совмѣстнаго обученія дѣвочекъ и мальчиковъ, вѣроятно, происходитъ отъ того, что оно судитъ о послѣднихъ по гимназистамъ и кадетамъ ихъ возраста. Ошибочнѣе этого сближенія ничто быть не можетъ. Мальчики и дѣвочки, проводящіе въ деревнѣ, безъ всякаго надзора и безъ всякаго вреда, всю свою жизнь вмѣстѣ, не повредятъ другъ другу и въ школѣ.

Но за то они могутъ принести, и приносятъ другъ другу немалую пользу. Все сказанное мною объ отношеніяхъ мальчиковъ къ школѣ можно сказать и о дѣвочкахъ. Но нельзя не замѣтить на сторонѣ мальчиковъ извѣстнаго преимущества въ развитіи, въ ширинѣ умственнаго кругозора. Это неравенство, весьма сильное между взрослыми крестьянами и крестьянками, по самымъ условіямъ ихъ жизни, въ дѣтяхъ является лишь въ зачаткѣ и сглаживается совмѣстнымъ обученіемъ въ школѣ.

Предоставляю судить читателямъ, не желательнѣе ли такое уравненіе, чѣмъ искусственное усиленіе неравенства черезъ затрудненіе дѣвочкамъ доступа къ прочной грамотности. Не полезно ли для самихъ мальчиковъ съ ранняго дѣтства убѣдиться въ томъ, что ихъ сестры, ихъ будущія жены нисколько не уступаютъ имъ въ умственныхъ способностяхъ?

Средній уровень способностей нашихъ крестьянскихъ дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, вообще очень высокъ. Послѣднія, быть можетъ, еще превышаютъ первыхъ понятливостію и терпѣніемъ. Способности эти разнообразны, но преобладаютъ замѣтно способности математическія и художественныя. Умственный счетъ — любимая забава дѣтей въ промежутки между классными занятіями, и въ немъ легко достигается значительная быстрота и ловкость, такъ же, какъ и въ рѣшеніи сложныхъ письменныхъ задачъ. Пѣніе, при сколько-нибудь умѣломъ преподавателѣ, прививается несравненно успѣшнѣе, чѣмъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Успѣху въ этомъ отношеніи, конечно, способствуетъ сочувствіе родителей. Пѣніе—единственный предметъ преподаванія, о результатахъ котораго могутъ непосредственно судить и безграмотные, который получаетъ немедленное практическое приложеніе, возвышая красоту и торжественность церковной службы. Оно же нѣкоторымъ образомъ даетъ очевидную мѣрку усердія и умѣлости учителя. Но и независимо отъ этихъ выгодныхъ условій, музыкальная даровитость нашихъ крестьянъ поистинѣ изумительна. Ничуть не менѣе распространена другая художественная способность, которая, при нынѣшнемъ зачаточномъ состояніи нашей сельской школы, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ возможность проявиться — способность къ рисованію. Количество дремлющихъ художественныхъ силъ, таящихся въ нашемъ народѣ—громадно, и о немъ пока можетъ составить себѣ приблизительное понятіе лишь внимательный сельскій учитель.

Остается мнѣ дополнить эту бѣглую характеристику нашихъ сельскихъ учениковъ нѣсколькими словами объ ихъ отношеніи къ предметамъ религіознымъ и нравственнымъ. Оно не можетъ быть иное, какъ отношеніе къ нимъ ихъ родителей, лишь болѣе безсознательное и смутное. Мы тутъ вступаемъ въ область, мало изслѣдованную и обширную, въ которую до сихъ поръ бросаютъ яркіе лучи свѣта лишь указанія, разбросанныя въ твореніяхъ трехъ незабвенныхъ покойниковъ: А. С. Хомякова, К. С. Аксакова и Ѳ. М. Достоевскаго. Область эта совершенно выходитъ изъ рамокъ краткой журнальной замѣтки, и я долженъ ограничиться осторожными намеками.

Та высота, та безусловность нравственнаго идеала, которая дѣлаетъ русскій народъ народомъ христіанскимъ по преимуществу; которая въ натурахъ спокойныхъ и сильныхъ выражается безграничною простотою и скромностію въ совершеніи всякаго подвига, доступнаго силамъ человѣческимъ; которая въ натурахъ страстныхъ и узкихъ ведетъ къ ненасытному исканію, часто къ чудовищнымъ заблужденіямъ; которая въ натурахъ широкихъ и слабыхъ влечетъ за собою преувеличенное сознаніе своего безсилія, и, въ связи съ нимъ, отступленіе передъ самыми исполнимыми нравственными задачами, необъяснимыя, глубокія паденія; которая во всякомъ русскомъ человѣкѣ обусловливаетъ возможность внезапныхъ побѣдоносныхъ поворотовъ отъ грязи и зла къ добру и правдѣ,—вся эта нравственная суть русскаго человѣка уже заложена въ русскомъ ребенкѣ. Велика и страшна задача русской школы въ виду этихъ могучихъ и опасныхъ задатковъ, въ виду этихъ силъ, этихъ слабостей, которыя она призвана поддержать и направить. Школѣ, отрѣшенной отъ церкви, эта задача не по силамъ. Лишь въ качествѣ органа этой церкви, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, можетъ она приступить къ ея раз-

рѣшенію. Ей нужно содѣйствіе всѣхъ наличныхъ силъ этой церкви, и духовныхъ и свѣтскихъ...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Парижѣ учебное начальство возымѣло оригинальную мысль подвергнуть статистическому изслѣдованію задушевныя желанія парижскихъ ребятъ. Съ этою цѣлію во всѣхъ начальныхъ школахъ было задано единовременно всѣмъ учащимся сочиненіе на одну тему. Всякій долженъ былъ высказывать, какъ бы онъ желалъ провести свою жизнь. Этотъ матеріалъ былъ подвергнутъ тщательной классификаціи и изслѣдованію, и въ общемъ выводѣ получился успокоительный результатъ, что идеаломъ большинства парижскихъ дѣтей нужно считать честный трудъ и пріобрѣтаемый имъ скромный достатокъ.

Не задаваясь столь строго-научными цѣлями, я часто задаю своимъ ученикамъ темы тождественныя или подобныя: ученики на нихъ пишутъ охотно, и учитель можетъ почерпнуть изъ ихъ отвѣтовъ полезныя указанія. Отвѣты эти самые разнообразные, смотря по возрасту, характеру, степени развитія, минутному настроенію ученика. Но весьма замѣчательно въ этихъ сочиненіяхъ частое повтореніе одного мотива, который, ручаюсь за это, во всякой школѣ, кромѣ русской, можетъ явиться лишь какъ рѣдкое исключеніе.

Большинство мальчиковъ, внимательно относящихся къ заданной темѣ, нарисовавъ себѣ жизнь, соотвѣтствующую ихъ вкусамъ и наклонностямъ (по большей части хозяйственнымъ,—изъ земныхъ благъ самымъ желательнымъ оказывается собственный кусокъ земли), заключаютъ ее отреченіемъ отъ всего мірскаго, раздачею имущества бѣднымъ,—поступленіемъ въ монастырь!

Да, монастырь, жизнь въ Богѣ и для Бога, отверженіе себя,—вотъ что совершенно искренно представляется конечною цѣлью существованія, недосягаемымъ блаженствомъ этимъ веселымъ, практическимъ мальчикамъ. Эта мысль не могла имъ быть навязана учите-

лемъ, нимало не сочувствующимъ нашимъ современнымъ монастырямъ. Монастыря они и не видали. Они разумѣютъ тотъ таинственный, идеальный, неземной монастырь, который рисуется передъ ними въ разсказахъ странниковъ, въ житіяхъ святыхъ, въ собственныхъ смутныхъ алканіяхъ ихъ души...

Осенью 1876-го г. ко мнѣ явился двадцатилѣтній юноша, безземельный сирота, ужъ грамотный, умоляя меня принять его въ число моихъ учениковъ. Въ то время моя школа не была еще переполнена. Я позволилъ ему поселиться въ ней, возложивъ на него нѣкоторыя обязанности по школьному хозяйству, надзору за учениками, и т. д. Радости его не было конца, и онъ съ жаромъ принялся за ученіе. Его ровный и веселый характеръ, горячее участіе, съ которымъ онъ вошелъ во всѣ интересы школы, въ нѣсколько дней сдѣлали изъ него общаго любимца.

Приближался наборъ, надвигалась Восточная война, въ неизбѣжности которой никто въ крестьянскомъ мірѣ не сомнѣвался. Всѣ разговоры вертѣлись около этой предстоящей войны. Мой Иванъ Самсоновъ съ радостію готовился къ слишкомъ вѣроятному поступленію на военную службу. Но не надежда отличиться на этой войнѣ, не великое значеніе ея, которое онъ вполнѣ понималъ, одушевляли его, а *надежда быть убитымъ* на этой войнѣ, искренняя и радостная надежда. Въ ноябрѣ онъ вынулъ жербій и попалъ въ войска, расположенныя въ Варшавскомъ военномъ округѣ. Я часто получалъ отъ него письма, исполненныя возрастающаго нетерпѣнія. По объявленіи войны, это нетерпѣніе достигло крайнихъ предѣловъ, и онъ вздумалъ *бѣжать* въ ряды дѣйствующей арміи, но, къ счастію, предварительно обратился ко мнѣ за совѣтомъ. Скоро его желанія сбылись. Его полкъ двинули къ Дунаю. «Наконецъ», писалъ онъ, «мнѣ удастся омыть своею кровью мое грѣшное тѣло». Затѣмъ послѣдовало лишь нѣсколько печальныхъ строкъ

изъ-подъ Плевны... До сихъ поръ не знаю, когда и какъ онъ погибъ.

Правъ ли я былъ, утверждая, что къ нашей сельской школѣ нельзя подойти съ одними отвлеченными педагогическими понятіями и пріемами?

Все сказанное мною объ ученикахъ нашихъ школъ относится къ ученикамъ нормальнымъ, дѣтямъ порядливыхъ и бо́лѣе или менѣе зажиточныхъ крестьянъ, которые одни до сихъ поръ пользуются у насъ ученіемъ. Но кромѣ ихъ, въ составъ учащихся въ сельской школѣ входятъ и другіе элементы: дѣти причетниковъ, служащихъ при господскихъ усадьбахъ, бездомныя сироты, обучающіяся и живущія при школахъ на средства добрыхъ людей, дѣти сельскихъ торгашей и кабатчиковъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ (весьма многочисленныхъ въ нашей мѣстности); наконецъ, въ школѣ, въ которой я учу, дѣти Латышей - арендаторовъ, въ значительномъ числѣ поселившихся въ нашемъ приходѣ. Не стану говорить въ отдѣльности о всякомъ изъ этихъ разрядовъ учениковъ, вообще малочисленныхъ; но не могу не сказать нѣсколько словъ о двухъ изъ нихъ, представляющихъ особыя затрудненія для учителя.

Истинную язву нашихъ сельскихъ школъ составляютъ дѣти торгашей и кабатчиковъ. Эта денежная аристократія нашихъ селъ, ничего не дѣлающая для школъ *), отлично умѣетъ пользоваться ими для первоначальнаго обученія своихъ дѣтей, затѣмъ нерѣдко поступающихъ въ гимназіи и городскія училища. Эти дѣти, выросшія въ кабакѣ, въ праздности и относительной роскоши, въ

*) Кабатчики впрочемъ нерѣдко съ великимъ шумомъ и трескомъ основываютъ школы. Это *основаніе* заключается въ пожертвованіи какой-либо негодной постройки и обѣщаніи дальнѣйшей поддержки, подъ условіемъ перенесенія волостнаго правленія въ сосѣдство кабака, принадлежащаго жертвователю. Крестьяне постоянно попадаются на эту удочку. Разумѣется, какъ только цѣль достигнута, всякая помощь школѣ прекращается. Исключенія весьма рѣдки: мнѣ извѣстно только одно.

атмосферѣ грязи и обмана, рѣзко отличаются отъ всѣхъ прочихъ учениковъ. Школа, въ которой они рѣдко живутъ, не въ силахъ перевѣсить тлетворныя вліянія домашняго очага. Ихъ сквернословіе, ихъ мерзкія шалости составляютъ грубый диссонансъ въ мирномъ строѣ сельской школы.

Менѣе испорчены, но также весьма затруднительны для учителя тѣ несчастныя дѣти, которыя попадаютъ въ школу послѣ нѣсколькихъ лѣтъ нищенства. Очень трудно побѣдить въ нихъ привычку къ праздности, къ бродячей жизни, разные сопряженные съ нею дурные навыки. Число этихъ дѣтей пока еще весьма незначительно. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ касается нашей сельской школы общественная и частная благотворительность. Но обращаю вниманіе на этотъ незначительный контингентъ, потому что увеличеніе его крайне желательно. Тѣ печальныя послѣдствія, физическія и нравственныя, которыя влечетъ за собою раннее нищенство дѣтей, настоятельно указываютъ на необходимость предотвращать его помѣщеніемъ дѣтей въ школы и изъискать нужныя для этого денежныя средства.

Быть можетъ, дочитывая эту замѣтку, читатель заподозритъ меня въ излишнемъ пристрастіи къ ученикамъ сельской школы, спроситъ себя: не подкрашиваю ли я дѣйствительность, подбирая для ихъ характеристики черты исключительно свѣтлыя, симпатическія. Самъ задаю себѣ этотъ вопросъ, но по совѣсти долженъ отвѣчать на него отрицательно. Пусть вспомнитъ читатель, что до сихъ поръ мы въ сельскихъ школахъ имѣемъ дѣло съ дѣтьми лучшаго меньшинства нашего крестьянства. Дай Богъ, чтобы духъ, воцарившійся съ ними въ нашей сельской школѣ, не измѣнился и не заглохъ, а упрочился и развился.

Пусть вспомнитъ также читатель, что съ нимъ говоритъ не случайный посѣтитель, подкупленный веселымъ и бодрымъ видомъ школы, а учитель, проводящій въ

ней всю свою жизнь. Зимою, онъ съ 8-ми часовъ утра до 8-ми часовъ вечера окруженъ семьюдесятью крестьянскими ребятами, въ будни и праздники. Этотъ учитель—человѣкъ больной и старый, избалованный инымъ образомъ жизни. Поручите ему, при тѣхъ же условіяхъ, столько же дѣтей того же возраста, самаго тщательнаго воспитанія, изъ самыхъ лучшихъ нашихъ семействъ,—и онъ черезъ недѣлю сошелъ бы съ ума. Физическое утомленіе, неизбѣжное при этомъ образѣ жизни, съ избыткомъ вознаграждается тѣмъ душевнымъ отдыхомъ, который онъ нашелъ на склонѣ лѣтъ и силъ, — такъ близко, такъ легко.

Да проститъ мнѣ читатель нескромность этого, чисто личнаго аргумента. Покоряюсь на его насмѣшку, если только мнѣ удалось возбудить въ немъ малѣйшее желаніе заглянуть въ этотъ скромный міръ, столь доступный и, какъ мнѣ кажется, столь мало еще знакомый нашему образованному обществу.

III.

Поговоривъ объ ученикахъ сельской школы, мнѣ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ ея учителяхъ. Будучи самъ однимъ изъ нихъ, прошу напередъ извиненія у читателей, если, несмотря на всѣ мои старанія, мнѣ не удастся удержаться при этомъ въ границахъ строгаго безпристрастія.

Учителя, подвизающіеся въ нашихъ оффиціально признанныхъ сельскихъ школахъ, распадаются на три разряда, рѣзко отличающіеся между собою. Укажу на особенности каждаго изъ нихъ, въ порядкѣ появленія ихъ на поприщѣ сельскаго учительства.

Первый разрядъ, и по времени появленія, и по внутреннему достоинству, составляютъ молодые люди, окончившіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ и готовящіеся къ священническому сану. Наша сельская школа не

имѣетъ, и долго не будетъ имѣть, контингента учителей, болѣе солидно и многосторонне подготовленныхъ. Основательность ихъ свѣдѣній, въ особенности по русскому и церковно-славянскому языку и по Закону Божію, вполнѣ вознаграждаетъ нѣкоторую недостаточность въ знакомствѣ съ пріемами элементарнаго обученія. Эта недостаточность, впрочемъ, лишь относительная. Въ духовныхъ семинаріяхъ преподается педагогика, при нихъ существуютъ воскресныя школы для упражненія воспитанниковъ *). На той ступени умственнаго развитія, которая достигается нашими семинаристами, всякій методъ преподаванія усваивается сознательно и легко. Громадное преимущество доставляетъ имъ также полное практическое знакомство съ богослуженіемъ и извѣстный навыкъ къ церковному пѣнію. Тѣ немногіе изъ нихъ, для которыхъ священство есть дѣло призванія, и многіе другіе, въ силу своей умственной зрѣлости, относятся къ своему дѣлу добросовѣстно и серьезно. Привлеченіе ихъ къ дѣятельности въ сельской школѣ (чрезъ особую, назначенную имъ стипендію) составляетъ дѣйствительную заслугу Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Но само собою разумѣется, что этотъ цѣнный контингентъ, при возрастающемъ количествѣ школъ, при повсемѣстномъ недостаткѣ въ священникахъ, совершенно исчезаетъ сравнительно съ потребностію въ учителяхъ. Рѣдкому изъ этихъ молодыхъ людей доводится провести въ должности учителя положенные закономъ три года: они только проходятъ черезъ сельскую школу и оставляютъ ее, не успѣвъ пріобрѣсти тотъ навыкъ, ту опытность, которые одни могли бы сдѣлать изъ нихъ безукоризненныхъ сельскихъ учителей.

Другой разрядъ нашихъ сельскихъ учителей, и самый многочисленный, составляютъ молодые люди, пріобрѣтающіе это званіе посредствомъ экзамена при гимна-

*) Въ настоящее время онѣ преобразованы въ ежедневныя „образцовыя школы“. *Н. Г.*

зіяхъ, уѣздныхъ училищахъ, etc. Экзаменъ этотъ, относительно легкій, даетъ доступъ къ учительской должности всякому, кто способенъ ее исполнить въ предѣлахъ, начерченныхъ оффиціальною программою сельскихъ школъ. Молодые люди, сдающіе его, по большей части окончили курсъ въ уѣздномъ или духовномъ училищѣ, или не окончили его въ какомъ-либо среднемъ учебномъ заведеніи. Какъ весьма рѣдкія исключенія, появляются между ними крестьяне, обучавшіеся въ сельскихъ школахъ, и затѣмъ нашедшіе случай пополнить свои свѣдѣнія до уровня, требуемаго программою учительскаго экзамена. Такія учителя, если не ошибаюсь, встрѣчаются въ Тульской губерніи, въ сферѣ дѣятельности Ясно-Полянской школы графа Л. Н. Толстаго. Въ небольшомъ количествѣ встрѣчаются они и въ Смоленской губерніи.

Само собою разумѣется, что общая характеристика этого разряда учителей невозможна: между ними встрѣчаются учителя отличные, посредственные и изъ рукъ вонъ плохіе, смотря по ихъ личнымъ свойствамъ, по той школѣ, которую они прошли до экзамена. Лишенные всякой теоретической педагогической подготовки, они вынуждены пользоваться пріемами той школы, изъ которой они вышли, подражать пріемамъ учителей, болѣе опытныхъ, или ощупью создавать себѣ собственные пріемы, сообразно своимъ умственнымъ силамъ и матеріальнымъ средствамъ школы, въ которой они учатъ. Инспектора народныхъ училищъ, какъ уже сказано, по несоразмѣрной обширности своего круга дѣйствій, по множеству возложенныхъ на нихъ канцелярскихъ трудовъ, не имѣютъ физической возможности направить дѣятельность этихъ учителей, придать ей какое-либо методическое единство. Между тѣмъ, этотъ разрядъ учителей, постоянно возрастающій въ числѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Это пока единственные полноправные учителя, которые по карману нашимъ крестьянскимъ

обществамъ, нашимъ волостямъ, нашимъ приходамъ. Это люди, сознательно выбравшіе себѣ учительскую должность, иногда за неимѣніемъ лучшей, иногда по дѣйствительной склонности или призванію, напередъ знакомые съ ея болѣе чѣмъ скромною обстановкою, дорожащіе этою должностію, по меньшей мѣрѣ какъ своимъ единственнымъ, окончательнымъ ремесломъ, или какъ замѣною обязательной воинской повинности. Размноженіе этихъ учителей—плодъ дѣйствительной потребности, и притязанія ихъ нейдутъ далѣе дѣйствительно достижимаго.

Третій разрядъ нашихъ сельскихъ учителей составляютъ тѣ учителя ex professo, которые выходятъ изъ нашихъ учительскихъ семинарій. Количество ихъ возрастаетъ, но не такъ быстро, какъ можно было бы ожидать по количеству этихъ заведеній. Прибыль ослабляется постоянною убылью, по причинамъ, которыя я тотчасъ изложу.

Наши учительскія семинаріи наполняются, съ одной стороны, молодыми крестьянами, окончившими курсъ въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ, съ другой — юношами изъ всѣхъ прочихъ сословій. Причины, побуждающія ихъ поступать въ эти заведенія — разнообразны, но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ между ними играетъ видную роль — сознательное желаніе поступающаго посвятить себя учительскому званію. Преобладающимъ мотивомъ со стороны родителей-крестьянъ является тутъ смутное желаніе вывести своихъ дѣтей въ *господа;* со стороны родителей другихъ сословій—вполнѣ сознательное желаніе избавить своихъ дѣтей отъ воинской повинности и доставить имъ три года казеннаго содержанія и ученія, а затѣмъ — казенное мѣсто. Желающихъ поступить въ учительскія семинаріи всегда больше, чѣмъ можно ихъ принять.

Эти юноши въ теченіе трехъ лѣтъ проходятъ тотъ многосложный курсъ ученія, программа котораго по-

дробно изложена на страницахъ «Руси», въ статьѣ г. Николаевскаго. Самое поверхностное усвоеніе такого курса въ столь краткое время стóитъ не малаго труда. О серьезномъ, дѣйствительномъ усвоеніи не можетъ быть и рѣчи. Особенно печально отражается это несоотвѣтствіе между содержаніемъ курса и его продолжительностію на усвоеніи самыхъ основныхъ предметовъ — русскаго и математики. Но кромѣ массы отрывочныхъ полузнаній, воспитанники учительской семинаріи пріобрѣтаютъ въ ней еще нѣчто другое. Крестьянскаго парня, проведшаго въ ней три года, невозможно узнать. Общество юношей иныхъ сословій, нѣмецкое платье, французскіе танцы, быстрое усвоеніе всѣхъ *внѣшнихъ* признаковъ образованности, столь соблазнительное для впечатлительной, художественно-подражательной русской натуры, неизбѣжно и безповоротно переводятъ его въ разрядъ *господъ* (въ крестьянскомъ смыслѣ этого слова). Онъ вполнѣ отпадаетъ отъ крестьянской среды, и, поступивши на мѣсто, вдали отъ своей родины, прямо примыкаетъ къ среднему слою сельскаго общества, состоящему изъ духовенства, небогатыхъ помѣщиковъ, кабатчиковъ и деревенскихъ кулаковъ. Въ этомъ кругу онъ является образованнымъ, всюду желаннымъ и приглашаемымъ кавалеромъ, затмѣвающимъ недоучившихся барчуковъ и тяжеловатыхъ, робкихъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Его преподаваніе, по новымъ методамъ, имѣющимъ свои достоинства, но мало отношенія къ потребностямъ сельской школы, строгій порядокъ и благообразіе, водворенное имъ въ училищѣ, приводятъ въ восхищеніе мѣстную интеллигенцію, обезпечиваютъ ему одобреніе вѣчно торопящагося учебнаго начальства.

Между тѣмъ, столь выгодное общественное положеніе, укрѣпляющее его въ высокомъ мнѣніи о себѣ, вынесенномъ изъ семинаріи, — имѣетъ свою весьма существенную оборотную сторону: скудость матеріальныхъ

средствъ—повсемѣстную принадлежность нашей сельской школы. Его жалованье, превышающее жалованье прочихъ учителей (воспитанникамъ семинарій достаются лучшія мѣста), все-таки слишкомъ мало, и на улучшеніе въ этомъ отношеніи не имѣется надеждъ. Это жалованье, при полубарскомъ его образѣ жизни, не даетъ ему возможности откладывать на черный день, не даетъ права разсчитывать на женитьбу въ томъ кругу, въ которомъ онъ вращается. Отсюда быстро развивающееся недовольство своимъ положеніемъ, желаніе улучшить его во что бы то ни стало. Первымъ, ближайшимъ выходомъ является поступленіе въ учительскій институтъ, сулящее впереди лучше обезпеченное мѣсто городскаго учителя, сопричисленіе къ служебному чиноначалію, возможность безграничной карьеры... Но всѣмъ воспитанникамъ учительскихъ семинарій нѣтъ возможности поступать въ учительскіе институты; это—удѣлъ немногихъ счастливцевъ. Остальные вынуждены искать иного выхода и рано или поздно его находятъ. Бойкій и грамотный молодой человѣкъ, примкнувшій къ средѣ *господъ* и купцовъ, всегда найдетъ себѣ положеніе менѣе тягостное, чѣмъ положеніе сельскаго учителя, съ вознагражденіемъ не въ примѣръ большимъ. Внѣшній лоскъ, пріобрѣтаемый въ учительскихъ семинаріяхъ, несомнѣнно приноситъ пользу ихъ воспитанникамъ, но не учебному дѣлу.

Конечно, есть исключенія. Есть воспитанники учительскихъ семинарій, съ любовью погружающіеся въ свое дѣло и поэтому довольствующіеся его скромною обстановкою, тщательно пополняющіе собственнымъ трудомъ пробѣлы, оставленные въ ихъ образованіи учительскою семинаріею, вырабатывающіе изъ себя превосходныхъ, прочныхъ сельскихъ учителей. Но такіе молодые люди поступаютъ въ семинарію лишь случайно. Поступленіе въ нее опредѣляется въ весьма раннемъ возрастѣ. Двухклассныя сельскія училища, главные, почти единственные разсадники семинаристовъ изъ крестьянъ (а

они должны считаться нормальными воспитанниками семинаріи), не имѣютъ права оставлять при себѣ для приготовленія въ эти заведенія мальчиковъ старше 16-ти лѣтъ. Въ эти лѣта угадать призваніе трудно—да и некому на это обратить вниманіе.

Все это въ высшей степени ненормально и должно измѣниться... Но не хочу прерывать мою характеристику настоящаго предположеніями о будущемъ.

Всѣмъ извѣстно, что кромѣ нашихъ оффиціальныхъ, регистрованныхъ училищъ, находящихся подъ номинальнымъ контролемъ разныхъ лицъ и учрежденій, у насъ существуетъ сельская школа, ускользающая отъ всякаго контроля, *) отъ всякой статистики, школа, предшествовавшая учрежденію нашихъ правильныхъ училищъ и продолжающая дѣйствовать наряду съ ними. Эта чисто-деревенская школа заключается въ наймѣ жителями какой-либо деревни грамотея, переходящаго изъ дома въ домъ и обучающаго дѣтей этой деревни. Школы этого рода, на которыя до сихъ поръ смотрѣли съ пренебреженіемъ, почти враждебно, наши ревнители просвѣщенія, начинаютъ обращать на себя то вниманіе, котораго онѣ вполнѣ заслуживаютъ. Слышатся даже голоса, указывающіе на нихъ, какъ на единственную нормальную форму сельской школы въ Россіи.

Не впадая въ эту крайность, мы должны признать, что эти самородныя школы сильно способствуютъ распространенію грамотности въ Россіи, той элементарной, но прочной грамотности церковнаго характера, которая соотвѣтствуетъ пробуждающейся потребности нашихъ крестьянъ въ образованіи. Онѣ имѣютъ предъ школами волостными и приходскими то громадное бытовое преимущество, что не отрываютъ своихъ учениковъ отъ семьи. Онѣ, что бы ни говорили наши записные педагоги, со-

*) Съ 1890-го г. школы грамотности подчинены правильному надзору духовенства. *Н. Г.*

ставляютъ могучее подспорье правильной школы, облегчая ея трудъ, сокращая въ ней срокъ ученія.

Но было бы ошибочно думать, что онѣ могутъ вполнѣ замѣнить эту правильную школу. Это видно уже изъ того, что вездѣ, гдѣ существуетъ дѣйствительно хорошая волостная или приходская школа, деревенскія школы въ ея окрестностяхъ исчезаютъ.

Но исчезаютъ онѣ, я въ этомъ убѣжденъ, только для того, чтобы въ ближайшемъ будущемъ возродиться въ новомъ, улучшенномъ видѣ. На мѣсто разныхъ проходимцевъ, занимающихся теперь ремесломъ обученія ребятъ, станутъ грамотные крестьяне тѣхъ же деревень, ученики приходской школы, дѣйствующіе въ ея духѣ и подъ ея руководствомъ. Онѣ составятъ нѣчто въ родѣ параллельныхъ классовъ низшихъ отдѣленій этой школы, подчасъ и старшихъ. Лишь этимъ путемъ, какъ я постараюсь показать ниже, можетъ быть достигнуто, въ сѣверной и средней полосѣ Россіи, поголовное обученіе крестьянскихъ дѣтей грамотѣ. Мысль эта—не новая. Она уже была выражена, съ полною отчетливостію и ясностію, гр. Л. Н. Толстымъ, въ его замѣчательной брошюрѣ о народномъ образованіи. Ту же мысль, не въ столь опредѣленной формѣ, высказывалъ и покойный Ѳ. М. Достоевскій.

Но и въ теперешнемъ ихъ состояніи, эти деревенскія школки заслуживаютъ сочувствія и поощренія. Ихъ, часто весьма плохіе, учителя, имѣя дѣло съ небольшимъ числомъ учениковъ, вынужденные постояннымъ контролемъ родителей къ усиленной дѣятельности, по этому самому достигаютъ результатовъ замѣчательныхъ, по какому бы методу они ни вели свое преподаваніе. Встрѣчаются между ними и люди весьма умные и талантливые, доведенные пьянствомъ и распутствомъ до скитальческой жизни. Само собою разумѣется, что примѣръ ихъ не полезенъ дѣтямъ, не способенъ внушить родителямъ высокаго мнѣнія о благахъ образованія. Но за то вся-

кое опасеніе какой-либо неблагонадежности, политической или религіозной—тутъ невозможно: контроль имѣется полный, единственный дѣйствительно существующій въ Россіи...

Таковы учителя, которыми нынѣ располагаетъ наша сельская школа. Читатель видитъ, что они оставляютъ желать многаго, что типъ русскаго сельскаго учителя еще далеко не выработался. Тѣмъ не менѣе, уже теперь исключительныя условія нашей сельской школы налагаютъ на ея учителя особый отпечатокъ. Если онъ человѣкъ по личнымъ качествамъ достойный своего званія, если это званіе не есть только ремесло, навязанное ему случайными обстоятельствами,—онъ неминуемо беретъ на себя нелегкій трудъ приладиться къ этимъ тяжкимъ, своеобразнымъ условіямъ, чтобы извлечь изъ нихъ какую-либо пользу для своихъ учениковъ. Эти ученики поручены ему на краткій срокъ, но за то они у него подъ руками съ утра до вечера. Чтобы добиться какого-либо результата, онъ волею-неволею долженъ умножить число классныхъ занятій, или придумать для дѣтей полезныя занятія внѣ классовъ. Отношенія его къ ученикамъ становятся живѣе, ближе, чѣмъ въ школѣ, дѣйствующей только въ опредѣленные часы. Сила вещей заставляетъ его заботиться о многомъ другомъ, кромѣ успѣховъ этихъ учениковъ въ ариѳметикѣ и чистописаніи. Его затягиваетъ дѣло, по самой своей жизненной сложности, и онъ привязывается къ нему навсегда, если онъ склоненъ къ нему достаточно, чтобы не отказаться отъ него послѣ нѣсколькихъ лѣтъ настойчиваго, слабо вознаграждаемаго труда.

Но однимъ учителемъ не исчерпываются учебныя силы школы. Рядомъ съ нимъ, во всякой школѣ, заслуживающей названіе нормальной, дѣйствуетъ законоучитель-священникъ.

Читателю тотчасъ приходятъ на умъ повторяемые на всѣ лады и, къ сожалѣнію, отчасти справедливые уп-

реки нашему сельскому духовенству за его якобы полное равнодушіе къ дѣлу сельской школы.

Да, эти упреки справедливы, но они преувеличены. Изъ среды нашего сельскаго духовенства рѣзко выдѣляется постепенно возрастающее меньшинство священниковъ, беззавѣтно преданныхъ дѣлу народнаго образованія, видящихъ въ немъ необходимое дополненіе своей пастырской дѣятельности. Благо той школѣ, которая обладаетъ такимъ законоучителемъ! Она не умретъ, какія бы ее ни постигли внѣшнія и внутреннія невзгоды. Она пуститъ и глубокіе корни, и широкія вѣтви.

По самому свойству нашей сельской школы, священникъ, принимающій къ сердцу ея преуспѣяніе, пріобрѣтаетъ въ ней кругъ дѣятельности несравненно болѣе широкій, чѣмъ простое преподаваніе Закона Божія. Онъ раздѣляетъ или беретъ на себя труды учителя по преподаванію церковно-славянскаго языка. Обладая, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, несравненно болѣе солидными и обширными познаніями, чѣмъ учитель *), онъ имѣетъ благотворное вліяніе и на всѣ прочія отрасли преподаванія, ибо, если онъ искренно преданъ школьному дѣлу, онъ человѣкъ непритязательный и скромный, какъ всѣ наши хорошіе священники, щадящій самолюбіе своего младшаго товарища.

Но еще важнѣе воспитательное вліяніе священника на школу. Урокъ Закона Божія, этотъ любимый урокъ нашихъ учениковъ, исходя изъ устъ любимаго священника, учащаго своею жизнію, пріобрѣтаетъ громадную силу, помимо тѣхъ элементарныхъ свѣдѣній, которыя въ немъ сообщаются. Священникъ, и внѣ классовъ слѣдящій за жизнью учениковъ, оторванныхъ отъ семьи, приходящій въ ихъ бѣдныя жилища на утреннюю и вечернюю молитву, входящій въ ихъ маленькія горести,

*) Обратное отношеніе можетъ встрѣтиться лишь въ томъ случаѣ, когда учитель также окончилъ курсъ въ духовной семинаріи.

въ ихъ горькія нужды,—дѣлаетъ больше и лучше, чѣмъ самый искусный преподаватель. Онъ придаетъ смыслъ этой насильственной жизни дѣтей вдали отъ роднаго дома, подъ сѣнію церкви. Онъ завязываетъ съ своею паствою тѣ неразрывныя связи, которыя однѣ даютъ прочность и дѣйственную силу его школьнымъ поученіямъ. Хорошій священникъ—душа школы; школа—якорь спасенія для священника. Все это не предположенія, не благія пожеланія, а краткая отповѣдь моихъ личныхъ наблюденій.

И при всемъ томъ, упрекъ нашему духовенству въ равнодушіи къ школѣ, этотъ страшный упрекъ, заставляющій многихъ сомнѣваться въ нормальности и жизненности нашей сельской школы, въ жизненности самой нашей церкви,—въ общемъ и цѣломъ не теряетъ своей силы. Гдѣ искать причинъ этого прискорбнаго, подавляющаго явленія?

Оглянемся на себя! Вспомнимъ хоть на мгновеніе, что мы не католики, что въ церковныхъ вопросахъ мы не имѣемъ права отдѣлять себя въ качествѣ безсильныхъ, ни за что́ не отвѣтственныхъ мірянъ, отъ непогрѣшимаго, всѣмъ управляющаго клира. Вѣдь церковь——это также мы; въ вопросахъ образованія и ученія, это преимущественно мы, люди досуга и знанія, надѣленные и временемъ, и данными для оцѣнки неизмѣримой важности этихъ вопросовъ. Будемъ откровенны, будемъ искренни. Для многихъ ли изъ насъ вопросы вѣры — вопросы жизни? Принялъ ли хоть одинъ изъ насъ на себя эту должность священника, о важности и святости которой мы такъ охотно толкуемъ? Что́ я говорю! Многіе ли изъ насъ пошевельнутъ пальцемъ, чтобы имѣть въ своемъ приходѣ достойнаго священника, чтобы удержать его въ немъ? Многіе ли изъ насъ смотрятъ на религіозный элементъ въ школѣ, какъ на самую ея суть, а не какъ на благовидный, безвредный придатокъ?

И мы жалуемся на то, что священники наши плохи, что вліяніе ихъ на нашу школу ничтожно!

Да, священники наши плохи. Наше духовенство чахнетъ и гибнетъ, гибнетъ медленною, позорною смертію, похожею на самоубійство. Долго замкнутое въ строгую касту, оно постоянно выдѣляло и продолжаетъ выдѣлять изъ себя всѣ живыя силы, сохраняя въ своихъ нѣдрахъ лишь элементы слабые и косные, да тѣ немногія сильныя личности, въ которыхъ случайно призваніе совпало съ рожденіемъ. Нынѣ замкнутость духовнаго сословія уничтожена закономъ. Двери настежь (онѣ и прежде всегда бы раскрылись передъ твердою волею, передъ искреннимъ призваніемъ), но никто въ нихъ не входитъ. Кто же въ этомъ виноватъ?

Легко ссылаться на Петровскія реформы, на цѣлый рядъ правительственныхъ постановленій, облекшихъ нашу церковь въ мертвящія формы казеннаго вѣдомства. Но все это еще не корень зла, а вопіющій его признакъ. Надъ живою церковью никакое правительство въ мірѣ не властно; зло не въ мѣрахъ правительства, а въ медленномъ, постепенномъ, по большей части безсознательномъ отпаденіи отъ церкви всего, что у насъ есть образованнаго, богатаго, властнаго. Дивиться ли тому, что это отпаденіе, у людей образованныхъ обставленное всѣми приличіями сдержанной недосказанности, въ подражающей имъ полуобразованной массѣ выражается безобразнымъ кощунствомъ или грубымъ лицемѣріемъ? Дивиться ли приниженному матеріально и нравственно положенію нашего духовенства, въ свою очередь выталкивающему изъ него, почти поголовно, всѣ силы, которыя могли бы поднять его нравственный уровень, его нравственный авторитетъ? Полу-робкому, полу-раздраженному отношенію его къ школѣ, водворяемой въ нашихъ селахъ этимъ нецерковнымъ, или даже противуцерковнымъ элементомъ нашего общества? Тому, что у насъ попадаются священники, вовсе не понима-

ющіе значенія церкви для школы и школы для церкви? Тому, что большинство изъ нихъ выжидаетъ, чтобы искренность настоящій на ихъ участіи въ школьномъ дѣлѣ выразилась хотя бы назначеніемъ имъ какого-либо вознагражденія за ихъ учительскіе труды? *) Что священникъ, *только для виду* приглашаемый въ школу, *только для виду* исполняетъ въ ней свои обязанности? **)

Дивиться нужно скорѣе тому, что у насъ встрѣчаются сельскіе священники, и число ихъ не мало, въ тишинѣ и смиреніи совершающіе свое святое дѣло, за которое никто никогда не скажетъ имъ спасибо.

Это печальное положеніе продлится до тѣхъ поръ, пока не измѣнится отношеніе къ церкви нашихъ образованныхъ классовъ, и пока эти классы будутъ задавать тонъ нашей сельской школѣ. Тутъ не помогутъ никакіе министерскіе циркуляры, никакія архипастырскія увѣщанія. Лишь созданіе въ большинствѣ грамотнаго, сознающаго свои вещественныя и духовныя нужды крестьянства можетъ, въ числѣ тысячи противорѣчій нашей общественной жизни, разрѣшить и тотъ узелъ, который до сихъ поръ связываетъ нормальное развитіе нашей сельской школы, и это созданіе неминуемо совершится, даже помимо всякихъ оффиціальныхъ школъ, въ теченіе

---

*) Нѣкоторыя земства, рѣшившіяся наконецъ прибѣгнуть къ этому средству для привлеченія священниковъ къ законоучительству въ сельской школѣ, съумѣли обставить его крайне стѣснительными и непрактическими условіями. Священнику выдается почасная плата, по аттестаціи учителя. Вопервыхъ, этимъ напередъ ставится предѣлъ его школьной дѣятельности. Вовторыхъ, слѣдуетъ вспомнить, что учитель — нерѣдко мальчишка, исключенный изъ средняго учебнаго заведенія за несвособность усвоить правила элементарной орѳографіи—но читающій газеты, напитанный *передовыми* идеями, считающій долгомъ, по примѣру старшихъ, относиться къ священнику, передъ которымъ онъ совершенный неучъ, съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ и канцелярскою придирчивостію. Само собою разумѣется, что этою организаціею священникъ отталкивается отъ школы.

**) Повторяемъ, что „Замѣтки“ написаны до изданія правилъ о церковно-приходскихъ школахъ. *Н. Г.*

двухъ-трехъ поколѣній. Оно же и оживитъ нашу церковь наплывомъ новыхъ силъ въ наше духовенство, могучею поддержкою тѣхъ добрыхъ элементовъ, которые въ немъ уцѣлѣли.

Положеніе нашей церкви опасно. Опасно оно не для самой церкви—ея побѣдоносная жизненность проявляется и теперь для всякаго, кто имѣетъ глаза, чтобы видѣть, уши, чтобы слышать. Оно опасно для тѣхъ, которые отъ нея отпали. Не тайнымъ ли сознаніемъ этой опасности объясняется позорное равнодушіе нашей интеллигенціи къ дѣлу образованія нашего народа, ея торопливая жажда захватить внѣшнюю власть, за неимѣніемъ внутренней?

Спасти эту интеллигенцію отъ гибели, которую она себѣ готовитъ, могутъ только дружныя усилія людей мыслящихъ и вѣрующихъ, неустанная ихъ работа на почвѣ церкви, на почвѣ школы. Медлить невозможно. Предостереженій было довольно.

IV.

Перехожу къ внѣшней организаціи школьнаго дѣла въ нашихъ деревняхъ и селахъ и къ его матеріальной обстановкѣ.

Въ этомъ отношеніи наши сельскія училища представляютъ крайнее разнообразіе. У насъ существуютъ училища министерскія, содержаніе которыхъ почерпается изъ Государственнаго Казначейства при значительной прибавкѣ изъ мѣстныхъ средствъ; училища земскія, въ содержаніи которыхъ въ большей или меньшей мѣрѣ участвуютъ мѣстныя крестьянскія общества — волости или приходы; училища волостныя и приходскія *), поль-

*) Эти послѣднія училища, учрежденныя по уставу 1828-го г. и которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ церковно-приходскими школами, существуютъ въ видѣ исключенія и понынѣ, и подчинены Мин. Нар. Просв. *Н. Г.*

зующіяся болѣе или менѣе щедрою поддержкою отъ земства; наконецъ, училища, исключительно или преимущественно содержимыя на средства частныхъ лицъ. Училища, обезпеченныя принадлежащимъ имъ капиталомъ, составляютъ весьма рѣдкое исключеніе. Денежная помощь, оказываемая Государственнымъ Казначействомъ сельскимъ школамъ не-министерскимъ, совершенно ничтожна.

Это разнообразіе отрадно и поучительно. Оно свидѣтельствуетъ о сильной потребности въ элементарномъ образованіи, изъискивающей всѣ средства для своего удовлетворенія; оно даетъ намъ возможность исподволь собирать данныя для будущей, окончательной организаціи нашего школьнаго дѣла.

Прежде всего, конечно, нужно сказать нѣсколько словъ объ училищахъ министерскихъ: они именуются образцовыми и предназначены служить типомъ для всѣхъ прочихъ сельскихъ училищъ.

Такимъ высокимъ назначеніемъ этихъ учебныхъ заведеній, конечно, объясняется ихъ чрезвычайная дороговизна. Учреждаются они не иначе, какъ при пожертвованіи подъ училище десятины земли и при ежегодномъ взносѣ, изъ мѣстныхъ средствъ, не менѣе 400 р., суммы достаточной для содержанія, безъ всякаго участія министерства, вполнѣ благоустроеннаго училища, находящагося въ вѣдѣніи и подъ контролемъ жертвователей. Учрежденіе двухкласснаго училища требуетъ еще большихъ пожертвованій отъ мѣстнаго населенія. Эти издержки были бы, разумѣется, ничтожны, если бы въ министерскихъ училищахъ мы имѣли передъ собою образцы, которымъ было бы желательно и возможно подражать.

У насъ существуютъ сельскія министерскія училища двухклассныя и одноклассныя. Первыя образцами служить не могутъ, ибо открывать двухклассныя училища не-министерскія не разрѣшается. Подражаніе одноклассныхъ министерскимъ училищамъ не желательно.

Основаны эти училища въ предположеніи, что ученіе въ сельской школѣ можетъ продолжаться бо́льшую часть года, прерываясь совершенно лишь на шесть недѣль. Курсъ въ этихъ училищахъ трехлѣтній. Въ первые два года полагается по три часа уроковъ въ день, въ третій — по четыре. Но дѣйствительное учебное время у насъ обнимаетъ семь мѣсяцевъ (отъ 1-го октября по 1-ое мая), изъ коихъ выпадаетъ одинъ мѣсяцъ на Святки, Страстную и Святую недѣлю *). Въ такіе сроки и при такомъ количествѣ учебныхъ часовъ, сообщить ребенку среднихъ способностей прочную грамотность невозможно. Изъ министерскихъ училищъ исключены дѣвочки, которымъ удается врываться въ прочія, не-образцовыя школы. Это обстоятельство не можетъ внушать сочувствія къ образцовымъ. Наконецъ, въ министерскомъ училищѣ учитъ воспитанникъ учительской семинаріи, совершенно отчужденный отъ родителей своихъ учениковъ, совершенно отъ нихъ независимый, человѣкъ казенный, не вѣдающій иного надзора, иного контроля, какъ со стороны учебнаго начальства, не имѣющаго физической возможности, сверхъ обязательнаго пріѣзда на торопливый экзаменъ, посѣтить училище болѣе одного раза въ годъ. Представляютъ ли эти данныя какое-нибудь ручательство въ успѣхѣ? Не нужно ли, напротивъ, стеченіе совершенно исключительныхъ обстоятельствъ для того, чтобы ученіе, организованное такимъ образомъ, давало какіе-либо ощутимые результаты?

Да, подражаніе нашимъ образцовымъ училищамъ не желательно. Не желательно и ихъ размноженіе. Та доля пользы, которую они несомнѣнно приносятъ, указывая намъ, какъ не слѣдуетъ устраивать сельскую школу, служа, какъ говорятъ нѣмцы, als abschreckendes Beispiel **), вполнѣ достигается наличнымъ ихъ числомъ.

---

*) Это время можетъ быть увеличено на одинъ мѣсяцъ, но лишь для дѣтей болѣе или менѣе зажиточныхъ родителей.

**) Устрашающимъ примѣромъ.

Несравненно нормальнѣе поставлено дѣло въ тѣхъ нашихъ училищахъ, по которымъ издержки и контроль дѣлятся между земствомъ и мѣстными крестьянскими обществами. Положеніе ихъ пока тѣмъ нормальнѣе, чѣмъ бóльшая доля издержекъ падаетъ на мѣстное общество, чѣмъ большая доля контроля, по этому самому, имъ принадлежитъ. Дѣйствительно, при нынѣшнемъ слишкомъ недостаточномъ числѣ сельскихъ училищъ, значительное расширеніе издержекъ земства на народное образованіе едва ли желательно и справедливо. Десятокъ, другой училищъ, разбросанныхъ по цѣлому уѣзду, приноситъ пользу развѣ сотой части его населенія: нѣтъ основанія разлагать издержки по содержанію этихъ училищъ на всѣхъ плательщиковъ земскаго сбора. Съ другой стороны, чѣмъ незначительнѣе доля денежнаго участія мѣстнаго общества въ содержаніи училища, тѣмъ, разумѣется, слабѣе его вліяніе на него, его контроль надъ нимъ, тѣмъ меньше шансовъ на его улучшеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ на усиленіе его матеріальныхъ средствъ. Контроль же земства, при нашихъ разстояніяхъ, при бѣдности нашихъ училищныхъ совѣтовъ людьми, преданными дѣлу народнаго образованія и обладающими педагогическою опытностію, по необходимости весьма слабъ и поверхностенъ, и не можетъ быть усиленъ соразмѣрно съ увеличеніемъ денежныхъ тратъ земства на содержаніе школъ.

Это обстоятельство такъ важно, что можетъ-быть требуетъ болѣе точнаго разъясненія. Наши сельскія училища до сихъ поръ крайне бѣдны, и этимъ затрудняется привлеченіе въ нихъ хорошихъ учителей. Эта бѣдность зависитъ отъ того, что земства, по вышеизложеннымъ причинамъ, не могутъ тратить на нихъ значительныхъ суммъ, а крестьянскія общества, *на первыхъ порахъ*, облагаютъ себя на содержаніе школы въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ,—огромное же большинство нашихъ сельскихъ училищъ существуетъ съ весьма недавняго времени. Тѣ же самые крестьяне готовы заплатить каждый

въ десять разъ больше учителю, который училъ бы ребятъ въ ихъ деревнѣ. Зажиточный крестьянинъ нерѣдко платитъ и въ сто разъ больше грамотею, котораго онъ нанимаетъ для обученія своихъ дѣтей. Количество денегъ, тратимое крестьянами на этотъ предметъ, уже теперь было бы достаточно, чтобы содержать въ каждомъ приходѣ порядочную школу.

Причина этого явленія вполнѣ понятна. Чѣмъ болѣе родители чувствуютъ себя хозяевами въ обученіи своихъ дѣтей, чѣмъ менѣе предвидится по этому предмету дополнительныхъ хлопотъ и издержекъ, тѣмъ болѣе они расположены жертвовать на этотъ предметъ. Отсюда, на первыхъ порахъ, предпочтеніе, оказываемое ими деревенской школѣ передъ приходскою, приходской—передъ волостною. Трудно брать на себя поголовный, равномѣрный взносъ на совершенно неравномѣрное удовлетвореніе одной и той же потребности. Имѣть школу въ верстѣ или въ двадцати верстахъ отъ своего дома—двѣ вещи совершенно разныя. Понятно, что такой взносъ, при возникновеніи новой школы, въ большинствѣ случаевъ не можетъ быть значителенъ.

И при всемъ томъ, этотъ взносъ возрастаетъ вездѣ, гдѣ является школа, сколько-нибудь достойная своего имени. Вездѣ, гдѣ является умѣлый и усердный учитель, гдѣ имѣется священникъ, радѣющій о школѣ, возрастаніе это происходитъ быстро и достигаетъ той цифры, при которой незначительная помощь отъ земства совершенно достаточна для исправнаго веденія дѣла. Тамъ, гдѣ крестьяне имѣютъ возможность поручить выборъ учителя и призоръ за училищемъ лицу, пользующемуся ихъ довѣріемъ, они и при основаніи училища готовы обложить себя гораздо болѣе значительнымъ взносомъ.

Все это вполнѣ разумно, вполнѣ законно. Но при этомъ естественно возникаетъ вопросъ о той сельской единицѣ, къ которой на практикѣ всего удобнѣе пріурочивать наши училища, о томъ кругѣ дѣйствія, доста-

точно обширномъ, чтобы обезпечить ихъ матеріально, достаточно тѣсномъ, чтобы заинтересовать родителей возможностію контроля,—который для этихъ училищъ желателенъ.

У насъ до сихъ поръ преобладаютъ два типа сельскихъ училищъ: негласная, совершенно частная деревенская школка и оффиціально признанное, пользующееся надзоромъ отъ правительства и поддержкою отъ земства волостное училище, возникшее по иниціативѣ того же земства, дѣятельнаго волостнаго старшины или ближайшихъ къ волостному правленію деревень.

Всякому ясно, что наша сѣверная деревня—единица слишкомъ мелкая, слишкомъ бѣдная матеріальными и умственными силами, чтобы создать себѣ удовлетворительную школу. Деревенская школа, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не можетъ повести своихъ учениковъ далѣе голой грамотности церковнаго характера, къ тому же недостаточно осмысленной. Она драгоцѣнна, она въ ближайшемъ будущемъ станетъ необходимою, какъ подспорье, какъ дополненіе къ школѣ болѣе совершенной, но дальнѣйшее самостоятельное развитіе ея почти невозможно.

Но для всякаго, кто близко стоитъ къ школьному дѣлу, столь же ясно, что по отношенію къ этому дѣлу волость — единица слишкомъ крупная, слишкомъ искусственная, и должна быть замѣнена единицею болѣе тѣсною, болѣе органическою, а именно—приходомъ *). Эта замѣна кое-гдѣ начинаетъ совершаться на практикѣ. Не стану тутъ касаться вопроса о правахъ прихода на значеніе основной единицы земской. Въ этомъ вопросѣ не считаю себя компетентнымъ. Но тѣмъ съ большею на-

*) Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, въ которыхъ, по мысли Положенія 19-го февраля, волость совпадаетъ съ приходомъ, соединены самыя выгодныя условія для веденія школьнаго дѣла. Но такіе приходы страдаютъ слишкомъ значительнымъ объемомъ.

стойчивостью считаю себя въ правѣ утверждать, что въ знакомомъ мнѣ дѣлѣ сельской школы приходъ, а не волость, есть та единица, которая для этого дѣла представляетъ прочную, надежную почву.

Чтобы предварительно освоиться съ внѣшнею стороною вопроса, прошу только читателя принять въ соображеніе, что число дѣтей школьнаго возраста составляетъ приблизительно 10% всего населенія; что населеніе нашихъ волостей считается тысячами, а населеніе нашихъ приходовъ — сотнями; что школа при одномъ учителѣ можетъ взяться за дѣло съ десятками учениковъ, а съ сотнями справиться не можетъ.

Да будетъ мнѣ позволено пояснить эти слишкомъ общія соображенія частнымъ примѣромъ. Волость, въ которой я живу, считаетъ около 4000 душъ крестьянскаго населенія обоего пола. Это волость, по нашимъ условіямъ,—средняя. Распадается она на три прихода, также среднихъ и почти равныхъ съ населеніемъ отъ 1300 до 1400 душъ. Предполагая курсъ ученія четырехлѣтнимъ, мы имѣемъ въ нихъ дѣло съ 400 дѣтей — отъ 130 до 140 дѣтей на каждый приходъ. (Это цифры дѣйствительныя, а не выведенныя изъ общихъ соображеній). Каждый изъ трехъ приходовъ имѣетъ школу и во всѣхъ трехъ школахъ вмѣстѣ обучается отъ 140 до 150 дѣтей. Въ настоящее время потребность въ обученіи удовлетворена. Но мы можемъ предвидѣть время, когда этихъ трехъ школъ не хватитъ. Возьмемъ предѣльное число 130 или 140 учениковъ на школу. При такомъ наплывѣ приходская школа можетъ удѣлить каждому ученику только два года, а остальные два года (первые) онъ долженъ обучаться въ школѣ деревенской — и такой порядокъ вполнѣ совмѣстимъ съ успѣхомъ дѣла. Я предположилъ случай крайній, невѣроятный. Но и въ этомъ случаѣ приходская школа, и *только* приходская, какъ увидимъ ниже, можетъ исполнить свое дѣло.

Замѣчу притомъ, что въ упомянутой волости ощу-

щается крайняя нужда въ выдѣленіи нѣкоторыхъ деревень изъ всѣхъ трехъ приходовъ въ особый, самостоятельный приходъ. Возникновеніе этого новаго прихода и устройство при немъ школы, разумѣется, значительно упростило бы дѣло.

Представимъ себѣ одно училище на всю эту волость. Оно бы уже теперь было недостаточно,—не говоря о будущемъ.

Слѣдуетъ вспомнить, съ другой стороны, что наши волости — единицы новыя, подлежащія безпрестаннымъ видоизмѣненіямъ и перекройкамъ, что до сихъ поръ онѣ успѣли установить между своими членами лишь весьма слабую внѣшнюю связь; что ихъ центръ безпрестанно переносится съ мѣста на мѣсто, по волѣ всесильныхъ заправителей сельскаго самоуправленія — деревенскихъ кабатчиковъ; что школа при волостномъ правленіи, т. е. при кабакѣ, есть положительное зло. Слѣдуетъ вспомнить также, что наши приходы сложились вѣками, въ силу географическихъ условій и духовныхъ нуждъ населенія, что ихъ вѣковое существованіе установило между входящими въ ихъ составъ деревнями преемственную нравственную связь, поддерживаемую общеніемъ въ молитвѣ, въ заботахъ о благолѣпіи храма, обычаемъ родственныхъ союзовъ; что наконецъ приходъ есть единственная у насъ мелкая единица всесословная, включающая въ себѣ людей всѣхъ степеней богатства и образованія.

Не стану отрицать, что объемъ и распредѣленіе нашихъ сельскихъ приходовъ представляетъ значительныя ненормальности. На многихъ изъ нихъ остались слѣды крѣпостнаго права въ видѣ произвольнаго насильственнаго распредѣленія деревень по приходамъ. Многіе изъ нихъ нуждаются въ исправленіи границъ, многіе—въ раздѣленіи на два или три самостоятельныхъ прихода (нужда въ сліяніи встрѣчается весьма рѣдко). Эти измѣненія, требующія

крайней осмотрительности и осторожности *), отчасти совершаются уже теперь, и осуществились бы гораздо быстрѣе и успѣшнѣе, еслибы тому не препятствовалъ абсентеизмъ, вещественный и нравственный, нашихъ имущихъ и образованныхъ классовъ. Но при всемъ томъ, за приходомъ послѣ деревни остается значеніе единственнаго дѣйствительнаго, *живаго* союза въ нашемъ сельскомъ быту.

Другое соображеніе первостепенной важности заставляетъ желать, чтобы всѣ по возможности наши сельскія школы приняли характеръ школъ приходскихъ. Такой ихъ характеръ одинъ можетъ привлечь къ нимъ и окончательно за ними обезпечить живое участіе нашего сельскаго духовенства. Въ приходской школѣ священникъ является не наемнымъ преподавателемъ, а исполнителемъ прямыхъ своихъ обязанностей относительно своей паствы. Помимо всякаго денежнаго вознагражденія, онъ своею дѣятельностію въ школѣ возвышаетъ и упрочиваетъ свое положеніе въ приходѣ, и тѣмъ самымъ упрочиваетъ свое благосостояніе. Хорошо веденная приходская школа, возвышая красоту богослуженія, распространяя пониманіе церковной службы и любовь къ ней, прямо ведетъ къ увеличенію церковныхъ доходовъ.

Такова чисто внѣшняя сторона дѣла. Но имѣетъ она и сторону внутреннюю, несравненно болѣе важную. Наша сельская школа, сдѣлавшись приходскою, тѣмъ самымъ пріобрѣтетъ характеръ *церковный* въ широкомъ смыслѣ этого слова, станетъ дѣломъ всѣхъ церковныхъ

*) Дѣйствительно, слить съ приходомъ деревню, которая къ нему не тянетъ, почти невозможно. Послѣ 1812 года, въ наше сосѣдство были переселены изъ Сычевскаго уѣзда государственные крестьяне и причислены къ нашимъ старымъ приходамъ. Они до сихъ поръ составляютъ особнякъ, въ свои приходскія церкви не ходятъ (отъ нихъ расположена гораздо ближе церковь, находящаяся въ Тверской губерніи), браковъ съ коренными прихожанами не заключаютъ, рѣдко съ ними знакомятся. Въ одной изъ этихъ переселенныхъ деревень (самой отдаленной) расплодился расколъ. Лишь со времени открытія школъ началось нѣкоторое сближеніе между этими новыми прихожанами и старыми.

элементовъ сельскаго населенія, духовныхъ и свѣтскихъ, безъ различія состоянія и сословія. Прежде всего она станетъ дѣломъ самихъ священниковъ. Они уже имѣютъ предъ собою слишкомъ рѣдкіе до сихъ поръ примѣры школъ, возникшихъ въ селахъ исключительно по почину ихъ священниковъ, живущихъ ихъ неусыпными попеченіями; но ихъ пугаютъ трудности новаго дѣла, пользу и важность котораго они не могутъ не понять. Между тѣмъ, большинство молодыхъ священниковъ поступаютъ на мѣста съ неопредѣленнымъ желаніемъ сдѣлать для своего прихода нѣчто большее, чѣмъ простое исполненіе службъ и требъ. Эти желанія впослѣдствіи глохнутъ за неимѣніемъ поддержки и общаго направленія. Эту поддержку, это направленіе должна имъ дать та часть нашего образованнаго общества, для которой интересъ къ школѣ неразрывенъ съ интересомъ къ церкви. Уже теперь, всякій сельскій священникъ, дѣйствуя съ терпѣніемъ, безкорыстіемъ и энергіею, можетъ собрать въ своемъ приходѣ средства, необходимыя для содержанія школы. Но не всѣ одинаково одарены этими свойствами. Помощь въ большинствѣ случаевъ необходима.

Распространеніе у насъ приходскихъ школъ будетъ истиннымъ благодѣяніемъ для нашего духовенства. Жизнь нашихъ сельскихъ батюшекъ пуста. Лѣто ихъ кое-какъ наполняется хозяйственными заботами. Но зимою самое добросовѣстное исполненіе службъ и требъ оставляетъ широкіе пробѣлы, поневолѣ наполняющіеся разъѣздами по гостямъ, игрою въ карты, пошлыми общественными развлеченіями. Не говорю уже о тѣхъ печальныхъ случаяхъ, когда они наполняются пьянствомъ и развратомъ. Пора вытянуть ихъ изъ болота, затягивающаго ихъ.

Искреннимъ, дѣятельнымъ участіемъ священника къ школѣ разрѣшается и вопросъ о контролѣ за преподаваніемъ, о томъ ежедневномъ, доброжелательномъ контролѣ, который ей нуженъ. Право на этотъ контроль принадлежитъ всему приходу, но имъ во многихъ отно-

шеніяхъ не могутъ пользоваться родители учениковъ, за недостаткомъ времени и свѣдѣній. Оно на дѣлѣ по необходимости переносится на компетентнаго человѣка, пользующагося довѣріемъ прихода, а таковымъ, за неимѣніемъ дѣятельнаго и образованнаго попечителя, рѣдко достающагося на долю сельской школы, неминуемо является священникъ, стоящій на высотѣ своего призванія. Даровать это право огульно нашему сельскому духовенству было бы величайшимъ зломъ. Но всякій священникъ въ отдѣльности можетъ и долженъ завоевать себѣ это право, не въ силу своего сана, а въ качествѣ истиннаго пастыря своего прихода, радѣющаго о всѣхъ его духовныхъ нуждахъ.

Наконецъ, мы должны предвидѣть тѣ случаи, въ которыхъ приходская школа станетъ слишкомъ тѣсною для всѣхъ желающихъ въ ней учиться, и потребуетъ себѣ въ помощь содѣйствіе подготовительныхъ деревенскихъ школъ. Единственнымъ человѣкомъ, который можетъ въ этихъ мелкихъ школахъ придать ученію желательное направленіе, кто можетъ служить связующимъ звеномъ между ними и школою приходскою, опять таки является священникъ. Придаю этому соображенію особую важность. Не вытѣснить нашу самородную деревенскую школу призваны возникающія у насъ школы болѣе совершенныя, но поднять ее, устроить и дополнить.

Предвижу, что читатель, даже сочувствующій общему смыслу моихъ предположеній, возразитъ мнѣ, что они неосуществимы, пока нашъ приходъ не получитъ болѣе правильной организаціи, болѣе опредѣленныхъ правъ относительно выбора своихъ пастырей и внутренняго управленія. Признаюсь, что не могу стать на эту точку зрѣнія, хотя и не отвергаю ея относительной справедливости. Дѣло въ томъ, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, расширенію нашихъ правъ, по крайнему моему разумѣнію, долженъ бы предшествовать дружный приступъ къ исполненію нашихъ обязанностей.

Все ли сдѣлано въ нашихъ приходахъ, что возможно при настоящихъ условіяхъ? Сдѣлано ли хоть что-нибудь? Гдѣ тѣ признаки оживленія нашей приходской дѣятельности, которые указали бы на необходимость для нея большаго простора? Увы! мы живемъ среди пустыхъ рамокъ и, не думая ихъ наполнить нашей дѣятельностью, жалуемся на ихъ тѣсноту и требуемъ ихъ расширенія! Никакая организація, какъ бы ни была она совершенна, не можетъ создать организма, не можетъ создать жизни, а всякая жизненная дѣятельность неминуемо создаетъ органы ей свойственные, ей необходимые. Будемъ же хлопотать о первомъ, а второе приложится намъ. Всякая общественная дѣятельность слагается изъ личныхъ усилій, возбуждающихъ и поддерживающихъ другъ друга. За отсутствіемъ этихъ личныхъ, свободныхъ починовъ, всякая организація является усыпляющею ложью или мертвящимъ насиліемъ. Поэтому предоставляю другимъ чертить подробности будущаго устройства нашего прихода; ограничиваюсь отрывочными указаніями на дѣло, которое ему предстоитъ. Конечно, не моему слабому голосу разбудить спящихъ, ободрить унывающихъ. Но къ нему, надѣюсь, присоединятся иные голоса, болѣе вѣскіе, болѣе громкіе. Надѣюсь, что самый голосъ вещей дойдетъ до нашего слуха, заставитъ насъ одуматься и очнуться...

V.

Обращаясь къ преподаванію въ сельской школѣ, остановлюсь прежде всего на русскомъ языкѣ, этомъ необходимомъ орудіи всякаго ученія книжнаго и устнаго, на той степени умѣнья говорить, читать и писать, которая можетъ быть достигнута и дѣйствительно достигается въ этой школѣ.

Результаты, достигаемые въ ней, весьма разнородны, смотря по умѣнью учителя и продолжительности ученія.

Требованія, изложенныя въ правилахъ для испытанія на льготу по воинской повинности, столь неопредѣленны и слабы, что удовлетворить имъ нетрудно. Этотъ минимумъ представляетъ мало ручательствъ въ прочности пріобрѣтенной въ школѣ грамотности, и поэтому всякій добросовѣстный учитель старается пойти дальше и сдѣлать лучше.

Вотъ что представляется мнѣ достижимымъ при четырехлѣтнемъ курсѣ ученія:

1. Умѣніе говорить безъ *ошибочныхъ* мѣстныхъ оборотовъ и реченій. Это умѣніе достигается благодаря постояннымъ внѣклассным сношеніямъ учениковъ съ учителемъ въ нашей сельской школѣ, если только этотъ учитель самъ говоритъ правильно по русски, чего нельзя сказать даже о всѣхъ воспитанникахъ учительскихъ семинарій, но что составляетъ преимущество учителей духовнаго происхожденія, даже не прошедшихъ черезъ духовную семинарію. Крестьянина, проведшаго четыре зимы въ хорошей школѣ, тотчасъ можно отличить по болѣе правильному его говору.

2. Умѣніе читать съ полнымъ пониманіемъ доступную по содержанію прозу и стихотворенія Пушкинскаго періода. Всякій хорошій ученикъ дѣльной сельской школы на 15-мъ году съ наслажденіемъ прочтетъ «Капитанскую дочку» и «Дубровскаго», «Бориса Годунова» и «Русалку», «Полтаву» и «Пѣснь про купца Калашникова», «Тараса Бульбу» и «Ночь передъ Рождествомъ», «Ундину» Жуковскаго, «Семейную Хронику» Аксакова *), а также нѣкоторыя вещи второстепенныхъ ихъ современниковъ, Лажечникова, Загоскина, Даля, наконецъ подходящаго къ ихъ строю «Князя Серебрянаго» графа А. Толстаго. Мало того, онъ съ живымъ участіемъ выслушаетъ (при необходимыхъ поясненіяхъ) чтеніе исто-

*) Весьма желательно народное изданіе „Семейной Хроники“, отдѣльно отъ „Воспоминаній“. Эта книга займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ будущихъ нашихъ сельскихъ библіотекахъ.

рическихъ драмъ Шекспира, Иліады Гнѣдича и Одиссеи Жуковскаго *). «Потерянный Рай» Мильтона, несмотря на дубоватый переводъ, приведетъ его въ восторгъ.

За то вся наша послѣ-Пушкинская литература (за исключеніемъ развѣ разсказовъ А. Печерскаго) для него абсолютно неудобоварима. О нашихъ журналахъ и газетахъ и говорить нечего.

Остановимся на этомъ замѣчательномъ явленіи. О немъ стоитъ подумать. Въ немъ есть двѣ стороны, которыя слѣдуетъ строго различать.

Первымъ препятствіемъ къ проникновенію въ народъ нашей новѣйшей литературы служитъ ея языкъ, и это опять въ двухъ отношеніяхъ. Языкъ этотъ все болѣе и болѣе обременяется, отчасти по нуждѣ, отчасти изъ небрежности, иностранными словами. Изъ газетъ, гдѣ эти слова часто неизбѣжны, они все болѣе и болѣе переходятъ въ журналы и книги. Становятся необходимыми словари иностранныхъ словъ, необходимыми и въ сельской школѣ, не для учениковъ, а для учителей, которые безъ ихъ помощи не могутъ прочесть ни одной журнальной статьи, ни одной серьезной книги. Это обстоятельство наконецъ заставило правительство приступить къ изданію особой газеты, которую можно было бы понять, не зная французскаго языка **).

Другое отличіе нашего современнаго литературнаго языка отъ языка Пушкинскаго періода заключается въ злоупотребленіи свободною, лишенною всякой симметріи періодическою формою, въ накопленіи вводныхъ и придаточныхъ предложеній, слабо сцѣпленныхъ между со-

*) Эти слова С. А. вызываютъ во многихъ читателяхъ недоумѣніе. Но оно легко разрѣшается, если принять во вниманіе, что рѣчь идетъ о сравнительно взрослыхъ, кончившихъ курсъ ученикахъ,—притомъ конечно болѣе или менѣе исключительныхъ. *Н. Г.*

**) Могу засвидѣтельствовать, что первые нумера „Сельскаго Вѣстника“ читаются грамотными крестьянами съ живымъ интересомъ. Этому изданію если его будутъ вести съ тѣмъ же тщаніемъ, котораго оно заслуживаетъ, предстоитъ блестящая будущность.

бою, — складъ рѣчи Гоголевскій, дающій писателю неограниченный просторъ для развитія и окраски своей мысли, но затрудняющій быстрое пониманіе и плавное чтеніе.

Но есть другая, внутренняя, существенная причина, по которой весь Гоголевскій періодъ русской литературы остается и навсегда останется недоступнымъ русскому народу. Онъ не болѣе, какъ яркое отраженіе переходнаго состоянія русскаго, отчасти европейскаго общества, отраженіе такихъ внутреннихъ процессовъ его сознанія, которые совершались лишь въ верхнемъ его слоѣ, которые не имѣютъ ни общечеловѣческаго, ни всенароднаго значенія. Нужно было пережить то, что пережило нынѣ старѣющееся поколѣніе, чтобы понять вполнѣ Бельтова и Базарова, Обломова и Рудина, Левина и Раскольникова. Будущимъ поколѣніямъ они станутъ столь же загадочными, какъ для нынѣшняго юношества становятся загадочными Онѣгинъ, Чацкій и Печоринъ. Переживетъ насъ только «Война и Миръ» графа Л. Н. Толстаго, и то не благодаря Петру Безухову и князю Андрею, а благодаря Кутузову и Наташѣ, благодаря грандіозной общечеловѣческой подкладкѣ. Впрочемъ, графъ Л. Н. Толстой еще долженъ написать (не *для народа*, а для себя) книгу, которая проникнетъ въ самую глубь народа и останется, и эту книгу онъ напишетъ. Въ массы проникаютъ только произведенія вѣчныя.

Само собою разумѣется, что тутъ я говорю о результатахъ ученія въ сельской школѣ, а не о томъ матеріалѣ, который можетъ служить ему орудіемъ. Сказать два слова объ этихъ результатахъ необходимо, ибо сельская школа есть школа окончательная, а не подготовительная. Но и при этой оговоркѣ боюсь, чтобы сказанное мною не показалось страннымъ многимъ изъ моихъ читателей. Смѣю увѣрить ихъ однако, что я говорю не на основаніи какихъ-либо отвлеченныхъ соображеній, а на основаніи опыта, купленнаго длиннымъ ря-

домъ исканій и ошибокъ. Сохраняю постоянныя сношенія съ бывшими учениками моей школы. Они гостятъ въ ней по долгу на Святкахъ, проводятъ со мною цѣлые дни передъ праздниками для спѣвокъ. Имѣю случай много читать съ ними, много говорить съ ними о томъ, что они читаютъ. Что же дѣлать, если вся наша поддѣльная народная литература претитъ имъ, и мы принуждены обращаться къ литературѣ настоящей, неподдѣльной? Если при этомъ оказывается, что Некрасовъ и Островскій имъ въ горло не лѣзутъ, а слѣдятъ они съ замираніемъ сердца за терзаніями Брута, за гибелью Коріолана? Если Мильтоновскій сатана имъ понятнѣе Павла Ивановича Чичикова? («Потерянаго Рая» я и не думалъ заводить, они сами притащили его въ школу). Если «Записки Охотника», этотъ перлъ Гоголевскаго періода, по прозрачной красотѣ формы принадлежащій Пушкинскому, оставляетъ ихъ равнодушными, а «Ундина» Жуковскаго съ первыхъ стиховъ овладѣваетъ ими? Если имъ легче проникнуть съ Гомеромъ въ греческій Олимпъ, чѣмъ съ Гоголемъ въ бытъ петербургскихъ чиновниковъ?

Нужно ли присовокуплять, что вся наша публицистика для грамотныхъ крестьянъ, въ большинствѣ случаевъ и для учителей сельской школы,—вовсе не существуетъ? Что та «рабья манера писать», въ которой она все болѣе изощряется, въ которой въ сущности и заключается весь ея вредъ для полуобразованныхъ классовъ, дѣлаетъ ее совершенно недоступною и непонятною для того грамотнаго люда, который стоитъ на ступени образованія элементарнаго, хотя бы самаго тщательнаго?

Но ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ обаяніемъ, которыя производятъ творенія Пушкина, начиная съ его сказокъ и кончая Борисомъ Годуновымъ. Когда я еще не приступалъ къ занятіямъ въ школѣ, я думалъ, что знаю Пушкина и умѣю его цѣнить. Я ошибался. Узналъ я его только теперь. Этотъ свѣтлый, реальный міръ,

который меня окружаетъ, міръ бодрой вѣры и трезваго смиренія, міръ духовной жажды и здраваго смысла, — этотъ міръ столь новый и какъ будто давно знакомый, это *его* міръ, съ ранняго дѣтства плѣнявшій и манившій насъ. Онъ *его* пѣвецъ, онъ *его* пророкъ...

Пушкинъ! Наше образованное общество недостойно такого поэта. Да, мы воздвигли ему памятникъ. Мы рукоплескали вдохновеннымъ рѣчамъ, которыми немногіе избранные почтили его память. Но гдѣ тотъ «памятникъ нерукотворный», который *онъ* воздвигъ себѣ, который онъ намъ ввѣрилъ, умирая? Онъ повергнутъ во прахъ, кучами грязи засыпана къ нему народная тропа. По безумной прихоти монополиста-издателя, наша школа, нашъ народъ лишены величайшаго сокровища, какимъ обладаетъ Россія. Да одинъ ли онъ виноватъ? О чемъ думаетъ общество? Вѣдь есть же сумма, за которую это злополучное право изданія можетъ быть выкуплено! Вѣдь находятся же у насъ деньги, не только на французскій театръ и итальянскую оперу, но и на дѣла милосердія, на помощь неимущимъ, на пропитаніе голодающихъ? Когда же вспомнимъ мы наконецъ, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, когда поймемъ, что русскій человѣкъ—менѣе всякаго? *).

Экземпляръ сочиненій Пушкина необходимъ во всякой грамотной семьѣ, во всякомъ среднемъ учебномъ заведеніи. Но еще болѣе необходимъ онъ во всякой сельской школѣ. Языкъ Пушкина, этотъ волшебный языкъ,— единственный мостъ, соединяющій народную рѣчь съ рѣчью нашей литературы. Его творчество, это—всемогущій талисманъ, сразу раздвигающій вокругъ всякаго грамотнаго тѣсные предѣлы времени и пространства, въ которыхъ до тѣхъ поръ вращалась его мысль.

Но вернемся къ самому чтенію. Дѣйствительно, хо-

*) Писано до 1887 г., т. е. до истеченія права литературной собственности на сочиненія Пушкина и до появленія общедоступныхъ его изданій. *Н. Г.*

рошее громкое чтеніе, столь рѣдкое даже въ образованныхъ классахъ, рѣдко также пріобрѣтается въ сельской школѣ. За то способность къ нему нерѣдко развивается по выходѣ изъ нея. Грамотныхъ ребятъ заставляютъ цѣлыми вечерами читать вслухъ ихъ родители. Эта усиленная практика, стараніе быть вполнѣ понятными безграмотнымъ слушателямъ, составляетъ въ этомъ отношеніи лучшую школу.

3. Умѣніе написать при должномъ вниманіи, безъ ошибокъ противъ русскаго языка и правописанія то, что бываетъ нужно писать въ крестьянскомъ быту: родственное письмо, прошеніе, условіе.

Этимъ требованіямъ рѣдко удовлетворяетъ сельская школа, и они могутъ показаться чрезмѣрными. Тѣмъ не менѣе удовлетворить имъ при четырехлѣтнемъ курсѣ возможно и должно. Сельская школа есть школа окончательная. Русская сельская школа располагаетъ средствами, которыхъ лишена всякая другая элементарная школа.

Но, конечно, для того, чтобы достигнуть этихъ результатовъ, нужно нѣсколько отступить отъ модныхъ педагогическихъ пріемовъ, вести дѣло прямѣе и проще, сосредоточивать свои усилія на изученіи русскаго языка, не задаваясь при этомъ цѣлію сообщить въ придачу ученикамъ энциклопедію реальныхъ свѣдѣній. Нужно просто-напросто пройти съ учениками элементарный, но дѣльный курсъ грамматики, подкрѣпляемый безчисленными упражненіями, добиться отъ нихъ полнаго пониманія и сознательнаго употребленія всѣхъ формъ русскаго языка. Это существенное, неотъемлемое пріобрѣтеніе несравненно важнѣе для нихъ всякихъ отрывочныхъ свѣдѣній de omni re scibili, которыя улетучиваются столь же быстро, какъ они воспринимаются. Только овладѣвъ вполнѣ русскимъ языкомъ, пріобрѣтаютъ они способность читать изъ книги, а не *въ книгу*, по характерному выраженію нашихъ безграмотныхъ крестьянъ.

Удовлетворительнаго учебника грамматики для сель-

скихъ школъ я до сихъ поръ не отыскалъ, и поэтому грамматика у насъ преподается устно, съ начала до конца. Преподаемъ мы ее безъ всякихъ усовершенствованій, сперва этимологію, потомъ синтаксисъ, называя всѣ части рѣчи и предложенія, всѣ формы ихъ подлинными именами. Мы убѣдились, что совмѣстное обученіе этимологіи и синтаксису даетъ результаты быстрые, но неточные. Въ головахъ большинства учениковъ оно порождаетъ плачевное смѣшеніе между понятіями объ имени существительномъ и подлежащемъ, глаголѣ и сказуемомъ и т. д., которое затѣмъ приходится распутывать съ великимъ трудомъ. Модныя выраженія: предметъ, качество, дѣйствіе ни на волосъ не понятнѣе крестьянскимъ ребятамъ, чѣмъ выраженія: имя существительное, прилагательное, глаголъ, безъ которыхъ въ концѣ концевъ не обойдешься; если же они эти выраженія поймутъ, выходитъ еще хуже: приходится имъ объяснять, что бѣлизна не есть качество, писаніе не есть дѣйствіе и т. д., что довольно затруднительно.

Для того чтобы тутъ достигнуть прочнаго результата, необходимо приняться за дѣло съ терпѣніемъ и рѣшимостію, не обходя трудностей, не скрадывая ихъ полуточными облегчительными пріемами, а побѣждая ихъ медленно и постепенно. Въ моей школѣ, приступъ къ грамматикѣ почти совпадаетъ съ приступомъ къ чтенію. Я бы никогда не рѣшился на эту смѣлость. Этотъ пріемъ придумали мои помощники—крестьяне: я имъ предоставляю веденіе младшихъ группъ, въ которомъ они несравненно искуснѣе меня. Въ теченіе перваго года ученики пріобрѣтаютъ немногое: способность ясно различать имя существительное, глаголъ и предлогъ. Но это немногое имѣетъ для всего послѣдующаго громадную важность. Въ теченіе втораго года они выучиваются отличать всѣ части рѣчи, и знакомятся съ склоненіями, въ третій—проходятъ этимологію, въ четвертый—синтаксисъ. Вотъ въ общихъ чертахъ планъ, вырабатываю-

щійся на практикѣ въ нашей школѣ, вѣроятно еще требующій измѣненій. Считаю неумѣстнымъ входить тутъ въ дальнѣйшія подробности.

Точно также не стану утомлять читателей разборомъ тѣхъ многообразныхъ пріемовъ, которые предлагаются и практикуются для самаго приступа къ обученію грамотѣ. Замѣчу только, что тутъ выбору метода въ нашей педагогической литературѣ придается преувеличенная важность. По крайнему моему убѣжденію, лучшій методъ тотъ, съ которымъ лучше всѣхъ освоился учитель. По всякому методу, негрѣшащему особою нелѣпостію, усвоеніе буквъ и складовъ, способности медленно *читать*, совершается, при усиленной работѣ, закипающей въ нашихъ школахъ въ началѣ учебнаго года—въ двѣ-три недѣли. Это—наименьшая изъ трудностей школьнаго дѣла.

Само собою разумѣется, что въ столь короткій срокъ невозможно совмѣстное обученіе чтенію и *письму*, признанное полезнымъ большинствомъ нашихъ педагоговъ. Признаюсь, что выгоды этого совмѣстнаго обученія кажутся мнѣ чрезвычайно сомнительными. Имъ безъ нужды затрудняется доступъ къ грамотѣ: для каждаго звука ученики должны разомъ усвоить два знака, печатный и курсивный; имъ затрудняется пріобрѣтеніе хорошаго почерка: прежде чѣмъ заставлять ребенка чертить буквы, нужно утвердить его руку на каллиграфическихъ элементахъ... Оттягивать искусственно тотъ вожделенный моментъ, когда ребенку дается въ руки книга и съ нею возможность самому, внѣ уроковъ, испытывать свои силы—не желательно.

Но существуетъ видоизмѣненіе этого метода, заслуживающее полнаго вниманія. Заключается оно въ томъ, чтобы начинать обученіе грамотѣ съ совмѣстнаго обученія чтенію и письму на языкѣ церковно-славянскомъ. Совпаденіе славянскаго устава съ печатнымъ начертаніемъ буквъ тутъ дѣлаетъ изъ письма дѣйствительно подспорье чтенію. Самое чтеніе на церковно-славянскомъ

языкѣ несравненно легче, чѣмъ на русскомъ, ибо произношеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ правописанію. Писать уставомъ (какъ пишутъ наши грамотеи-самоучки) несравненно легче, чѣмъ писать курсивомъ или рисовать буквы гражданской печати. Неправильности, неизбѣжныя при всякомъ писаніи буквъ ex abrupto, тутъ не отражаются на курсивѣ, къ которому ученики приступаютъ гораздо позже, утвердивъ свою руку на писаніи палочекъ и прочихъ элементовъ буквъ.

По этому методу дѣло начинается съ звуковаго разбора и писанія самыхъ краткихъ, самыхъ употребительныхъ молитвъ. Ребенокъ, пріобрѣтающій въ нѣсколько дней способность писать: *Господи, помилуй* и *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному*, заинтересовывается дѣломъ несравненно живѣе, чѣмъ если вы заставите его писать: *оса, усы, Маша, каша*. За одно съ обученіемъ грамотѣ тутъ идетъ твердое заучиваніе молитвъ. Переходъ отъ церковной азбуки къ гражданской совершается съ поразительной легкостію и быстротою. Этотъ пріемъ съ полнымъ успѣхомъ практикуется въ одной изъ школъ нашей волости. Онъ, повторяю, заслуживаетъ внимательной и дѣятельной разработки. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что славянская грамота составляетъ такую же необходимую принадлежность нашей сельской школы, какъ и русская, и что порядокъ, въ которомъ пріобрѣтается та и другая, въ сущности безразличенъ.

Но несравненно важнѣе чѣмъ вопросъ объ усвоеніи азбуки и механизма чтенія—вопросъ о первой *книгѣ*, которая дается въ руки ученикамъ нашихъ сельскихъ школъ. Для этой цѣли почти повсемѣстно употребляется «Родное Слово» Ушинскаго, книга замѣчательная, единственная въ своемъ родѣ въ нашей литературѣ. Кромѣ матеріала для школьнаго чтенія, она содержитъ систематическій рядъ школьныхъ упражненій, расположенныхъ въ виду трехгодичнаго курса ученія. Впрочемъ, третій годъ (грамматика) несравненно менѣе распростра-

ненъ, чѣмъ первые два года. Но, къ сожалѣнію, книга эта писана для дѣтей иного возраста (7—10 лѣтъ) и иного сословія, чѣмъ ученики нашихъ сельскихъ школъ. Пользуется она въ нашемъ оффиціально-педагогическомъ мірѣ авторитетомъ почти каноническимъ, и поэтому добросовѣстно и безжалостно употребляется въ нашихъ министерскихъ училищахъ. Но въ большей половинѣ прочихъ школъ она служитъ просто книгою для чтенія, ибо заключающіяся въ ней упражненія черезчуръ ребячливы для нашихъ сельскихъ учениковъ. Но и въ этомъ послѣднемъ качествѣ она въ сельской школѣ крайне неудобна—по своему содержанію. Покойный авторъ, имѣя въ виду дѣтей городскихъ сословій, всего болѣе хлопочетъ о томъ, чтобы знакомить ихъ съ сельскимъ бытомъ, съ сельскою природою, съ народнымъ говоромъ, которые ученикамъ нашихъ сельскихъ школъ извѣстны несравненно лучше, чѣмъ самому Ушинскому. Къ той же публикѣ приноровлено и все остальное содержаніе книги. Не стану распространяться о второстепенныхъ ея недостаткахъ, а ихъ не мало *).

Несравненно выше, какъ матеріалъ для школьнаго ученія, стоятъ «Новая Азбука» графа Л. Н. Толстаго, и его «Книги для чтенія». Если онѣ не вытѣснили досихъ поръ «Родное Слово», то отчасти потому, что большая «Азбука» того же автора, изобилующая драгоцѣнными указаніями относительно пріемовъ преподаванія, не представляетъ такой строгой и легко примѣнимой системы, какъ сочиненія Ушинскаго. Другая и главная причина—безвкусіе нашего педагогическаго міра и равнодушіе, съ которымъ отнеслась къ дѣтскимъ книгамъ графа Л. Толстаго наша литературная критика. Я неоднократно имѣлъ случай убѣдиться, что даже по-

*) Увлеченіе Ушинскимъ уступило мѣсто противуположному взгляду, и нынѣ 1-й годъ „Роднаго Слова“ запрещенъ къ употребленію въ народныхъ школахъ. *Н. Г.*

читатели таланта ихъ знаменитаго автора — вовсе ихъ не читали.

Между тѣмъ, ихъ слѣдуетъ знать всякому образованному русскому человѣку. Ни въ одной европейской литературѣ ничего подобнаго не существуетъ. Мы, кажется, забываемъ, что гр. Л. Н. Толстой—величайшій изъ *нынѣ* живущихъ писателей, не только въ Россіи, но и въ цѣломъ мірѣ. Этотъ великій писатель посвятилъ нѣсколько лѣтъ своей жизни сельской школѣ, много училъ въ ней и многому въ ней научился. Его дѣтскія книги (пригодныя для дѣтей всѣхъ сословій)—не плодъ художественной прихоти, а жизненное дѣло, совершенное съ глубочайшимъ вниманіемъ ко всѣмъ его практическимъ подробностямъ, съ высокою простотою и смиреніемъ. Во многихъ своихъ очеркахъ и мелкихъ разсказахъ онъ доходитъ до чисто Пушкинской трезвости и силы. Отъ нихъ можно прямо перейти къ прозѣ Пушкина.

И при всемъ томъ, та книга, которая нужна въ сельской школѣ—вмѣщающая матеріалъ и для чтенія, и для дѣльнаго обученія русскому языку,—еще не написана...

Остается мнѣ сказать нѣсколько словъ о преподаваніи церковно-славянскаго языка. Начинается оно обыкновенно въ нашихъ школахъ со втораго года ученія, но, какъ мы видѣли, можетъ быть начато и съ перваго. Приступаютъ къ нему посредствомъ разбора общеупотребительныхъ молитвъ, и необходимо довести его до полнаго пониманія *языка* церковно-славянскаго Новаго Завѣта. Это недостижимо безъ практическаго знакомства съ тѣми грамматическими формами, которыми церковно-славянскій языкъ разнится отъ русскаго. Главнымъ орудіемъ тутъ служитъ неоднократное, внимательное чтеніе въ классѣ всѣхъ четырехъ Евангелій, сперва съ помощью русскаго перевода, потомъ по одному церковнославянскому тексту, съ терпѣливыми остановками на каждомъ оборотѣ, который можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію.

Но наряду съ чтеніемъ Евангелія необходимо въ школѣ и чтеніе Псалтири, вопреки всякимъ дидактическимъ соображеніямъ, которыя можно привести противъ ея чтенія.

Псалтирь — книга трудная. На ней, болѣе чѣмъ на какой-либо другой книгѣ Ветхаго Завѣта, отразилось затмевающее вліяніе двойнаго перевода, слишкомъ буквальнаго. Русскій ея текстъ (прямой переводъ съ еврейскаго), своими явными отступленіями отъ текста церковно-славянскаго, болѣе затрудняетъ, чѣмъ облегчаетъ точное толкованіе послѣдняго. Если въ Евангеліи коегдѣ попадаются выраженія, необъяснимыя безъ обращенія къ греческому тексту, то въ Псалтири на каждомъ шагу встрѣчаются такія, которыя могутъ быть разъяснены лишь сличеніемъ и съ текстомъ греческимъ, и съ еврейскимъ. Не у всякаго учителя подъ рукою такое пособіе, какъ толкованіе на псалмы Палладія *). Но Псалтирь—единственная священная книга, проникшая въ народъ, любимая и читаемая имъ, и того, что въ ней непосредственно понятно, уже достаточно, чтобы потрясать сердца, чтобы дать выраженіе всѣмъ скорбямъ, всѣмъ упованіямъ вѣрующей души. Темныя реченія, встрѣчающіяся въ ней, и многія другія, которыя разъяснить легко, даютъ полуграмотнымъ людямъ поводъ къ самымъ произвольнымъ, часто чудовищнымъ толкованіямъ. Школа обязана укрѣпить нашъ народъ въ обладаніи этимъ сокровищемъ назиданія и поэзіи, раскрыть, насколько это возможно, передъ своими учениками его высокій, вѣчный смыслъ.

При этомъ не нужно упускать изъ виду одного практическаго соображенія первостепенной важности. Псалтирь читается надъ покойниками. Намъ, людямъ имущимъ, хорошо. Не успѣемъ мы опрятать дорогаго намъ

*) Изданіе учебной Псалтири—учебной не только по крупному шрифту, но и снабженной сжатымъ и дѣльнымъ подстрочнымъ комментаріемъ—было бы крайне желательно.

покойника, окружить его цвѣтами и благоговѣйною траурною обстановкою, какъ причетникъ съ псалтирью возсталъ изъ земли. Могли ли бы мы обойтись безъ его чтенія? А въ той тѣсной избѣ, гдѣ толпятся сосѣди, гдѣ кричатъ дѣти, гдѣ готовится обѣдъ, развѣ мыслимо безъ него обойтись? И вотъ, первымъ дѣломъ, посылаютъ въ школу за учениками. *Въ этой просьбѣ никогда, ни подъ какимъ предлогомъ не должно быть отказа.* Тѣ два-три дня въ году, которые черезъ это выпадаютъ для каждаго ученика старшей группы — не потерянные дни, а необходимое дополненіе къ школьному ученію; та школа, которая не можетъ удовлетворить этой законной потребности прихода, никуда не годится.

Такое же необходимое дополненіе къ школьному ученію составляетъ послѣдовательное чтеніе въ церкви шестопсалмія, часовъ, Апостола...

Мнѣ скажутъ, что мои требованія чрезмѣрны, что слишкомъ много труда возлагаю я на учителя. Да, трудъ немалъ, но онъ необходимъ; но въ нашей сельской школѣ онъ вознаграждается успѣхами, превышающими его мѣру.

Завтра 1-е октября. Это начало нашего учебнаго года, и вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ храмовой праздникъ. Школа наполнена учениками, учащимися и отучившимися, собравшимися для спѣвокъ. Завтра также память св. Романа, творца кондаковъ. Помните ли вы, читатель, его краткое «житіе»? Каждый годъ, въ это время, приходится намъ его читать, и съ этимъ временемъ года оно неразрывно связалось въ моемъ воображеніи. Бѣднаго безграмотнаго пономаря, долгіе годы въ глубокомъ смиреніи служившаго церкви, молившаго Бога о просвѣтлѣніи своего разума, злые церковники тащатъ на амвонъ и говорятъ ему: пой! То, что мы до сихъ поръ сдѣлали для нашей сельской школы, похоже на эту насмѣшку гордыхъ своимъ знаніемъ книжниковъ. И что же? Романъ запѣлъ, запѣлъ пѣснь новую, дотолѣ неслыханную. То, что достигается нашею заброшенною, какъ бы на

смѣхъ оффиціально признанною сельскою школою, всегда представляется мнѣ началомъ такого же чуда.

Чудо совершится до конца. «Иже первѣе досаждаху ему о простотѣ и невѣжествіи, тіи по семъ у него учахуся»...

VI.

Постороннихъ посѣтителей, изрѣдка заглядывающихъ въ мою школу, всего болѣе поражаетъ умственный счетъ ея учениковъ. Та быстрота и легкость, съ которою они производятъ въ умѣ умноженія и дѣленія, обращаются съ мѣрами квадратными и кубическими, соображаютъ данныя сложной задачи, то радостное оживленіе, съ которымъ они предаются этой умственной гимнастикѣ, наводятъ на мысль, что въ этой школѣ употребляются особые, усовершенствованные пріемы для преподаванія ариѳметики, что я обладаю въ этомъ отношеніи какимъ-то особымъ искусствомъ или секретомъ.

Ничто не можетъ быть ошибочнѣй этого впечатлѣнія. Конечно, *теперь* я владѣю нѣкоторымъ навыкомъ къ умственному счету, могу импровизовать ариѳметическія задачи въ томъ быстромъ темпѣ, въ которомъ онѣ рѣшаются моими учениками. Но до этихъ скромныхъ умѣній довели меня или, лучше сказать, домучили сами ученики.

Именно домучили. Никогда не занимался я спеціально ариѳметикою, упражняться въ умственномъ счетѣ никогда и не думалъ. Принялся я за преподаваніе счета въ сельской школѣ, не подозрѣвая, на что́ я иду.

Не успѣлъ я приступить къ упражненіямъ въ умственномъ счетѣ, которыя до тѣхъ поръ въ школѣ не практиковались, какъ въ ней къ нимъ развилась настоящая страсть, не ослабѣвающая до сихъ поръ. Съ ранняго утра и до поздняго вечера стали меня преслѣдовать то одна группа учениковъ, то другая, то всѣ вмѣстѣ, съ требованіемъ умственныхъ задачъ. Считая эти

упражненія полезными, я отдалъ себя въ ихъ распоряженіе. Очень скоро оказалось, что они опережаютъ меня, что мнѣ нужно готовиться, самому упражняться. На пятомъ десяткѣ нѣкоторыя умственныя способности утрачиваютъ свою эластичность. Эта первая зима была для меня очень тяжела.

Къ этому вскорѣ присоединилась страсть къ письменнымъ упражненіямъ въ счетѣ. Ребята вздумали щеголять другъ передъ другомъ быстрымъ и точнымъ умноженіемъ и дѣленіемъ на доскѣ многозначныхъ чиселъ, не поддающихся умственному счету. Тутъ я было совершенно всталъ въ тупикъ. Эти припадки обыкновенно случались вечеромъ. Наши вечернія занятія, теперь все болѣе и болѣе принимающія характеръ правильныхъ уроковъ, тогда были гораздо свободнѣе, да и теперь, во избѣжаніе утомленія, часто приходится нарушать ихъ однообразный строй. Вечеромъ же происходили и спѣвки, въ которыхъ участвовали всѣ мои помощники, всѣ лучшіе ученики. Я оставался одинъ съ непоющими учениками. Этого только и ждали мои мучители. Разомъ, всѣ они, человѣкъ тридцать, сорокъ, накидывались на меня съ дощечками: «Сергѣй Александровичъ, дѣленьице!» — «Мнѣ на сотни! — Мнѣ на единицы! — Мнѣ на милліоны! — Мнѣ на тысячи!» И рѣшенія подавались съ такою быстротою, что я едва успѣвалъ писать задачи. Повѣрять—никакой физической возможности!

Тутъ однажды, въ минуту отчаянья, я безсознательно тиснулъ у себя къ мозгу какую-то невѣдомую мнѣ пружинку, и всѣ дѣленія стали выходить безъ остатка.

Восторгу ребятъ не было границъ. Но увы! На слѣдующій вечеръ они потребовали отъ меня того же, и я не могъ исполнить ихъ желанія. Лишь впослѣдствіи, мало-по-малу, выяснилъ я себѣ то простое сочетаніе мнемоническихъ пріемовъ съ быстрымъ умственнымъ умноженіемъ, которое даетъ возможность придумывать безо-

становочно безконечный рядъ десяти-и двѣнадцати-значныхъ чиселъ, дѣлимыхъ безъ остатка на любыя другія числа, и вмѣстѣ съ тѣмъ — безконечный просторъ для импровизаціи задачъ, устныхъ и письменныхъ.

Эта безпрестанная усиленная возня съ цифрами нагнала на меня настоящій ариѳметическій кошмаръ, загнала меня въ теорію чиселъ, заставила меня неоднократно открывать Америку, т. е. неизвѣстныя мнѣ теоремы Фермата и Эйлера....

Часто задавалъ я себѣ вопросъ, какими основными способностями обусловливается та необыкновенная ловкость въ обращеніи съ числами, тотъ живой интересъ къ цифрамъ и къ сочетаніямъ, которымъ отличаются наши крестьянскіе ребята. Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ значительную роль играетъ ихъ удивительная память. Но кромѣ памяти, тутъ очевидно участвуютъ и другія способности: воображеніе, живо рисующее передъ ними составъ чиселъ изъ первоначальныхъ множителей и ихъ сочетанія *), способность связывать внѣшній видъ цифры съ этимъ составомъ. Почти всегда у хорошихъ счетчиковъ оказывается и художественная струнка. Этому обстоятельству, впрочемъ, особаго значенія придавать нельзя. Крестьянскія дѣти тѣмъ и отличаются отъ дѣтей высшихъ сословій, что односторонніе способности встрѣчаются у нихъ весьма рѣдко. Тотъ изъ нихъ, который способенъ къ пѣнію, непремѣнно окажется способнымъ и по ариѳметикѣ, и по русскому языку,—и наоборотъ, мальчики, умственно слабые, рѣдко имѣютъ какія-либо художественныя способности и склонности. Эта соразмѣрность дарованій распространяется даже на сферу нравственную и придаетъ этимъ дѣтямъ ихъ особенную привлекательность.

---

*) Вчера одинъ мальчуганъ на вопросъ, сколько 84×84, отвѣчалъ *мгновенно*: 7056. Какъ ты считалъ? спросилъ я его.—«Да это квадратная сажень (т. е. число въ ней кв. дюймовъ): я взялъ 50×144 и выкинулъ 144^2. — Проще произвести это умноженіе, чѣмъ превративши 84^2 въ $7^2 \times 12^2$—невозможно.

Говоря тутъ о преподаваніи ариѳметики въ сельской школѣ, ограничиваюсь бѣглыми указаніями на мои наблюденія и впечатлѣнія. Подробныя разсужденія о методикѣ этого предмета были бы неумѣстны на этихъ страницахъ... Но считаю возможнымъ связать съ вышесказаннымъ два замѣчанія, имѣющія практическую важность.

Первое касается того приступа къ преподаванію ариѳметики, который выработанъ нѣмецкими педагогами и получилъ у насъ право гражданства, благодаря повсемѣстному распространенію учебниковъ Евтушевскаго. Основанъ онъ на долговременномъ и всестороннемъ изученіи чиселъ перваго десятка, за которымъ слѣдуетъ столь же кропотливое изученіе чиселъ первой сотни. Пріемъ этотъ, быть-можетъ необходимый, когда приступаешь къ дѣлу съ пятилѣтними дѣтьми (или съ идіотами), отзывается чрезвычайною искусственностію, когда имѣешь дѣло съ дѣтьми вдвое старшими, уже умѣющими считать болѣе ста, уже имѣющими практическое понятіе о десятичной системѣ, благодаря извѣстному имъ счету на копѣйки, гривенники и рубли. А таково большинство дѣтей, поступающихъ въ наши сельскія школы. Нерѣдко приходилось мнѣ наблюдать любопытный фактъ, что крестьянскія дѣти, не умѣющіе *называть* чиселъ далѣе двадцати, подчасъ имѣютъ ясное *представленіе* о числахъ до ста и далѣе. Поддерживать съ такими дѣтьми фикцію, что далѣе десяти—чиселъ нѣтъ, или что они имъ неизвѣстны, совершенно непрактично. Разумѣется, имъ по большей части совершенно прозраченъ лишь первый десятокъ, и составъ чиселъ первой сотни долженъ быть имъ разъясненъ рядомъ упражненій. Но въ этихъ упражненіяхъ нужно избѣгать педантической медленности, постоянно ощупывать дорогу впередъ, имѣя въ виду необыкновенную воспріимчивость количественнаго созерцанія въ нашихъ крестьянскихъ ребятахъ. Притомъ нѣтъ никакой причины скрывать отъ нихъ, въ теченіи всего перваго

года, существованіе тысячей, десятковъ и сотенъ тысячъ—безконечную перспективу чиселъ, группирующихся по системѣ, уже извѣстной имъ по копѣйкамъ, гривенникамъ и рублямъ. Конечно, нужно избѣгать упражненій, превышающихъ силы учащихся, сообщенія такихъ математическихъ истинъ, которыя могутъ быть восприняты только ихъ памятью. Но не менѣе того нужно избѣгать слишкомъ долгаго пережевыванія уже извѣстнаго ученикамъ: оно порождаетъ скуку, отучаетъ ихъ отъ необходимыхъ умственныхъ усилій. Свойствамъ чиселъ первой сотни нѣтъ конца. Если бы мы вздумали ихъ исчерпать прежде, чѣмъ двинуться далѣе, мы бы никогда не дошли до второй.

Другое замѣчаніе, болѣе общаго свойства, сводится къ тому, что ничтожныя знанія, пріобрѣтаемыя въ сельской школѣ, только и получаютъ нѣкоторую цѣну, если сопряжены съ соотвѣтствующими умѣніями. Въ области ариѳметики, — разумѣю тутъ быстрый и вѣрный счетъ, умственный и письменный, — этихъ умѣній инстинктивно добиваются сами ученики, и обязанность учителя—всячески помогать ихъ пріобрѣтенію. Такъ, въ моей школѣ, всякій ученикъ, постигшій тайны дѣленія, считаетъ долгомъ сдѣлать внѣ уроковъ нѣсколько сотенъ *дѣленицъ* на всѣ числа подъ рядъ, начиная отъ 2 до 300, 400, 500, смотря по усердію,—чтобы набить себѣ руку. Это положительно полезно: мнѣ остается только благодарить Бога, что у ребятъ на это хватаетъ терпѣнія, и поддерживать ихъ похвальное рвеніе задаваніемъ имъ дѣленій безъ остатка, или съ остаткомъ, по ихъ заказу, и цѣлымъ рядомъ подобныхъ письменныхъ и умственныхъ упражненій.

Для успѣха дѣла, разумѣется, нужно, чтобы учитель сельской школы владѣлъ пріемами умственнаго счета и имѣлъ къ нему порядочный навыкъ. Къ сожалѣнію, знакомство съ этими пріемами, этотъ навыкъ — у нашихъ учителей встрѣчается рѣдко. Особенно слабы въ этомъ

отношеніи тѣ, которые прошли черезъ учительскія семинаріи. Практическое знакомство съ цифрами, какъ и съ формами русскаго языка, необходимо учителю для того, чтобы придать нѣкоторое оживленіе неизбѣжнымъ внѣклассным занятіямъ.

И это опять приводитъ насъ къ истинной оцѣнкѣ того громаднаго преимущества, которое даетъ русской школѣ одна изъ самыхъ затруднительныхъ, повидимому, ея особенностей—*постоянное* присутствіе въ ней учениковъ. Эта особенность, конечно, отчасти обусловливается причинами чисто внѣшними: невозможностью для дѣтей уходить домой между классами. Но только отчасти. Вездѣ, гдѣ есть внимательный учитель, ученики, живущіе въ двухъ шагахъ отъ школы, точно также проводятъ въ ней всю свою жизнь. Это соотвѣтствуетъ и собственному ихъ инстинкту, и совершенно сознательному желанію ихъ родителей. Эти родители отлично понимаютъ, что при краткихъ срокахъ ученія, которыми пользуются ихъ дѣти, для достиженія какого-либо успѣха нужно пользоваться каждою минутою. Требовательность какъ учениковъ, такъ и родителей, относительно учителей не знаетъ границъ. Имъ не приходитъ въ голову, чтобы въ учебное время учитель могъ подумать объ отдыхѣ.

И они тысячу разъ правы! Развѣ дома, въ тѣсной и темной избѣ, возможны для крестьянскихъ дѣтей какія-либо самостоятельныя занятія? Развѣ при казенномъ количествѣ учебныхъ часовъ возможны какія-либо результаты, кромѣ оффиціально-удовлетворительныхъ отвѣтовъ на экзаменахъ, кромѣ умноженія свидѣтельствъ на льготу по воинской повинности? Развѣ дѣло въ этихъ жалкихъ экзаменахъ, въ этой несчастной льготѣ? Нѣтъ, дѣло не въ томъ, и это понимаютъ тѣ, для которыхъ сельская школа составляетъ не отвлеченный предметъ сочувствій, а кровное дѣло, тѣ, которые ввѣряютъ ей всю жизнь своихъ дѣтей.

Вотъ почему я твердо вѣрю въ будущность этой бѣд-

ной, темной, едва возникающей сельской школы, ощупью создаваемой на нашихъ глазахъ безграмотнымъ народомъ. Ибо—не нужно обольщаться—все, что въ ней есть живаго, добраго, внесено въ нее не нашими просвѣщенными стараніями, не мѣрами правительства, но здравымъ смысломъ и нравственнымъ строемъ этого безграмотнаго народа.

О, еслибъ въ нашихъ образованныхъ классахъ замѣчалась хоть тѣнь этого прямаго, безкорыстнаго духовнаго отношенія къ дѣлу, хоть тѣнь этой истинной вѣры въ пользу истиннаго просвѣщенія! Съ какою радостію сказалъ бы я безъ ограниченій, что вѣрю въ будущность русской школы.

VII.

Изъ всѣхъ сторонъ нашей школьной практики ни одна быть-можетъ не даетъ поводовъ къ столькимъ недоразумѣніямъ, какъ преподаваніе Закона Божія въ сельской школѣ. Коснусь лишь одного изъ нихъ, потому что оно затрогиваетъ самую сущность дѣла и разъясненіе его необходимо.

Въ теченіе послѣднихъ годовъ и въ литературѣ, и въ сферахъ земскихъ и правительственныхъ неоднократно былъ поднимаемъ вопросъ о предоставленіи лицамъ свѣтскимъ права преподаванія Закона Божія въ сельскихъ училищахъ. Въ пользу такого расширенія правъ сельскаго учителя приводились и приводятся самые вѣскіе аргументы: необходимость обезпечить въ сельскихъ школахъ правильное преподаваніе этого важнаго предмета; существованіе школъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ по отдаленности церквей трудно или невозможно пользоваться преподаваніемъ священника; слишкомъ частый отказъ священниковъ отъ законоучительства тамъ, гдѣ этихъ препятствій не существуетъ; совершенная возможность для благочестиваго человѣка, обладающаго самымъ скромнымъ образованіемъ, успѣшно сообщать крестьянскимъ дѣтямъ

тѣ элементарныя свѣдѣнія, которыя требуются существующими программами по Закону Божію; то возвышеніе авторитета учителя въ глазахъ учениковъ и ихъ родителей, которое проистекло бы изъ порученія ему столь святаго и жизненнаго дѣла; примѣръ классическихъ странъ народнаго образованія, Германіи и Даніи.

Въ виду обилія и внушительности этихъ доводовъ, считаю нелишнимъ сопоставить съ ними нѣкоторыя чисто практическія соображенія, не съ тѣмъ, чтобы повліять такъ или иначе на правительственное рѣшеніе вопроса (мои замѣтки чужды такихъ притязаній), но чтобы обратить на него вниманіе тѣхъ изъ моихъ читателей, которымъ дорого преуспѣяніе нашей сельской школы.

Прежде всего нужно замѣтить, что во многихъ нашихъ сельскихъ школахъ, то-есть во всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ священникъ не можетъ или не хочетъ принять на себя преподаваніе Закона Божія, или только числится законоучителемъ, этотъ предметъ преподается, независимо отъ всякихъ разрѣшеній, лицомъ свѣтскимъ, а именно учителемъ. Преподаваніе это противозаконно. Но прекращеніе его равнялось бы немедленному закрытію школы. Безъ преподаванія Закона Божія русская сельская школа существовать не можетъ. Нѣкоторые инспекторы училищъ силятся искоренить это беззаконіе, распекаютъ священниковъ, распекаютъ учителей, увѣщеваютъ послѣднихъ замѣнить преподаваніе Закона Божія перепискою съ начальствующими мѣстами и лицами о *понужденіи* священника къ преподаванію этого предмета. Но старанія эти безплодны. Учителю очень хорошо извѣстно, что этою перепискою онъ никакой помощи отъ священника не добьется, а добьется развѣ своего изгнанія изъ школы. Ему извѣстно также, что самый усердный инспекторъ не посмѣетъ отрѣшить его отъ должности за то, что онъ выучилъ своихъ учениковъ десятку, другому молитвъ, что онъ сообщилъ имъ краткія свѣдѣнія о земной жизни Спасителя...

Въ томъ-то и дѣло, что мы тутъ вступили въ ту область, гдѣ безсильно всякое запрещеніе, гдѣ безплодно всякое принужденіе.

Итакъ, опытъ преподаванія Закона Божія мірянами налицо, опытъ не единичный, а повсемѣстный. Это до сихъ поръ почти скорѣе норма, чѣмъ исключеніе.

Каковы же результаты этого опыта? Скажу не обинуясь, что при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, при полномъ усердіи и достаточномъ знаніи учителя, результаты эти крайне неудовлетворительны, и это по причинамъ неустранимымъ, по силѣ вещей. Дѣти пріобрѣтаютъ тѣ знанія, которыя имъ нужны для экзамена, и только.

Иначе и быть не можетъ. Пусть читатель попытается поставить себя на мѣсто учителя, вынужденнаго заниматься постоянно съ тремя группами (попросту—тремя классами) учениковъ заразъ. Можно за нужду единовременно диктовать одной изъ нихъ, слѣдить за чтеніемъ другой, задавать третьей ариѳметическія задачи. Отъ каждаго изъ этихъ занятій можно отрываться разъ десять въ часъ, на минуту или двѣ, не прерывая занятій учениковъ. Но пусть читатели представятъ себѣ, во что́ обращается, при этихъ условіяхъ, преподаваніе Закона Божія, для котораго соединить всѣ три группы невозможно! Оно неминуемо сводится къ задаванію и выспрашиванію уроковъ, къ упражненію дѣтей въ зубреніи молитвъ и библейскихъ разсказовъ, которому они подвергаются съ покорностію и терпѣніемъ, но безъ всякой ощутительной пользы. Русская сельская школа, въ томъ видѣ, въ которомъ сложилась она подъ гнетомъ обстоятельствъ, положительно не по силамъ *одному* человѣку. Тамъ, гдѣ на помощь учителю не приходитъ священникъ, она своего дѣла исполнить не можетъ.

Такова внѣшняя, такъ-сказать осязаемая сторона дѣла. Но насколько важнѣе сторона внутренняя! Если по простому соображенію времени и среднихъ силъ человѣческихъ, преподаваніе Закона Божія должно быть пору-

чено иному лицу, чѣмъ учителю, преподающему всѣ прочіе предметы, то этимъ лицомъ не можетъ быть никто иной, какъ мѣстный священникъ,—духовный отецъ учениковъ, знавшій ихъ еще до поступленія въ школу, призванный ихъ учить и по выходѣ изъ нея. Онъ имѣетъ возможность не только вести преподаваніе съ каждою группою отдѣльно, въ видѣ безпрерывной, благоговѣйной бесѣды; онъ имѣетъ возможность сказать каждому изъ учениковъ то слово, въ которомъ нуждается душа его, и та власть вязать и рѣшить, которою онъ облеченъ, придаетъ этому слову такую силу, которой никогда не достигнуть слову свѣтскаго человѣка.

Не слѣдуетъ забывать также, что та элементарная программа, которая утверждена Св. Синодомъ для преподаванія Закона Божія въ сельскихъ училищахъ, представляетъ собою лишь minimum того, что́ должно быть сообщаемо ея ученикамъ. Она разсчитана на нормальный школьный возрастъ (до 13-ти, 14-ти лѣтъ), и поэтому изъ нея благоразумно устранено все, что́ превышаетъ пониманіе дѣтей этого возраста. Но въ нашихъ сельскихъ школахъ, рядомъ съ малыми дѣтьми, безпрестанно обучаются отроки 16-ти, 17-ти лѣтъ. Это ученики, попавшіе въ школу поздно, на тринадцатомъ, четырнадцатомъ году, и такихъ учениковъ въ нашихъ сельскихъ школахъ еще долго будетъ много, ибо сознаніе необходимости ученія все болѣе распространяется, отъ семьи къ семьѣ, отъ деревни къ деревнѣ, и особенно сильно проявляется въ подрастающемъ поколѣніи. Многіе крестьянскіе мальчики попадаютъ въ школу лишь послѣ нѣсколькихъ лѣтъ неотступныхъ просьбъ. Эти старшіе (и лучшіе) ученики сельскихъ школъ почти всегда отличаются особымъ интересомъ ко всему, что́ касается вѣры и церкви. Ихъ любознательность прежде всего обращается на подробности богослуженія, а затѣмъ переходитъ и на вопросы догматическіе, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ къ населенію примѣшаны элементы

раскольничьи и иновѣрческіе. Законоучитель безпрестанно бываетъ вынужденъ, въ своихъ бесѣдахъ съ учениками, выходить изъ тѣсныхъ рамокъ обязательной программы. Онъ долженъ обладать такимъ подробнымъ и точнымъ знакомствомъ съ богослуженіемъ нашей церкви, котораго невозможно требовать отъ свѣтскаго учителя. Онъ долженъ имѣть и догматическія познанія, достаточно ясныя и полныя, чтобы не затрудняться отвѣтомъ на неожиданные вопросы самаго серьезнаго свойства. И этихъ познаній нѣтъ, и не можетъ быть, у огромнаго большинства нашихъ сельскихъ учителей. Это обстоятельство не можетъ скрыться отъ старшихъ учениковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти учителя берутъ на себя преподаваніе Закона Божія, и конечно не можетъ способствовать возвышенію авторитета учителя въ глазахъ учащихся. Наконецъ, самое практическое участіе въ богослуженіи, самое чтеніе и пѣніе въ церкви имѣетъ свою освященную преданіемъ технику, въ которой усердные ученики добиваются возможнаго совершенства. И въ этомъ отношеніи учителю, наряду съ учениками, приходится учиться у священника.

Какую же пользу для дѣла можемъ мы ожидать отъ дарованія оффиціальной санкціи тому жалкому способу, которымъ нынѣ ведется преподаваніе Закона Божія въ большинствѣ нашихъ сельскихъ школъ, благодаря именно тому, что оно ведется лицомъ свѣтскимъ, тѣмъ же учителемъ, которому и безъ того слишкомъ много дѣла? Развѣ признаніе плохаго преподаванія удовлетворительнымъ сдѣлаетъ его хорошимъ?

Не должны ли мы, напротивъ, опасаться, что такое признаніе повлечетъ за собою послѣдствія, положительно вредныя? Въ настоящее время все болѣе и болѣе распространяется обычай назначать за преподаваніе Закона Божія въ сельской школѣ денежное вознагражденіе, хотя и скудное, но весьма соблазнительное для нашихъ плохо обезпеченныхъ учителей. Признаніемъ за учителемъ

одинаковыхъ съ священникомъ правъ на преподаваніе Закона Божія между этими лицами было бы возбуждено опасное соперничество, способное въ конецъ подорвать всякій авторитетъ сельской школы.

Итакъ, не гораздо ли естественнѣе хлопотать о замѣнѣ плохаго лучшимъ, то есть о привлеченіи священниковъ къ участію въ школьномъ дѣлѣ?

Тѣ немногія школы, которыя удалены отъ церквей, тѣ искючительные случаи, гдѣ въ одномъ приходѣ существуетъ нѣсколько школъ, тутъ вовсе не входятъ въ разсчетъ. Количество школъ у насъ, сравнительно съ количествомъ приходовъ, еще такъ мало, школы такъ естественно возникаютъ по близости отъ церквей, что говорить о недостаткѣ священниковъ-законоучителей — просто смѣшно. Въ случаѣ же дѣйствительнаго затрудненія въ этомъ отношеніи и по закону, и на практикѣ разрѣшается преподаваніе Закона Божія мірянами, по усмотрѣнію епархіальныхъ начальствъ, которыя никогда не отказываютъ въ этомъ разрѣшеніи учителю, маломальски къ тому способному, очень хорошо зная, что и безъ этого разрѣшенія Законъ Божій имъ будетъ преподаваться.

Всего менѣе, какъ мнѣ кажется, долженъ насъ смущать, по отношенію къ этому вопросу, примѣръ тѣхъ высокообразованныхъ странъ, въ которыхъ процвѣтаетъ дѣло народнаго образованія. Вѣдь эти страны, между прочимъ, протестантскія, а Россія, если не ошибаюсь, страна православная. Едва ли это различіе такъ ничтожно, что можетъ быть совершенно упущено изъ виду, когда дѣло идетъ о преподаваніи Закона Божія. Православная церковь признаетъ нѣкоторое таинство, протестантами отвергаемое, именуемое священствомъ. Этимъ таинствомъ, по ученію церкви, въ числѣ другихъ даровъ Духа Святаго, сообщается и благодать наставленія въ вѣрѣ. Этотъ даръ, какъ и всѣ прочіе евангельскіе таланты, можетъ быть зарытъ въ землю недостойными слу-

жителями церкви, но эта возможность не уменьшаетъ его цѣнности. Священникъ, достойный своего званія (и съ этимъ согласится не только всякій человѣкъ вѣрующій, но и всякій безпристрастный наблюдатель) преподаетъ Законъ Божій успѣшнѣе, т. е. лучше преподавателя свѣтскаго, не только въ силу болѣе обширнаго знанія, но и въ силу того, что онъ священникъ.

Да, мы не протестанты, и намъ не пристало пренебрегать участіемъ духовенства въ дѣлѣ духовнаго образованія народа. Но мы также не католики. Намъ не пристало считать это дѣло исключительнымъ достояніемъ духовенства. И тамъ, гдѣ въ школѣ учитъ, рядомъ съ учителемъ, усердный священникъ, учитель нисколько не устраняется отъ участія въ его трудахъ. Постоянное его общеніе съ дѣтьми, упражненія въ церковнославянскомъ чтеніи, необходимыя въ извѣстныя времена года репетиціи уроковъ законоучителя, отвлеченнаго другими обязанностями, даютъ ему безпрестанные, ежедневные случаи бесѣдовать съ дѣтьми о предметахъ вѣры и нравственности, не принимая на себя роли законоучителя. Это участіе даже необходимо. Лишь при дружномъ сотрудничествѣ законоучителя и учителя возможенъ успѣхъ въ преподаваніи Закона Божія, возможенъ правильный ходъ всего школьнаго дѣла.

Прошу сельскихъ читателей «Руси» (для нихъ пишутся эти замѣтки) обратить вниманіе на эти соображенія. Прошу объ этомъ священниковъ, учителей, попечителей сельскихъ школъ, всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ съ этими школами непосредственное соприкосновеніе. Отъ нихъ, а не отъ правительства, не отъ земствъ зависитъ исцѣленіе тѣхъ недуговъ, которыми страдаетъ сельская школа, естественнымъ путемъ труда и вниманія, а не путемъ опасныхъ экспериментовъ....

VIII.

Русскимъ языкомъ, ариѳметикою (цѣлыхъ чиселъ), Закономъ Божіимъ исчерпывается обязательная программа нашихъ сельскихъ школъ (такъ-называемыхъ одноклассныхъ училищъ). Въ двухклассныхъ министерскихъ училищахъ къ этимъ предметамъ преподаванія присоединяются ариѳметика дробныхъ чиселъ, геометрія, черченіе, элементы геодезіи, географія, русская исторія, естественныя науки, пѣніе и гимнастика, и изученіе какого-либо ремесла. На усвоеніе всѣхъ этихъ добавочныхъ предметовъ полагается два года *).

Желательно ли ввести преподаваніе всѣхъ этихъ предметовъ, или нѣкоторыхъ изъ нихъ, или какихъ-либо иныхъ, во всѣ наши сельскія школы? Возможно ли, и въ какой мѣрѣ, расширеніе ихъ программы? Эти вопросы очень важны, не для всѣхъ ясны, и вызываютъ самые разнорѣчивые отвѣты.

О томъ, что желательно увеличить сумму дѣйствительныхъ знаній, сообщаемыхъ всякою школою, къ какому бы она ни относилась разряду, кажется, не можетъ быть и спору; о той степени опасности, которую представляетъ расширеніе программы безъ соотвѣтствующаго улучшенія и усиленія учащаго персонала, безъ достаточнаго удлиненія учебнаго времени, мнѣнія повидимому раздѣлены гораздо болѣе. Наконецъ, вопросъ о томъ, въ какомъ порядкѣ должно совершаться расширеніе учебной программы нашихъ сельскихъ школъ, къ чему можно приступить немедленно, что до времени слѣдуетъ отложить, рѣшается способами, разнообразными до-пельзя.

Всего естественнѣе обратиться за примѣромъ къ существующимъ у насъ образцовымъ министерскимъ двух-

*) Т. е. двѣ зимы. Нормальное числа учебныхъ дней въ году вертится около 140.

классным училищамъ. Примѣръ этотъ дѣйствительно поучителенъ, но только въ смыслѣ отрицательномъ. Преподаваніе добавочныхъ предметовъ во второмъ классѣ этихъ заведеній не достигаетъ своей цѣли и по недостаточной подготовкѣ учениковъ въ первомъ классѣ, и по сложности программы, и по недостатку времени, и по недостаточной подготовкѣ учителей. Этотъ второй классъ приноситъ пользу лишь въ качествѣ повторительной школы, придающей прочность знаніямъ и умѣньямъ, пріобрѣтеннымъ въ первомъ, который по опредѣленному уставомъ числу уроковъ совершенно недостаточенъ въ смыслѣ окончательной начальной школы. Что́ касается до мнимыхъ знаній по добавочнымъ предметамъ, входящимъ въ программу втораго класса, то пользы принести ученикамъ они, конечно, не могутъ никакой, но свидѣтельство объ обладаніи ими приноситъ имъ вредъ, вселяя въ нихъ желаніе и надежду подняться выше крестьянскаго сословія—надежду, которая не оправдывается ихъ дѣйствительными знаніями.

Итакъ, двухклассныя училища не даютъ намъ прямыхъ практическихъ указаній насчетъ расширенія программы народныхъ училищъ. Этихъ указаній скорѣе слѣдуетъ искать въ школахъ не-министерскихъ, находящихся въ относительно выгодныхъ условіяхъ. Изъ наблюденій надъ такими школами можно вывести слѣдующія данныя.

Вопервыхъ, одинъ изъ существенныхъ элементовъ успѣха при расширенномъ преподаваніи, удлиненіе учебнаго времени, совершенно зависитъ отъ учащихъ въ школѣ учителя и законоучителя. Если только школа ведется ими усердно и исправно, родители охотно оставляютъ въ ней дѣтей не только на четыре, но и на пять, шесть лѣтъ. Къ льготнымъ свидѣтельствамъ они питаютъ глубокое равнодушіе. Нерѣдко они берутъ дѣтей изъ школы за мѣсяцъ до экзамена и столь же часто посылаютъ доучиваться въ школу дѣтей, уже выдержав-

шихъ экзаменъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ они держатся разумнаго правила или вовсе не учить дѣтей, или довести ихъ до настоящей, прочной грамотности. Тамъ, гдѣ школа существуетъ уже много лѣтъ, они отлично понимаютъ, что такая грамотность дается не вдругъ. Итакъ, первымъ условіемъ возможнаго расширенія существующей программы начальной школы является ея *добросовѣстное исполненіе*. Какъ только родители *увѣруютъ* въ школу, убѣдятся, что она сообщаетъ прочную, практически приложимую грамотность, церковную и гражданскую, навыкъ къ быстрому и точному счету, что она учитъ дѣтей молитвѣ и страху Божію, школа смѣло можетъ расширить свой учебный курсъ и по времени, и по содержанію. Они очень основательно заключаютъ, что такая школа, расширяя свое преподаваніе, имѣетъ въ виду пользу ихъ дѣтей, даже когда не понимаютъ спеціальной пользы того или другаго вновь вводимаго предмета.

Вовторыхъ, несомнѣнно, что никакое существенное расширеніе программы нашей сельской школы не можетъ быть осуществлено безъ усиленія ея учащаго персонала. Слѣдить за занятіями болѣе трехъ группъ учениковъ заразъ совершенно невозможно. Безъ такого усиленія всякое введеніе новыхъ предметовъ преподаванія въ нашу школу будетъ ложью и поведетъ только къ ослабленію въ ней преподаванія. Въ этомъ заключается одна изъ самыхъ существенныхъ трудностей дѣла. Наша школа, какъ извѣстно, матеріально крайне бѣдна. Постараюсь указать ниже на самые экономическіе способы для достиженія этой цѣли.

Наконецъ, слѣдуетъ выяснить себѣ, въ какомъ порядкѣ, въ какой постепенности могутъ быть введены въ нашу сельскую школу тѣ предметы преподаванія, которые желательно присоединить къ ея программѣ.

На первомъ планѣ тутъ стоитъ церковное пѣніе, и потому, что ни одинъ предметъ преподаванія не допол-

няетъ столь удачно нашей скудной школьной программы, ни одинъ не возбуждаетъ къ школѣ столько сочувствія въ сельскихъ жителяхъ всѣхъ степеней образованія, и потому, что при свѣдущемъ и даровитомъ учителѣ онъ не требуетъ усиленія учащаго персонала. Чтобы по возможности сократить слишкомъ длинный рядъ моихъ замѣтокъ, позволю себѣ побесѣдовать объ этомъ предметѣ съ читателями «Руси» отдѣльно, впослѣдствіи, тѣмъ болѣе, что о желательности распространенія пѣнія въ сельскихъ школахъ, кажется, нѣтъ и спору.

Затѣмъ, самымъ желательнымъ и полезнымъ шагомъ къ расширенію программы нашей сельской школы представляется введеніе въ нее ариѳметики дробныхъ чиселъ и элементарной геометріи. И то, и другое еще не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго при одномъ усердномъ и дѣльномъ учителѣ и при четырехлѣтнемъ курсѣ. Разумѣется, въ такомъ случаѣ учителю нужно оставлять учениковъ по два года въ одной группѣ (второй). Геометрія—именно первый новый предметъ, который надлежитъ ввести въ нашу сельскую школу, потому что онъ одинъ даетъ намъ средства къ дальнѣйшему расширенію ея программы, къ введенію въ нее географіи, безъ которой невозможно преподаваніе исторіи, потому что онъ имѣетъ множество примѣненій (въ техническомъ рисованіи, геодезіи, всѣхъ строительныхъ и художественныхъ ремеслахъ); потому наконецъ, что онъ приводитъ въ дѣйствіе такія умственныя способности ребенка, которыхъ не затрогиваютъ прочія его занятія въ школѣ. На этотъ предметъ должно быть обращено особенное вниманіе нашихъ учительскихъ семинарій. Для того, чтобы принести пользу, преподаваніе геометріи должно быть тщательно и серьезно обставлено обильными упражненіями въ рѣшеніи задачъ и черченіи. То поверхностное преподаваніе геометріи, которое нынѣ практикуется въ двухклассныхъ училищахъ, есть чистая потеря времени.

Идти далѣе, при одномъ учителѣ, немыслимо. Поэтому столь желательное введеніе въ программу сельскихъ школъ географіи и отечественной исторіи пока возможно лишь въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда школа обладаетъ значительными денежными средствами. Притомъ нужно замѣтить, что преподаваніе русской исторіи въ сельской школѣ есть дѣло величайшей трудности. Оно требуетъ отъ преподавателя точныхъ и обильныхъ свѣдѣній по этому предмету. Оно должно быть подробно и живо. Необходимый скелетъ (хронологическій, географическій, генеалогическій) долженъ быть прочно усвоенъ дѣтьми и одѣтъ плотію и кровію. Не должно забывать, что крестьянскія дѣти лишены всѣхъ тѣхъ *иллюстрацій*, которыя для дѣтей высшихъ сословій оживляютъ школьный остовъ исторіи, и которыя приноситъ имъ сама жизнь—въ литературѣ, въ театрѣ, въ произведеніяхъ искусствъ, въ разговорахъ старшихъ, въ лицезрѣніи памятниковъ старины. Все это должно быть замѣнено учителемъ и тѣми немногими книгами, которыя соединяютъ живое, понятное изложеніе съ дѣльнымъ содержаніемъ *). Другое затрудненіе заключается въ томъ, что взгляды нашихъ историковъ на значеніе самыхъ основныхъ моментовъ русской исторіи расходятся почти діаметрально, и что это разногласіе отражается и въ нашей популярной и дѣтской литературѣ. Въ этомъ хаосѣ трудно разобраться не только ученикамъ сельской школы, но и ихъ учителю.

Что касается до введенія въ программы сельскихъ школъ преподаванія естественныхъ наукъ, то толки о немъ кажутся мнѣ основанными на странномъ недора-

*) Изъ такихъ литературныхъ „иллюстрацій“ особеннаго вниманія заслуживаютъ „Разсказы изъ Русской Исторіи“ покойнаго Разина. Вплетенныя въ нихъ романическія нити самаго невиннаго свойства, и нанизанные на нихъ историческія подробности весьма обильны и выбраны съ тактомъ. Продолженіе этихъ „Разсказовъ“, составленное другимъ авторомъ, гораздо слабѣе.

зумѣніи. Единственный разумный приступъ къ преподаванію наукъ естественныхъ (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова)—наглядное ознакомленіе дѣтей съ мѣстною флорою и фауною, совершенно немыслимъ въ нашей сельской школѣ, въ которой учебный періодъ обусловливается періодомъ покоя органической природы. То же, что можетъ быть сообщено въ нашихъ сельскихъ школахъ путемъ устнымъ и книжнымъ, не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, ни воспитательнаго, ни практическаго, и обречено на неизбѣжное забвеніе. Единственный отдѣлъ наукъ физическихъ, который могъ бы съ пользою быть введенъ въ ихъ программу, при условіяхъ исключительно благопріятныхъ, есть экспериментальная физика—разумѣется, вслѣдъ за геометріею.

Вообще можно сказать смѣло, что при нынѣшнемъ зачаточномъ и крайне неравномѣрномъ развитіи нашей сельской школы, общія мѣры, направленныя къ расширенію ея программы введеніемъ новыхъ предметовъ преподаванія, вовсе не желательны. Желательны усиленіе и правильная постановка тѣхъ предметовъ, которые уже нынѣ преподаются, и умноженіе школъ элементарной грамотности.

Но тѣмъ съ большею внимательностію должны отдѣльныя мѣстности, поставленныя въ особенно благопріятныя условія, единичныя школы, обладающія исключительными денежными средствами и учебными силами, пользоваться всякою возможностію расширить свои учебныя программы, неизмѣнно держась правила вводить лишь то, что по силамъ наличному учебному персоналу, что можетъ уложиться въ мѣстные сроки учебнаго времени. Такія мѣстныя попытки, такіе образцы дѣйствительнаго осуществленія желательныхъ расширеній элементарнаго образованія несравненно сильнѣе подвинутъ дѣло, силою примѣра, указаніями на практическія его трудности и способы ихъ побѣдить, чѣмъ всякія общія мѣропріятія, обреченныя въ большинствѣ случаевъ на

существованіе бумажное, призрачное, на роли благовидной ширмы, закрывающей отъ насъ печальную дѣйствительность.

Я говорилъ до сихъ поръ лишь о желательномъ расширеніи общеобразовательнаго курса нашихъ сельскихъ школъ, насколько оно возможно. Но есть расширеніе иного рода, которое необходимо, и на которое, слава Богу, у насъ начинаютъ обращать серьезное вниманіе. Говорю о распространеніи у насъ, путемъ сельской школы, свѣдѣній и умѣній техническихъ, объ основаніи школъ ремесленныхъ, земледѣльческихъ, доступныхъ нашимъ крестьянскимъ дѣтямъ. Поднятіе кустарной промышленности тамъ, гдѣ она существуетъ, введеніе новыхъ отраслей труда въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя представляютъ для нихъ благопріятную почву, были бы великими, неоцѣненными благодѣяніями. Но при этомъ прежде всего нужно обратить вниманіе на два обстоятельства первостепенной важности.

Вопервыхъ. Основной, повсемѣстный промыселъ нашего сельскаго люда, наиболѣе нуждающійся въ поднятіи, наиболѣе страдающій отъ недостатка положительныхъ знаній и умѣній у кормящихся имъ—есть земледѣліе. Намъ прежде всего нужны крестьянскія земледѣльческія школы. Ихъ нужно намъ много, по крайней мѣрѣ по одной на уѣздъ. Эти школы должны представлять самостоятельныя образцовыя хозяйства, владѣть угодьями, совершенно достаточными для обезпеченія дѣйствительной доходности, по возможности и лѣсными дачами, на которыхъ могъ бы быть поданъ примѣръ правильнаго лѣснаго хозяйства. При такихъ школахъ необходимо обученіе тѣмъ мастерствамъ, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ земледѣлію (плотничьему, столярному, кузнечному, слесарному, гончарному). Ремесленники по этимъ частямъ необходимы вездѣ, и ихъ отсутствіе составляетъ одинъ изъ главныхъ тормазовъ въ развитіи нашего сельскаго хозяйства, на ряду съ отсут-

ствіемъ рабочихъ, умѣющихъ обращаться съ усовершенствованными земледѣльческими орудіями. Съ земледѣльческою школою должна быть соединена мастерская для изготовленія прочныхъ и возможно дешевыхъ сельско-хозяйственныхъ орудій, болѣе совершеннаго устройства, чѣмъ нынѣ употребляемыя. Такая мастерская сдѣлалась бы для школы значительнымъ источникомъ дохода и разсадникомъ сельскихъ мастеровъ по этой части, въ которыхъ ощущается крайняя нужда.—Вслѣдъ за этими школами, разумѣется, должны быть основаны и школы чисто ремесленныя, соотвѣтствующія потребностямъ данныхъ мѣстностей.—Тутъ кончается роль сельскихъ обществъ всѣхъ наименованій, слишкомъ слабыхъ и бѣдныхъ для такой задачи, и начинается роль земствъ, при содѣйствіи отдѣльныхъ личностей, щедрыми пожертвованіями деньгами и землею.

Вовторыхъ. Столь трудное и неудобное соединеніе школы технической съ обученіемъ элементарной грамотѣ становится съ каждымъ годомъ менѣе нужнымъ, благодаря быстрому размноженію сельскихъ школъ. Усвоеніе прочной грамотности при краткости нашихъ учебныхъ сроковъ, требуетъ всего времени и всѣхъ силъ ребенка. Возрастъ самый благопріятный для этого усвоенія предшествуетъ тому, въ которомъ физическія силы позволяютъ ему приняться производительно за трудъ ремесленный или земледѣльческій. Этотъ послѣдній, въ свою очередь, для того, чтобы привить ребенку дѣйствительныя умѣнія, долженъ сдѣлаться главнымъ, преобладающимъ его дѣломъ. Занятія ремеслами по одному часу въ день, какъ они практикуются въ нѣкоторыхъ училищахъ, могутъ имѣть значеніе развѣ лишь гигіеническое, на ряду съ гимнастикою, но научить ребенка какому-либо мастерству не могутъ, и желательно было бы совершенно ихъ отмѣнить, какъ лишнюю трату времени и денегъ, которыя съ гораздо большею пользою могли бы быть обращены на прочія учебныя нужды этихъ заведеній. Впрочемъ, профессіо-

нальная школа вполнѣ можетъ удѣлить часть своего времени на дополненіе знаній своихъ учениковъ по нѣкоторымъ необходимымъ предметамъ, каковы геометрія, черченіе, физика, и служить по прочимъ школою повторительною.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, всего удобнѣе было бы принимать въ школы земледѣльческія и ремесленныя мальчиковъ, окончившихъ курсъ въ начальныхъ училищахъ, и эти профессіональныя школы прежде всего слѣдовало бы заводить въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя обладаютъ сплошными группами училищъ элементарныхъ. При этомъ условіи, новыя училища быстро наполнялись бы учащимися и въ свою очередь дали бы сильный толчокъ размноженію сельскихъ школъ грамотности, предоставляя ихъ ученикамъ преимущество первостепенной важности.

Ограничиваюсь этими бѣглыми указаніями по предмету, требующему несравненно болѣе обстоятельнаго обсужденія, но о которомъ рѣшаюсь высказать лишь тѣ соображенія, которыя вытекаютъ изъ моихъ личныхъ наблюденій надъ преподаваніемъ ремеслъ въ сельской школѣ.

IX.

Въ заключеніи этихъ замѣтокъ, необходимо остановиться на вопросѣ, отъ рѣшенія котораго долженъ зависѣть весь нашъ взглядъ на нашу сельскую школу.

Что даетъ эта школа своимъ ученикамъ? Чѣмъ отражается ученіе на ихъ послѣдующей жизни, матеріальной и нравственной? При рѣшеніи этихъ вопросовъ можемъ принимать въ соображеніе лишь школы хорошія. Результаты ученія въ школахъ плохихъ могутъ сводиться къ нулю, и такія школы имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку легче улучшить школу существующую, чѣмъ основать новую.

Итакъ, присмотримся къ заурядному ученику школы хорошей.

Прежде всего, онъ отличается отъ своихъ безграмотныхъ односельчанъ болѣе правильною русскою рѣчью. Отличіе это не маловажно. Съ нимъ сопряжено болѣе точное пониманіе рѣчи образованныхъ классовъ, рѣчи письменной, литературной. Это пріобрѣтеніе въ безчисленныхъ случаяхъ обыденной жизни приноситъ ему практическую пользу. Оно неоцѣненно, какъ средство къ дальнѣйшему расширенію его умственнаго кругозора. Вовторыхъ, онъ пріобрѣлъ способность писать письма и, при должномъ указаніи, тѣ дѣловыя бумаги, которыя бываетъ нужно писать въ крестьянскомъ быту. Втретьихъ, онъ пріобрѣлъ способность читать для своей забавы, для своего поученія и назиданія, и эта способность приноситъ пользу не только ему, но и окружающему его безграмотному люду. Грамотныхъ парней зимою по деревнямъ много заставляютъ читать вслухъ, на посидѣлкахъ, во время долгихъ ночныхъ работъ *). Наконецъ, и это всего важнѣе, то искреннее благочестіе, тотъ интересъ къ вопросамъ вѣры и духа, который вынесли изъ дома и внесли въ сельскую школу ея ученики, въ ней становятся сознательнѣе и глубже, становятся могучими будильниками ума и впослѣдствіи поддерживаютъ тѣ навыки и знанія, которые пріобрѣтены ими въ школѣ. Духовная жажда становится для нихъ главнымъ побужденіемъ не только къ чтенію, но и къ

*) Старики заставляютъ читать себѣ преимущественно Священное Писаніе, Новаго и Ветхаго Завѣта, на русскомъ языкѣ, Житія Святыхъ, въ переложеніи А. Н. Бахметевой, и другія книги духовно-назидательнаго содержанія (подлинный текстъ Четьи-Миней доступенъ только грамотеямъ, и это безспорно ихъ любимая книга). Молодежь безпрестанно требуетъ чтенія сказокъ изъ сборника Аѳанасьева, разсказовъ изъ книги для чтенія графа Л. Н. Толстаго, но болѣе всего — сказокъ Пушкина. У насъ есть безграмотные крестьяне, знающіе наизусть всю длинную сказку о царѣ Салтанѣ. Этотъ краткій репертуаръ деревенскихъ чтецовъ постоянно расширяется.

писанію, находящему въ ихъ быту такъ мало постоянныхъ практическихъ приложеній. Въ свободныя минуты, они съ величайшею охотою переписываютъ молитвы, духовныя стихотворенія, отрывки церковно-назидательнаго содержанія. Пониманіе церковно-славянскаго языка, знакомство съ богослуженіемъ, способность участвовать въ немъ пѣніемъ или чтеніемъ привязываетъ ихъ къ церкви. Крестьянина, прошедшаго черезъ школу, въ которой отведено должное мѣсто церковному элементу, не легко совратить въ расколъ. Въ матеріальномъ отношеніи школьная грамотность пріобрѣтаетъ особенную важность для тѣхъ крестьянъ, которые ищутъ занятій въ городахъ, а также для поступающихъ въ военную службу. Независимо отъ двухгодовой льготы, она значительно облегчаетъ имъ эту службу, въ большинствѣ случаевъ доставляя имъ должность инструктора, полковаго писаря и т. п.

Вотъ что выноситъ изъ хорошей школы заурядный ученикъ, ограничивающій ею свое умственное образованіе, и право уже изъ-за этого результата стоитъ потрудиться. Но имъ не ограничивается то, что можетъ почерпнуть въ такой школѣ мальчикъ, одаренный прилежаніемъ и способностями, превышающими средній уровень. Для такого мальчика сельская школа можетъ сдѣлаться первымъ шагомъ къ дальнѣйшему умственному развитію, можетъ служить ступенью къ выходу въ иныя сферы жизни. Мальчикъ, поступившій въ сельскую школу рано, легко можетъ перейти въ первый или приготовительный классъ гимназіи. Уже теперь въ нашихъ провинціальныхъ гимназіяхъ начинаютъ появляться дѣти зажиточныхъ крестьянъ.

Возможность эта важна въ виду тѣхъ исключительныхъ случаевъ, въ которыхъ желательно довести крестьянскаго мальчика до высшаго образованія. Но спѣшу прибавить, что въ большинствѣ случаевъ крестьянскій мальчикъ можетъ только проиграть отъ помѣщенія въ

наши средне-образовательныя заведенія. Окончательный, безповоротный разрывъ съ крестьянскою средою, неизбѣжный при такомъ шагѣ, рѣдко вознаграждается пріобрѣтеніемъ истиннаго образованія. Говорю это не въ укоръ нашему гимназическому преподаванію. Но таково неизбѣжное слѣдствіе отношеній, установленныхъ между нашею учебною системою и государственною службою, взглядомъ на учебное дѣло, развившихся подъ ея вліяніемъ въ нашемъ быстро разростающемся полуобразованномъ обществѣ. Въ силу этихъ условій, наши среднія учебныя заведенія, отчасти и высшія, все болѣе становятся разсадниками не просвѣщенія, а чиновничества. Вотъ почему они переполнены, почему они плодятъ недовольныхъ, почему не окончить въ нихъ курса становится истиннымъ бѣдствіемъ. Вѣдь знанія, пріобрѣтаемыя въ нихъ—въ глазахъ учащихся и ихъ родителей—ничто. Все дѣло въ дипломѣ, въ служебныхъ правахъ. Знаніе латинскихъ спряженій, не увѣнчанное полученіемъ 14-го класса, считается такимъ горемъ, что наталкиваетъ нашихъ сбитыхъ съ толку гимназистовъ на всякія безумства, до самоубійства включительно. Рѣдкій крестьянинъ имѣетъ терпѣніе и средства довести своего сына до окончанія гимназическаго курса. Неполный курсъ прививаетъ къ нему гораздо болѣе несбыточныхъ желаній, чѣмъ истинныхъ знаній. Даже при окончаніи курса, ученіе въ большинствѣ случаевъ бросаетъ его въ слишкомъ многочисленную уже голодающую и ненасытную армію нашихъ мелкихъ чиновниковъ.

Обращаю на эти соображенія особенное вниманіе завѣдующихъ школами, попечителей и т. п. Отъ этихъ лицъ, отъ ихъ указаній и совѣтовъ часто зависитъ направить тѣхъ крестьянскихъ дѣтей, которымъ родители желаютъ и могутъ дать иную профессію, чѣмъ земледѣліе. Къ счастію, передъ способными учениками сельскихъ школъ открываются иные пути, чѣмъ помѣщеніе

въ наши теплицы для выгонки чиновниковъ. Существуютъ, независимо отъ разныхъ ремеслъ, профессіи, болѣе или менѣе хлѣбныя, къ которымъ мы можемъ ихъ направить, не облекая ихъ въ мундиръ, вещественный и нравственный, не прибѣгая къ тому опасному насилію, которое покойный Достоевскій называлъ «откалупываніемъ отъ народа». Укажу на нѣкоторыя изъ нихъ.

Вездѣ, гдѣ по близости отъ школы существуетъ земская больница, изъ способныхъ учениковъ сельскихъ школъ можно образовать надежныхъ фельдшеровъ. Для тѣхъ изъ нихъ, которымъ предстоитъ военная служба, даже неполное обученіе этому дѣлу, не доводящее ихъ до фельдшерскаго званія, есть великое благодѣяніе, ибо по вступленіи въ службу они неминуемо попадаютъ въ фельдшерскіе ученики и со временемъ дѣлаются военными фельдшерами.

Точно такъ же вездѣ, гдѣ по близости отъ школы живетъ или продолжительно работаетъ опытный землемѣръ, легко обученіе крестьянскихъ мальчиковъ практической геодезіи, которая составляетъ драгоцѣнное знаніе и въ сельской жизни, и на военной службѣ.

Для юношей, одаренныхъ художественными способностями, превосходнымъ выходомъ служатъ иконописныя школы при нашихъ монастыряхъ, дающія имъ возможность усовершенствоваться въ весьма прибыльномъ художественномъ ремеслѣ, а въ случаѣ выдающагося таланта, убѣдиться въ его размѣрахъ, прежде чѣмъ вступить на трудный путь самостоятельнаго искусства. Дай Богъ, чтобы эти прекрасныя учрежденія размножались и улучшались, чтобы къ нимъ присоединились и монастырскія школы церковнаго пѣнія, для образованія дѣльныхъ регентовъ, въ которыхъ повсюду ощущается настоятельная нужда. Да и то ли еще могли бы сдѣлать, и сдѣлаютъ когда-нибудь, для алчущихъ ученія наши монастыри, эта громадная дремлющая сила, которой еще суждено проснуться.

Я упоминалъ до сихъ поръ лишь о профессіяхъ болѣе или менѣе исключительныхъ, доступныхъ лишь при извѣстныхъ, хотя и нерѣдко встрѣчающихся условіяхъ. Но есть двѣ профессіи, въ которыя наплывъ изъ нашихъ сельскихъ школъ всегда возможенъ, въ которыя онъ желателенъ, нуженъ, необходимъ!

Первая изъ нихъ—профессія сельскаго учителя. Сельскихъ учителей намъ нужно много—дѣльныхъ, непритязательныхъ, прочныхъ, исполняющихъ свое трудное дѣло съ любовью и терпѣніемъ. Контингентъ, доставляемый нашими учительскими семинаріями, и качественно, и количественно недостаточенъ. Школьныхъ учителей должна плодить сама сельская школа. Разумѣется, за это дѣло можетъ взяться лишь та, которая съ честью исполняетъ свое прямое назначеніе. Истинно хорошій сельскій учитель, окончившій курсъ въ духовной семинаріи, или одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ воспитанниковъ учительской семинаріи, которые дѣйствительно усвоили себѣ курсъ этихъ заведеній, легко можетъ приготовить своихъ учениковъ къ учительскому экзамену. Но конечно не въ этомъ экзаменѣ дѣло. Дѣло прежде всего въ *выборѣ* тѣхъ юношей, изъ которыхъ могутъ выработаться дѣйствительно полезные сельскіе учителя. Ибо учительство въ русской сельской школѣ не есть ремесло, но *призваніе*, нисшая степень того призванія, которое необходимо, чтобы сдѣлаться хорошимъ священникомъ. Этого тезиса не стану доказывать, ибо считаю его доказаннымъ всѣмъ рядомъ моихъ замѣтокъ. Призваніе это между нашими крестьянами встрѣчается относительно часто. Дѣло учителя и прежде всего священника-законоучителя—его угадать. Пріобрѣтеніе практическихъ навыковъ преподаванія, истиннаго пониманія обязанностей учителя относительно учениковъ—совершается гораздо успѣшнѣе въ живой дѣйствительной школѣ, гдѣ ученики являются цѣлью, а не средствомъ, чѣмъ въ экспериментальныхъ школахъ при учительскихъ семинаріяхъ, гдѣ ученики болѣе или

менѣе низводятся на степень учебныхъ пособій для преподаванія педагогики и дидактики. Лучшая школа для начинающаго учителя—не упражненіе въ даваніи образцовыхъ уроковъ, но порученіе ему, подъ руководствомъ опытнаго наставника, послѣдовательнаго, сообразнаго съ его силами дѣла, сопряженнаго съ отвѣтственностію, сперва легкою, потомъ постепенно осложняющеюся. Нѣсколько лѣтъ такой работы, при должномъ расширеніи познаній (на это остается свободною большая половина года), достаточны, чтобы образовать вполнѣ удовлетворительнаго сельскаго учителя.

Въ каждомъ уѣздѣ найдется нѣсколько школъ, представляющихъ возможность приготовлять этимъ путемъ учителей изъ крестьянъ, не отрывая ихъ отъ условій сельскаго быта, не дѣлая изъ нихъ чиновниковъ. Такіе учителя намъ необходимы въ виду потребности въ деревенскихъ школахъ, дополняющихъ приходскія. Тѣ школы, которыя возвысятся до способности приготовлять такихъ учителей, тѣмъ самымъ пріобрѣтутъ и другое, громадное преимущество. Читатель, пробѣжавшій мои предыдущія замѣтки, пойметъ, до какой степени расширяется область возможнаго въ школѣ, гдѣ при учителѣ имѣется одинъ помощникъ, не говоря уже о двухъ или трехъ. Устройство и поддержка правильнаго, плодотворнаго общежитія при сельской школѣ безъ такихъ помощниковъ просто немыслимо. Оно превышаетъ силы одного человѣка.

Настаиваю на великой пользѣ этого способа приготовленія сельскихъ учителей, и это въ силу личнаго опыта. Если я чему-нибудь научился въ теченіи моей школьной практики, то конечно не отъ записныхъ педагоговъ, не отъ учителей казеннаго издѣлія, но отъ учителей-крестьянъ, никогда не покидавшихъ своего глухаго угла, не знавшихъ иной школы, кромѣ сельской. Ихъ добросовѣстность и терпѣніе, ихъ умѣніе обращаться съ дѣтьми и приковывать ихъ вниманіе, угадывать, что въ данную

минуту затрудняетъ ребенка и какъ помочь ему, ихъ цѣльное, духовное отношеніе къ дѣлу—по истинѣ несравненны. Съ ними можно дѣлать дѣло истинное, а не бумажное, вести школу не на показъ инспекторамъ училищъ, а на умственную и духовную пользу ученикамъ...

Но еще несравненно важнѣе другой исходъ для способнѣйшихъ учениковъ нашихъ сельскихъ школъ, а именно полная возможность поступать въ духовныя училища и со временемъ достигнуть священства. Уже теперь дѣти причетниковъ, даже сельскихъ священниковъ, именно этимъ путемъ начинаютъ свое образованіе. Сносная сельская школа вполнѣ приготовляетъ къ первому классу духовнаго училища. Одинъ изъ учениковъ моей школы поступилъ во второй, усвоивъ отъ мая до августа все, что въ первомъ классѣ проходится изъ латинскаго языка (это былъ самый легкій изъ моихъ учительскихъ трудовъ). Въ остальномъ онъ былъ уже готовъ. Само собою разумѣется, что избирать этотъ путь для ребенка слѣдуетъ еще внимательнѣе и осторожнѣе, чѣмъ всякій другой.

Наши духовныя училища, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, имѣютъ передъ учебными заведеніями свѣтскими громадное преимущество. Они, не предрѣшая судьбы своихъ учениковъ, ставятъ передъ ними цѣль духовную, пріобрѣтеніе званія несравненной нравственной высоты, обставленнаго униженіемъ и бѣдностію... такъ въ глазахъ дѣтей духовнаго сословія; поэтому большинство изъ нихъ, лишенное призванія, стремится къ переходу въ учебныя заведенія свѣтскія, сулящія чины и богатые оклады. Но въ глазахъ крестьянина, бѣдность сельскаго священника есть богатство, возможность удовлетворить той духовной жаждѣ, которая не по днямъ, а по часамъ растетъ въ его темной средѣ—удѣлъ святой и высокій. Даже должность причетника многимъ кажется выгодною и почетною.

Наплывъ въ наше духовенство элементовъ не сослов-

ныхъ составляетъ настоятельную потребность нашей церкви. Прежде всего этого наплыва слѣдуетъ ожидать со стороны крестьянства. Помочь этому движенію прежде всего должна сельская школа. Но не мѣшало бы и нашимъ земствамъ содѣйствовать ему основаніемъ стипендій при духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ.

Кончаю слишкомъ длинный рядъ этихъ безсвязныхъ замѣтокъ, неосторожно предпринятыхъ мною среди иныхъ трудовъ, исключающихъ возможность тщательной литературной работы. Благодарю благосклоннаго читателя, имѣвшаго терпѣніе слѣдить за мною до конца. Не ошибаюсь, предполагая въ немъ сочувствіе къ моему дѣлу, сознаніе его трудностей. Поэтому обращаю къ нему, лично къ нему, мое послѣднее слово, ибо его, какъ и меня, тревожатъ глубокіе вопросы, слишкомъ бѣгло затронутые мною по поводу сельской школы. Обращаюсь именно къ нему, ибо отъ него, отъ каждаго изъ насъ, а не отъ правительственныхъ учрежденій зависитъ рѣшеніе этихъ тревожныхъ вопросовъ.

Дѣло народной школы шире и глубже, чѣмъ всякая иная общественная дѣятельность. Для того, чтобы осилить его, намъ нужно совершить внутренній подвигъ. Нужно намъ выйти изъ того лабиринта противорѣчій, въ которой завела насъ вся наша внутренняя исторія новаго времени—совмѣстное расширеніе нашего умственнаго горизонта и съуженіе кругозора духовнаго, совмѣстное развитіе у насъ европейской культуры и крѣпостнаго права. Внѣшній узелъ разрубленъ. Пора разрѣшить внутренній.

Достаточно мы жаловались на то взаимное непониманіе, на то полное отчужденіе, ту бездну, которая отдѣляетъ у насъ массу народа отъ образованныхъ его слоевъ и тормозитъ всѣ отправленія нашей будничной жизни, поражая безсиліемъ всѣ наши благія начинанія,

направленныя къ ея устройству. Достаточно оплакивали мы тотъ роковой разрывъ, который составляетъ суть нашей внутренней исторіи новаго времени и однако не мѣшалъ въ великія минуты этой исторіи нашему полному единенію. Пора намъ вспомнить, что у насъ подъ ногами есть общая почва, и твердо и сознательно стать на нее. Пора сознать, что настало время взаимодѣйствія, благотворнаго для обѣихъ сторонъ, не того мгновеннаго, случайнаго взаимодѣйствія и единенія, которое вызывается событіями чрезвычайными, а взаимодѣйствія постояннаго, ежедневнаго. Почва этого взаимодѣйствія, этого единенія—церковь; орудіе его—школа, и по преимуществу—школа сельская.

Нельзя упрекнуть наше образованное общество въ равнодушіи къ матеріальнымъ нуждамъ меньшей братіи. Въ этомъ отношеніи оно не отстало отъ правительства. Стоитъ вспомнить освобожденіе крестьянъ, исторію нашего земства, обратить вниманіе на весь тонъ нашей текущей литературы, чтобы въ этомъ убѣдиться. Сдѣлано многое, готовится большее. Если эти заботы нашего образованнаго общества до сихъ поръ не повели къ его сближенію съ нуждающеюся духовно и вещественно массою, къ лучшему взаимному пониманію и единенію, то это именно потому, что онѣ до сихъ поръ почти исключительно были направлены на удовлетвореніе нуждъ матеріальныхъ. Касались эти заботы и народнаго образованія, но опять-таки преимущественно съ точки зрѣнія народнаго благосостоянія, а не внутренняго просвѣщенія народа. Мы какъ бы отмежевали для себя область интересовъ духовныхъ—умственныхъ, нравственныхъ и художественныхъ, въ молчаливомъ предположеніи, что во этихъ сферахъ у насъ съ народомъ единенія быть не можетъ. Въ этомъ-то высокомѣрно-доброжелательномъ отношеніи нашемъ къ народу—вся наша бѣда. Насъ болѣзненно поражаютъ въ нашихъ крестьянахъ неизбѣжные слѣды прошлаго, и мы не замѣчаемъ,

что мы сами остались благодѣтельными помѣщиками временъ крѣпостнаго права.

Нѣтъ, именно въ этой забытой нами области, въ сферѣ интересовъ духовныхъ, возможно то единеніе, котораго мы тщетно ищемъ въ сферѣ матеріальной. Надъ всѣми неравенствами, созданными исторіею, царитъ великое равенство передъ Богомъ. Сознать это равенство, терпѣливо, упорно бороться противъ всего, что затемняетъ его, противъ невѣжества массъ, въ которомъ мы сами виновны, противъ собственнаго высокомѣрія, отнимающаго у насъ и то, что съумѣли сохранить эти темныя массы, это—долгъ всякаго мыслящаго христіанина, долгъ, грозно напоминаемый намъ обстоятельствами настоящаго времени.

Итакъ, мой благосклонный читатель, загляните въ ту сельскую школу, которая у васъ подъ руками. Вы ей нужны, и она вамъ нужна. Помогите ей по мѣрѣ вашихъ силъ. Въ девяти случаяхъ изъ десяти, она нуждается во всемъ, начиная отъ грошевой помощи чернилами и бумагою, и кончая тысячами, нужными на ея вѣчное обезпеченіе. Но дороже всякихъ матеріальныхъ пожертвованій будетъ доброе слово, сказанное вами учащимъ и учащимся, искреннее участіе къ ихъ трудамъ, къ ихъ нуждамъ духовнымъ. Говорю это по опыту. Много денегъ, по незнанію, по легкомыслію, истратилъ я безплодно. Всякое евангельское слово, сказанное съ любовію, въ сознаніи моего безсилія, принесло плодъ сторицею.

Народное искусство и сельская школа *).

I.

Съ нѣкотораго времени, наши газеты и журналы повидимому сильно озабочены вопросомъ о народномъ искусствѣ, объ удовлетвореніи эстетическихъ потребностей полуграмотной и безграмотной массы, имѣющей столь громадный численный перевѣсъ надъ нашимъ полуобразованнымъ и образованнымъ обществомъ.

Въ добрый часъ! Эти заботы своевременны. Но, къ сожалѣнію, онѣ начинаются не съ того конца. Сводятся онѣ почти исключительно къ толкамъ о необходимости народнаго театра—театра по цѣнамъ и репертуару доступнаго всѣмъ и каждому.

Значеніе театра громадно. Драматическое искусство—цвѣтъ человѣческаго искусства, отрѣшеннаго отъ цѣлей практическихъ. Въ эпохи великаго творчества, въ эпохи Софокловъ и Шекспировъ, Мольеровъ и Шиллеровъ, оно составляетъ могучій элементъ нравственнаго и умственнаго воспитанія, даетъ обильную, здоровую пищу всенароднымъ художественнымъ потребностямъ.

Но таково ли наше время? Таково ли наше русское драматическое искусство? Увы! у насъ, какъ и въ другихъ образованныхъ странахъ міра, есть прекрасные актеры. Но не эстетическихъ наслажденій, не высшаго нравственнаго удовлетворенія ищетъ толпа въ современномъ театрѣ, а нервныхъ раздраженій и пошлой забавы. Типическія явленія этого театра — Сара Бернаръ, два раза

*) Напечатано въ „Руси“, 1882 г., №№ 40—42.

въ день умирающая на сценѣ въ конвульсіяхъ, заученныхъ въ госпиталяхъ, и грязноватая оперетка Оффенбаховскаго стиля.

За неимѣніемъ геніальныхъ драматурговъ, театръ есть рабъ полуобразованной толпы. Театръ, ставящій себѣ задачею воспроизводить великія творенія всѣхъ временъ и народовъ, обреченъ на денежные убытки, ибо требуетъ первоклассныхъ силъ и привлекаетъ лишь избранную публику. Такіе театры существуютъ въ столицахъ образованнаго міра. Таковыми должны бы быть и наши Императорскіе театры. Такіе театры, пожалуй, можно назвать народными въ томъ отношеніи, что высочайшія произведенія драматическаго искусства, при образцовомъ исполненіи, становятся доступными всѣмъ и каждому. Ничто при этомъ условіи не можетъ быть популярнѣе «Гамлета» и «Скупаго», «Донъ-Жуана» и «Жизни за Царя». Но совершенство—дорого и рѣдко. Такія высокохудожественныя учрежденія, какъ парижская «Comédie Française» и нѣкоторыя германскія «Hofbühnen» остаются безъ всякаго непосредственнаго вліянія на массы. Ничего подобнаго Россія не имѣетъ и долго имѣть не будетъ по крайней малочисленности нашего истинно образованнаго общества, и если бы имѣлись такіе театры въ Москвѣ и Петербургѣ, мечтать о значеніи ихъ для всего Русскаго народа было бы просто смѣшно. Что же касается до того театра, который удовлетворяетъ эстетическимъ вкусамъ нашей столичной интеллигенціи, который, въ формѣ пряныхъ шансонетокъ и пошлыхъ комическихъ разсказовъ, простираетъ свое вліяніе далеко за предѣлы правильной сцены, то да избавитъ Богъ нашъ народъ отъ всякаго съ нимъ соприкосновенія!

Нѣтъ, не въ сферѣ отрѣшеннаго искусства нужно искать удовлетворенія эстетическихъ потребностей народа, а въ сферѣ его практическихъ нуждъ, въ сферѣ его обыденной жизни.

Русскій народъ—народъ глубоко вѣрующій, и первая

изъ его практическихъ потребностей, на ряду съ удовлетвореніемъ нуждъ тѣлесныхъ, есть общеніе съ Божествомъ. Эта потребность, источникъ и условіе всякаго человѣческаго искусства, прежде всего должна быть удовлетворена, и можетъ быть удовлетворена лишь при помощи искусства. Не театръ ему нуженъ, а церковь, достойная своего высокаго назначенія, а школа, раскрывающая передъ нимъ сокровища церкви.

Глохнутъ и гаснутъ въ народѣ народная пѣсня, народная сказка, эти живучіе отголоски иной вѣры, иного міросозерцанія. Уже нужны чуткій слухъ художника, зоркій трудъ ученаго, чтобы уловить и спасти отъ забвенія ихъ драгоцѣнные обломки. Среди тягостнаго однообразія сѣрой, трудовой жизни, среди лжи и пошлости, вѣющей отъ полуобразованнаго слоя сельскаго населенія, гдѣ просвѣтъ для души нашего крестьянина, гдѣ отзывъ на тѣ стремленія, которыя лежатъ на днѣ этой души, составляютъ существеннѣйшую ея суть? Въ церковномъ праздникѣ, приносящемъ ему полуискаженный отголосокъ дивнаго древняго напѣва; въ баснословномъ, но согрѣтомъ вѣрою, разсказѣ темнаго странника; въ долго откладываемомъ, наконецъ удавшемся походѣ въ дальній монастырь, гдѣ его молитва обрѣтаетъ достойные ея звуки, укрѣпляющую ее обстановку, гдѣ онъ видѣлъ, увы! лишь призракъ истинно христіанской жизни, и еще — все чаще и чаще нынѣ—въ долгихъ чтеніяхъ, при свѣтѣ лучины, въ безконечные зимніе вечера—Священнаго Писанія или житій святыхъ...

И если въ настоящее время, въ минуту пробужденія въ нашемъ народѣ сознательнаго христіанства, соперникомъ церкви является кабакъ; если пьяный разгулъ слишкомъ часто заглушаетъ въ немъ всякое движеніе духа; если въ этой борьбѣ не произойдетъ скорый, рѣшительный поворотъ,— то вѣчный позоръ всѣмъ намъ, людямъ досуга и достатка, мысли и знанія, печатнаго слова и правительственной власти! Позоръ и проклятіе

нашему мертвому образованію, нашей праздной болтовнѣ, нашей духовной пустотѣ и безсилію!

Совершенно правы поборники народнаго театра, усматривая связь между народнымъ пьянствомъ и отсутствіемъ у народа духовной пищи, умственной и художественной. Но странно искать врачеваніе для болѣзней воли въ пассивномъ воспріятіи возбуждающихъ впечатлѣній. Всякое *дѣйствительно* общедоступное зрѣлище, искусственно устроенное, роковымъ образомъ сводится къ типу византійскихъ ристалищъ, испанскаго боя быковъ— или парижскаго café chantant *). Къ такимъ возбужденіямъ пріучать массы легко, но далеко не желательно, и противодѣйствовать пьянству они не могутъ. Помочь тутъ можетъ не это опасное палліативное средство, а развѣ, въ числѣ другихъ условій, скромная, но постоянная и благоговѣйная *дѣятельность*, умственная и художественная.

Такой дѣятельности открываетъ широкій просторъ наша церковь для всякаго человѣка, получившаго дѣйствительное, а не мнимое элементарное образованіе, возможное въ русской сельской школѣ. Эта дѣятельность заключается въ церковномъ чтеніи и пѣніи.

Церковное чтеніе есть искусство, имѣющее свои преданія, свои неписанные законы, искусство, требующее и природнаго таланта, и многолѣтняго упражненія, искусство, которое можетъ быть доведено до высокой степени совершенства, самое популярное изъ искусствъ. Руководители въ этомъ искусствѣ разсѣяны повсюду, въ лицѣ хорошихъ сельскихъ священниковъ и причетниковъ, въ лицѣ благочестивыхъ любителей; оно процвѣтаетъ въ нашихъ монастыряхъ, въ извѣстныхъ городахъ и епархіяхъ. Образовательное вліяніе его громадно. Хорошее церковное чтеніе предполагаетъ полное пониманіе читае-

*) Естественный дѣйствительно народный театръ можетъ возникнуть лишь властію генія изъ элементовъ народныхъ.

маго, т. е. съ формальной стороны усвоеніе цѣлой системы сложныхъ и смѣлыхъ конструкцій, съ внутренней—цѣлаго міра высокой поэзіи и глубокаго богословскаго мышленія. Вспомнимъ громадное содержаніе хотя бы однихъ паремій, апостоловъ и каноновъ Страстной седмицы. Обращаюсь къ суду людей невѣрующихъ, но искреннихъ, но знающихъ то, о чемъ я говорю. Тотъ, кто *это* понялъ, кто *это* прочувствовалъ, тотъ, кто своимъ чтеніемъ довелъ до сознанія безграмотныхъ слушателей хотя бы десятую долю этого вѣскаго содержанія,—можно ли отказать ему въ умственномъ, въ художественномъ развитіи? Можно ли сомнѣваться въ томъ, что ему будетъ, eo ipso, доступно и по содержанію, и по формѣ, все, что представляетъ прочнаго, истинно цѣннаго наша свѣтская литература?

Само собою разумѣется, что такого развитія не можетъ дать наша сельская школа. Она только ведетъ къ нему, кладетъ ему основу, и это — оставаясь въ предѣлахъ своей элементарной программы, добросовѣстно исполненной. Не знаніями, по необходимости крайне скудными, которыя можетъ она сообщить, сильна наша сельская школа, но пріобрѣтаемыми въ ней умѣніями, дающими средства къ дальнѣйшему, внѣшкольному развитію; не нашими измѣнчивыми взглядами на цѣли и объемъ преподаванія, но яснымъ и твердымъ взглядомъ на эти вопросы самого народа.

Я не сочиняю, не придумываю, а говорю на основаніи долгихъ наблюденій. Нѣтъ, не къ газетѣ и театру, какъ во Франціи, тяготѣетъ нашъ грамотный народъ, а къ церкви и книгѣ, и въ этомъ залогъ его будущаго духовнаго развитія—здороваго и прочнаго.

Но еще болѣе широкій просторъ истинно народной художественной дѣятельности даетъ церковное пѣніе. Въ немъ можетъ участвовать всякій, кто обладаетъ хотя бы самыми ограниченными голосовыми средствами, хотя бы самою посредственною музыкальною способностію. Эти

задатки, столь распространенные въ нашемъ народѣ, совершенно недостаточные для одиночной художественной дѣятельности, въ хоровомъ пѣніи пріобрѣтаютъ глубокій смыслъ, высокую цѣну, даютъ доступъ къ высшимъ сферамъ человѣческаго искусства.

Есть ли надобность передъ людьми, обладающими хоть тѣнью музыкальнаго чутья, настаивать на несравненной красотѣ нашихъ древнихъ церковныхъ напѣвовъ? Есть ли нужда читателю, хотя сколько-нибудь знакомому съ нашимъ богослуженіемъ, напоминать о ихъ неисчерпаемомъ разнообразіи? Тому, кто окунулся въ этотъ міръ строгаго величія, глубокаго озаренія всѣхъ движеній человѣческаго духа, тому доступны всѣ выси музыкальнаго искусства, тому понятны и Бахъ, и Палестрина, и самыя свѣтлыя вдохновенія Моцарта, и самыя мистическія дерзновенія Бетховена и Глинки *).

Но считаю не лишнимъ присовокупить слѣдующее замѣчаніе. Наша оффиціальная педагогика, допуская въ школѣ церковное пѣніе, рядомъ съ нимъ ставитъ, съ особою настойчивостію, пѣніе свѣтское, пѣніе искаженныхъ для школъ пѣсенъ народныхъ, и цѣлой литературы, весьма низкопробной, искусственныхъ дѣтскихъ пѣсенокъ. Весь этотъ хламъ безусловно нужно выбросить за бортъ. Все это дѣти съ удовольствіемъ споютъ въ школѣ, ибо всякая правильная послѣдовательность трезвучій имѣетъ для нихъ прелесть новизны. Но все это лишь портитъ ихъ вкусъ и за предѣлы школы не выходитъ. Народная пѣснь, измѣненная въ своемъ напѣвѣ, ради чуждой ея характеру гармонизаціи, перестаетъ быть народною. Пѣсни, заученныя въ школѣ, дома не поются,—и слава Богу. Достойная четырехголосная гармонизація нашихъ народныхъ напѣвовъ—дѣло буду-

*) Мнѣ случилось проиграть (на фортепіано) мальчикамъ, не знавшимъ иной музыки, кромѣ церковной, цѣлую музыкальную хрестоматію. Одобренія ихъ удостоились только отрывки изъ „Донъ-Жуана“ и изъ „Passionsmusik“ Баха. Впослѣдствіи пониманіе ихъ расширилось.

щаго. Пока плодотворно и жизненно въ школѣ—лишь пѣніе церковное *).

«Служенье музъ не терпитъ суеты», сказалъ поэтъ. Тѣмъ паче служеніе, принадлежащее развѣ той небесной музѣ, которую призывалъ Тассо:

O Musa, tu, che di caduchi allori
Non circondi la fronte in Elicona;
Ma su, nel ciel, fra i beati cuori
Hai di stelle immortali aurea corona **).

А попытайтесь-ка это объяснить нашимъ записнымъ педагогамъ!

Но и внѣ педагогическаго міра, обладающаго, такъ сказать, оффиціальною привиллегіей непониманія, многимъ могутъ показаться неумѣстными и странными эти толки о высшихъ сферахъ искусства по поводу нашей темной мужицкой школы. Постараюсь, въ мое оправданіе, войти въ слѣдующей моей замѣткѣ въ нѣкоторыя ближайшія подробности.

Пока ограничусь напоминаніемъ, что эти строки пишутся не литераторомъ, а школьнымъ учителемъ, не въ кабинетѣ столичной редакціи, а въ сельской школѣ, въ которой пишущій проводитъ всю свою жизнь.

II.

Въ оправданіе того громаднаго художественнаго и образовательнаго значенія, которое я придаю нашему церковному пѣнію, напомню прежде всего о неисчерпаемомъ богатствѣ художественнаго матеріала, коимъ оно располагаетъ.

---

*) Во время похода моей школы въ Нилову пустынь учениковъ въ деревняхъ безпрестанно просили пѣть молитвы. Никто не просилъ ихъ спѣть пѣсенку.

**) О Муза, ты, которая тлѣнными лаврами не осѣняешь чела на Геликонѣ, но на небѣ, среди блаженныхъ хоровъ, имѣешь изъ безсмертныхъ звѣздъ золотую корону.

Кругъ нашихъ церковныхъ пѣснопѣній далеко не исчерпывается тѣми мелодіями, которыя изложены въ нотныхъ изданіяхъ Святѣйшаго Синода, тѣми многочисленными обработками и самостоятельными духовно-музыкальными сочиненіями, которыя имѣются въ печати. Все это составляетъ лишь малѣйшую долю нашего живаго, дѣйствительнаго богатства. Нашъ богослужебный кругъ живетъ въ цѣломъ рядѣ мѣстныхъ, возникшихъ въ разное время *распѣвовъ*, отличающихся одинъ отъ другаго не только характеристическими видоизмѣненіями общихъ всѣмъ, основныхъ мелодій, но обладающихъ каждый самостоятельными напѣвами для изустныхъ церковныхъ текстовъ. Характеръ этихъ напѣвовъ, какъ и характеръ нашей церковной архитектуры, представляетъ дивное сліяніе элементовъ заимствованныхъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ, изъ Греціи и элементовъ чисто-русскихъ, народныхъ.

Ни одинъ изъ этихъ мѣстныхъ распѣвовъ не изданъ вполнѣ *), ни одинъ не переложенъ достойнымъ образомъ на четыре голоса. Всего болѣе въ этомъ отношеніи сдѣлано для распѣва *придворнаго*, распѣва искусственнаго, своднаго, возникшаго въ Императорской пѣвческой капеллѣ изъ сліянія и взаимодѣйствія мѣстныхъ напѣвовъ, занесенныхъ въ Петербургъ изъ всѣхъ краевъ Россіи пѣвчими придворнаго хора. Гармонизація придворной капеллы, распространяемая путемъ печати, имѣетъ громадное значеніе, какъ единственный сборникъ четырехголосныхъ церковныхъ пѣснопѣній, удовлетворяющій главнѣйшимъ практическимъ нуждамъ богослуженія. Но этотъ сборникъ оставляетъ желать многаго, и относительно полноты, и относительно доступности голосовымъ средствамъ скромнаго церковнаго хора. На практикѣ онъ постоянно пополняется заимствованіями изъ мѣстныхъ распѣвовъ, вставками изъ твореній нашихъ извѣст-

*) Нынѣ приступлено къ такому изданію распѣва Московской епархіи.

ныхъ композиторовъ и еще чаще изъ безыменныхъ твореній, массами распространяющихся въ рукописи изъ нашихъ пѣвческихъ хоровъ, архіерейскихъ и монастырскихъ. Эти творенія—по большей части не что иное, какъ четырехголосныя переложенія, болѣе или менѣе удачныя, любимыхъ мѣстныхъ напѣвовъ. Тѣмъ же путемъ распространяются нерѣдко сочиненія чисто искусственныя, лишенныя церковнаго характера, единственное достоинство коихъ—легкая исполнимость.

Итакъ, въ области нашего церковнаго пѣнія мы имѣемъ дѣло не съ мертвымъ капиталомъ, завѣщаннымъ намъ минувшими вѣками, а съ живымъ творческимъ процессомъ *), постоянно поддерживаемымъ настоятельною практическою потребностію въ стройномъ, осмысленномъ, возвышающемъ душу богослуженіи. Эта потребность, издавна сильная въ центрахъ гражданской и церковной жизни, въ городахъ и монастыряхъ, нынѣ, съ распространеніемъ грамотности, съ умственнымъ и духовнымъ пробужденіемъ массы, распространяется въ ширь и глубь, и неминуемо должна вызвать въ нашемъ музыкальномъ искусствѣ новыя направленія, новую, усиленную дѣятельность.

Если мы постараемся опредѣлить въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ причины, которыя за послѣдніе два вѣка имѣли рѣшающее вліяніе на видоизмѣненіе нашихъ церковныхъ напѣвовъ, то на первомъ мѣстѣ мы несомнѣнно должны упомянуть о распространеніи у насъ музыки западной, пріучившей нашъ слухъ къ сложной полифоніи въ двухъ ладахъ (*дуръ* и *моллъ*), на Западѣ вытѣснившихъ всѣ прочіе. Но наши церковные напѣвы, какъ и древніе напѣвы Запада, создались не въ этихъ ладахъ, а въ ладахъ *церковныхъ*, соотвѣтствующихъ осьми *гласамъ* нашего октоиха. Въ то время, когда многоголос-

*) Нѣкоторые распѣвы, какъ Успенскій, Симоновскій, возникли въ самое недавнее время.

ное церковное пѣніе сдѣлалось у насъ общею потребностію, гармонизація въ этихъ ладахъ на Западѣ уже вышла изъ употребленія, и вмѣстѣ съ широкимъ примѣненіемъ полифоніи въ наше церковное пѣніе вторглись западные лады. Едва ли мы ошибемся, если вліянію этихъ ладовъ припишемъ особенности распѣва Кіевскаго, всего легче поддающагося гармонизаціи въ этихъ ладахъ. Несомнѣнно, что имъ опредѣлился характеръ распѣва придворнаго. То же вліяніе продолжаетъ дѣйствовать на все наше церковное пѣніе. Все, что написано нашими композиторами для церкви, написано въ ладахъ западныхъ. Слѣды полифоніи въ ладахъ церковныхъ сохранились лишь въ нѣкоторыхъ монастыряхъ. Мы давно привыкли подъ осьмью *гласами* разумѣть не восемь самостоятельныхъ ладовъ, а восемь характеристическихъ мелодій, движущихся въ гаммахъ *дуръ* и *моллъ*. Между тѣмъ, истинное осьмигласіе сохранилось у насъ въ унисонномъ пѣніи и имѣетъ свою, весьма элементарную, традиціонную полифонію.

Итакъ, наше церковное пѣніе доказало свою жизненность, приспособивъ свои мелодіи къ гармоническимъ требованіямъ ладовъ западныхъ и тѣмъ усвоивъ себѣ всѣ музыкальныя средства и пріемы современнаго искусства, а между тѣмъ сохранило въ неизмѣнномъ видѣ, въ живомъ употребленіи и свои древніе напѣвы, требующіе гармонизаціи иной, въ ладахъ церковныхъ.

Въ такой-то гармонизаціи чувствуется нынѣ настоятельная потребность. Сознаніе ея необходимости давно проникло въ наши музыкальныя сферы. Безсмертный Глинка посвятилъ послѣдніе годы своей жизни изученію нашихъ церковныхъ напѣвовъ и церковныхъ ладовъ, и лишь преждевременная смерть помѣшала ему совершить въ нашей церковной музыкѣ благотворный поворотъ, равносильный тому, который совершилъ онъ въ нашей музыкѣ свѣтской. Сохранились интересныя его попытки

на этомъ поприщѣ *). Послѣ него, покойный Потуловъ издалъ обиходную литургію, въ четырехголосной гармонизаціи, строго церковной. Эта добросовѣстная работа не имѣла успѣха, потому что ея авторъ, болѣе теоретикъ, чѣмъ художникъ, не обладалъ тою силою дарованія, которая прокладываетъ дорогу новымъ направленіямъ въ искусствѣ. Въ настоящее время вниманіе къ этому дѣлу вновь возбуждено въ средѣ самыхъ талантливыхъ нашихъ композиторовъ, и ближайшее будущее принесетъ намъ на этомъ поприщѣ новые плодотворные труды.

Читатели извинятъ это длинное отступленіе. Оно было необходимо, чтобы напомнить имъ весь объемъ музыкальныхъ сокровищъ, коими обладаетъ наша церковь, все громадное развивающее значеніе, которое принадлежитъ нашему церковному пѣнію и въ настоящемъ, и въ будущемъ, всю жизненность этого искусства, единственнаго у насъ, носителемъ котораго является весь народъ, отъ великаго художника, витающаго въ высшихъ сферахъ человѣческаго творчества, до дряхлаго дьячка, свято хранящаго напѣвы, унаслѣдованные отъ отцовъ и дѣдовъ, до полуграмотнаго школьника, впервые съ радостнымъ благоговѣніемъ познающаго дивную силу, даруемую его слабому голосу сочетаніемъ съ другими голосами въ хвалѣ Всевышняго Бога.

Считаю необходимымъ присовокупить еще слѣдующее замѣчаніе. По мнѣнію многихъ авторитетныхъ художниковъ и знатоковъ церковнаго пѣнія, употребленіе въ немъ западныхъ ладовъ есть отступленіе отъ истиннаго характера православнаго пѣснопѣнія, и должно быть безусловно замѣнено гармонизаціею въ ладахъ церковныхъ. Позволяю себѣ думать, что это требованіе преувеличено, что художественная дѣятельность послѣднихъ двухъ сто-

*) Въ книгѣ Разумовскаго о церковномъ пѣніи упоминается литургія Глинки. Почему она не издана?

лѣтій не можетъ быть выкинута изъ исторіи нашего церковнаго пѣнія, что рядомъ съ искаженіями, которыя надлежитъ устранить, она внесла въ его область дѣйствительное обогащеніе. Лучшія сочиненія и переложенія Бортнянскаго и его школы (въ особенности Турчанинова) не могутъ быть исключены изъ сокровищницы нашихъ церковныхъ пѣснопѣній *). Лады западные изъ нея не исчезнутъ. Слѣдуетъ только заключить ихъ употребленіе въ должныя границы, возстановить въ ея правахъ гармонизацію въ ладахъ церковныхъ, естественная область которыхъ несравненно обширнѣе, чѣмъ область ладовъ западныхъ. Опредѣлить, разграничить эти области—дѣло художественнаго чутья, будущей дѣятельности геніальныхъ композиторовъ,—еще болѣе, чѣмъ дѣло музыкальной теоріи. И не на основаніи теоретическихъ соображеній позволяю я себѣ выразить это мнѣніе, а на основаніи практическихъ наблюденій.

Гармонизація въ ладахъ церковныхъ проще, бѣднѣе гармонизаціи въ общеупотребительныхъ западныхъ ладахъ. Но древняя италіанская церковная музыка (школа Палестрины) доказала, какія богатства заключаются въ этой относительной бѣдности, въ этой величавой простотѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что гармоническая разработка нашихъ древнихъ церковныхъ напѣвовъ поведетъ къ умноженію этого богатства. Особенно умѣстна, даже необходима, строго-церковная гармонизація для всѣхъ краткихъ, часто повторяемыхъ молитвословій, и для напѣвовъ великопостныхъ. Она должна получить самое широкое примѣненіе въ переложеніяхъ, назначенныхъ для скромныхъ сельскихъ хоровъ, ибо церковный напѣвъ гар-

*) Попытаюсь пояснить мою мысль сравненіемъ. Наше церковное зодчество XVII-го вѣка, столь обильно принявшее въ себя элементы западные, можетъ ли считаться мертвою вѣтвію нашего народнаго искусства? Вспомнимъ церкви въ Филяхъ и московскія церкви Успенія на Покровкѣ и Воскресенья въ Катошахъ, Крутицкія архіерейскія палаты и т. п. Вычеркнемъ ли мы изъ исторіи нашей архитектуры эти западныя гармонизаціи русскихъ мотивовъ?

монизованный въ церковныхъ ладахъ, и удобопонятнѣе, и легче исполнимъ, и запечатлѣвается въ памяти слушателей въ своемъ чистомъ, первоначальномъ видѣ.

Ограничиваюсь этими бѣглыми намеками на теоретическую сторону дѣла. Они были необходимы, чтобы указать на обширность музыкальной области, раскрываемой передъ нами нашимъ церковнымъ пѣніемъ. Въ слѣдующей замѣткѣ перейду къ сторонѣ практической, къ тѣмъ условіямъ, при которыхъ правильное церковное пѣніе можетъ сдѣлаться общимъ достояніемъ нашихъ приходскихъ церквей, и городскихъ, и сельскихъ.

III.

Условія подъема нашего церковнаго пѣнія, широкаго его распространенія въ формахъ высокихъ и чистыхъ, коренятся въ двухъ сферахъ, до сихъ поръ имѣвшихъ весьма мало соприкосновенія: въ сферѣ нашего высшаго музыкальнаго творчества и въ сферѣ нашей скромной сельской школы.

Русская музыкальная школа обладаетъ несомнѣнною жизненностію. Ея оригинальность, ея творческая энергія признаны музыкальными авторитетами всего міра. Ея самобытная сила заявила себя во всѣхъ музыкальныхъ формахъ, освященныхъ вѣками, во всѣхъ музыкальныхъ направленіяхъ, возникшихъ въ новѣйшее время. Одна лишь задача оставлена этою школою безъ должнаго вниманія, — а эта задача есть коренная и историческая, кровная задача русской музыки. Она не дала намъ полнаго круга художественныхъ, истинно церковныхъ пѣснопѣній.

Пора подумать о пополненіи этого пробѣла. Вѣрю, что онъ будетъ пополненъ, несмотря на всѣ внѣшнія препятствія. Но и объ этихъ препятствіяхъ, непонятныхъ, обидныхъ, недостойныхъ—стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Года четыре тому назадъ, самый талантливый изъ рус-

скихъ композиторовъ, П. И. Чайковскій, издалъ четырехголосную литургію своего сочиненія. И что же? Это радостное музыкальное событіе вызвало цѣлый рядъ непостижимыхъ, оскорбительныхъ скандаловъ. Партитура г. Чайковскаго была запрещена, конфискована. Исполненіе ея въ церквахъ не было допущено.

Для того, чтобы удовлетворить естественному желанію публики ознакомиться съ новымъ твореніемъ любимаго автора, нужно было прибѣгнуть къ концертному исполненію «Литургіи» *въ полномъ ея составѣ*, исполненію, которое произвело на людей благочестивыхъ самое тягостное впечатлѣніе. Дѣйствительно, это вышло похоже на обѣдню, прерываемую вызовами и рукоплесканіями.

И чѣмъ же заслужила эта несчастная «Литургія» такое усиленное гоненіе? Съ внѣшней стороны, она движется въ оффиціально признанныхъ формахъ школы Бортнянскаго, при употребленіи, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, церковныхъ ладовъ. Съ внутренней—она съ начала до конца проникнута глубокимъ, искреннимъ религіознымъ чувствомъ, съ нѣкоторымъ преобладаніемъ субъективно-элегическаго элемента. Затѣмъ она отличается обычными достоинствами твореній г. Чайковскаго: обиліемъ самобытныхъ мелодій, мастерскимъ голосоведеніемъ, полнымъ отсутствіемъ всякихъ низменныхъ эффектовъ. Вся литургія разсчитана на исполненіе полнымъ, первоклассымъ хоромъ.

Въ чемъ же заключалась бы опасность, еслибъ литургія г. Чайковскаго была предоставлена самой себѣ? Она была бы исполнена нѣсколько разъ въ столичныхъ церквахъ. Нѣкоторые лучшіе ея нумера продолжали бы исполняться въ нихъ отъ времени до времени. При этомъ наглядно обнаружились бы и всѣ ея достоинства, и всѣ ея недостатки, къ коимъ никто не можетъ быть чувствительнѣе, чѣмъ высоко-талантливая, чуткая натура самого автора, и этотъ опытъ благотворно отразился бы на послѣдующей его творческой дѣятельности.

Г. Чайковскій обладаетъ слишкомъ прочно установившимся музыкальнымъ авторитетомъ, слишкомъ сильно бьетъ въ немъ творческая струя, чтобы могли остановить его подобныя случайныя невзгоды *). Но каково должно быть впечатлѣніе, производимое ими на таланты начинающіе, ищущіе пути? Не равняются ли для нихъ подобные прецеденты—*запрещенію* свободнаго творчества въ области церковнаго пѣнія?

А въ этой области намъ и нужно свободное, обильное творчество, подъ руководствомъ корифеевъ искусства, подъ незамѣтнымъ контролемъ практическаго опыта. Только этимъ опытомъ можетъ быть опредѣлена та мѣра свободы въ пользованіи нашими древними напѣвами, въ отступленіи отъ нихъ, которая совмѣстима съ истинно-церковнымъ характеромъ нашего духовнаго пѣнія. Опасаться при этомъ вторженія въ нашу церковную практику твореній недостойныхъ, характера низкаго и грубаго, рѣшительно нѣтъ поводовъ. Наше духовенство, постоянные посѣтители нашихъ церквей—не театральная публика. Трудно себѣ представить, чтобы музыкальное сочиненіе, могущее произвести соблазнъ, было допущено настоятелемъ церкви до исполненія во время богослуженія, невозможно предположить, чтобы такое исполненіе было повторено. Что касается до вещей просто слабыхъ и пошловатыхъ, къ сожалѣнію, и нынѣ безпрестанно исполняемыхъ нашими пѣвческими хорами, городскими и фабричными, пробавляющимися преимущественно рукописными твореніями безыменныхъ авторовъ, то противъ ихъ распространенія существуетъ одно только средство: дѣльная и строгая гармонизація всего нашего богослужебнаго круга во всѣхъ главныхъ нашихъ мѣстныхъ распѣвахъ. По слухамъ, къ этому громадному, основному труду уже приступили нынѣ нѣкоторые изъ лучшихъ представите-

*) О томъ свидѣтельствуетъ еще не изданная его „Всенощная“, въ которой, по журнальнымъ отзывамъ, уже замѣчается поворотъ къ традиціональному характеру церковнаго пѣнія.

лей нашего музыкальнаго искусства. Да благословитъ Богъ ихъ начинанія, коимъ суждено составить эпоху въ исторіи нашего духовнаго пѣнія!

Но повторяю: кромѣ этого, намъ нужно широкое развитіе свободнаго творчества въ области церковной музыки. Лишь свободное возвращеніе нашихъ первоклассныхъ композиторовъ къ духу нашихъ древнихъ церковныхъ пѣснопѣній можетъ вдохнуть жизнь въ наше духовное искусство,—и это возвращеніе совершится неминуемо, какъ только они станутъ лицомъ къ лицу не съ кружками столичныхъ диллетантовъ, а съ массою вѣрующихъ, въ твореніяхъ, предназначенныхъ для повсемѣстнаго распространенія...

Остается мнѣ сказать нѣсколько словъ объ условіяхъ этого повсемѣстнаго распространенія правильнаго нотнаго многоголоснаго пѣнія. Орудіемъ этого распространенія можетъ служить только и уже начинаетъ служить—сельская школа. Вездѣ, гдѣ учитель мало-мальски знакомъ съ практикою хороваго пѣнія, при церквахъ составляются небольшіе хоры изъ мальчиковъ и юношей, учащихся и учившихся. Результаты, достигаемые при этомъ, по истинѣ замѣчательны, если принять въ разсчетъ тѣ малыя средства, то краткое время, которымъ располагаетъ наша сельская школа. Успѣхъ дѣла обусловливается тутъ, съ одной стороны, музыкальною даровитостію нашихъ крестьянскихъ ребятъ, съ другой, общимъ сочувствіемъ, возбуждаемымъ ихъ пѣніемъ въ церкви. Пѣніе—единственная отрасль обученія, въ которой успѣхи могутъ быть оцѣнены непосредственно даже безграмотными родителями учащихся, возбуждаетъ живой интересъ въ сельскихъ жителяхъ всѣхъ сословій. Учитель, способный устроить въ церкви приличное пѣніе, пользуется громаднымъ преимуществомъ передъ своими собратіями, и на его долю достаются лучшія учительскія мѣста.

Но такихъ учителей пока слишкомъ мало. Пѣніе пре-

подается въ нашихъ учительскихъ семинаріяхъ, и при нихъ составляются хорошіе пѣвческіе хоры. Но при краткости и многопредметности учебнаго курса въ этихъ заведеніяхъ, лишь самые талантливые изъ ихъ воспитанниковъ успѣваютъ пріобрѣсти способность самостоятельно править хоромъ. Преподается оно и въ духовныхъ семинаріяхъ. Но молодые люди, оканчивающіе курсъ въ этихъ заведеніяхъ, занимаютъ учительскія мѣста лишь на краткіе сроки, какъ бы мимоходомъ, въ ожиданіи посвященія, и поэтому не имѣютъ ни времени, ни охоты къ устройству пѣвческихъ хоровъ. Остальные сельскіе учителя лишь по счастливой случайности могутъ пріобрѣсти знанія и навыки, необходимые для управленія хоромъ.

Въ высшей степени желательно распространить и усилить у насъ средства музыкальнаго образованія и въ частности образованія церковно-музыкальнаго. Для этого, прежде всего, должно быть усилено и возвышено преподаваніе пѣнія въ нашихъ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ. Естественный руководитель пѣнія въ церкви есть священникъ, естественный регентъ на церковномъ клирѣ—псаломщикъ. Но послѣдняго рѣдко удается привлечь даже къ участію въ школьномъ хорѣ, за непривычкою его къ нотному пѣнію, за полнымъ равнодушіемъ его къ изяществу, коему онъ предпочитаетъ—краткость службы *). Между тѣмъ, псаломщикъ-регентъ могъ бы значительно улучшить и матеріальное, и общественное свое положеніе. Его труды принесли бы ему и денежное вознагражденіе, отъ прихода и сельскаго начальства, и обезпечили бы за нимъ сочувствіе мѣстнаго общества.

Но независимо отъ того, нужны средства музыкальнаго образованія, доступныя самимъ учителямъ. Намъ нуженъ въ каждой губерніи спеціальный разсадникъ регентовъ, при духовной семинаріи или при архіерейскомъ хорѣ,

*) Смертельный ударъ обиходному пѣнію въ сельскихъ церквахъ нанесло сокращеніе причтовъ, убивъ традиціональное двухголосное пѣніе, возложивъ на единственнаго причетника бремя неудобоносимое. Нынѣ приличное богослуженіе въ селахъ возможно лишь при помощи школы.

еще лучше—при какомъ-либо значительномъ монастырѣ, твердо хранящемъ преданіе пѣнія истинно-церковнаго. Намъ нуженъ въ каждомъ уѣздѣ опытный регентъ, получающій жалованіе отъ земства, который бы лѣтомъ обучалъ мѣстныхъ сельскихъ учителей, а зимою объѣзжалъ сельскія школы, направляя практическую дѣятельность своихъ учениковъ.

Начальный импульсъ и постоянное руководство всему дѣлу, конечно, могла бы дать наша несравненная придворная капелла.

Не могу не замѣтить при этомъ, что широкое распространеніе нотнаго пѣнія должно отразиться самымъ благотворнымъ образомъ на дѣятельности нашихъ композиторовъ. Оно привлечетъ ихъ вниманіе къ задачамъ обще-церковнымъ, истинно народнымъ, пріучитъ ихъ имѣть въ виду не виртуозовъ нашихъ столичныхъ хоровъ, а исполнителей болѣе скромныхъ, не прихотливую публику, посѣщающую концерты музыкальныхъ обществъ, но массу вѣрующихъ, которой желательно предлагать:

Nur ewige und ernste Dinge...

Вотъ наступила осень. Быстро убываютъ размѣры трудоваго дня. Приходитъ къ концу ранняя молотьба обильной благовременной жатвы. Еще недѣля, и закипитъ жизнію затихшая на лѣто школа. Начнутся длинныя вечернія спѣвки, и проба новичковъ, и толки о предстоящихъ праздничныхъ службахъ, и вечернія посѣщенія прежнихъ дорогихъ учениковъ, приходящихъ заучить свою партію, отдохнуть, въ свѣтѣ и теплѣ, за чтеніемъ доброй книги, замѣнить при ребятахъ поющихъ учителей.

Благословенна наша суровая сѣверная природа, полагающая неумолимые предѣлы физическому труду селянина, повелительно призывающая насъ къ дѣятельности духа. Благословенны и долгая осенняя распутица, и безконечныя зимнія ночи, и скромная сельская церковь, собирающая подъ сѣнь свою дѣтей и юношей напоминаніемъ о томъ, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ!

ШКОЛЬНЫЙ ПОХОДЪ
ВЪ НИЛОВУ ПУСТЫНЬ. *)

Въ сѣверной половинѣ Смоленской губерніи особенно чтится память преподобнаго Нила Столбенскаго. Дни его преставленія (7 декабря), обрѣтенія его мощей (27 мая), считаются великими праздниками. Трудно найти въ нашихъ краяхъ пожилаго человѣка, не побывавшаго хоть разъ въ жизни въ Ниловой Пустыни. Въ извѣстныя времена года—Великимъ постомъ, раннимъ лѣтомъ—почти изъ каждой деревни отправляются къ Угоднику (по имени его не называютъ) кучки богомольцевъ.

Но въ этихъ богомольяхъ лишь весьма рѣдко принимаютъ участіе дѣти. Смоленская губернія обширна. Пустынь отстоитъ верстъ на сто отъ ея границы; богомольцы дорожатъ временемъ и къ тому же считаютъ долгомъ потрудиться: они совершаютъ переходы, дѣтямъ непосильные, верстъ пятьдесятъ, шестьдесятъ въ сутки, неся притомъ съ собою сухари на дорогу и узелокъ съ чистою одеждою и сапогами. А дѣтки все мечтаютъ объ Угодникѣ, о чудесномъ островѣ на водахъ Селигера. Съ верхняго балкона нашей школы, въ однообразномъ горизонтѣ, подымающемся нечувствительно къ водораздѣлу бассейновъ Двины и Волги, виднѣется выемка и въ ней голубая, волнистая даль. Это верховья Волги, это отроги Валдайской возвышенности. Въ ясные и тихіе февральскіе дни, надъ этою далью, на восходѣ солнца, подымается марево. Въ призрачныхъ очертаніяхъ

*) Напечатано въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1887 г. ноябрь и декабрь.

рисуются на небѣ какія-то невѣдомыя колокольни и башни. Что это? Не далекій ли Осташковъ? Ужъ не сама ли Нилова Пустынь?

Лѣтъ восемь тому назадъ, мнѣ пришло на мысль сводить моихъ ребятъ въ Нилову Пустынь, и я совершилъ это паломничество съ тридцатью учениками. Въ нынѣшнемъ году оно повторилось, и насъ было шестьдесятъ шесть человѣкъ, малыхъ и взрослыхъ. Для подобныхъ предпріятій Татевская школа представляетъ особыя удобства. Существуетъ она двадцать шесть лѣтъ, въ моемъ вѣдѣніи состоитъ тринадцать, и прежніе ея ученики сохраняютъ съ нею самыя тѣсныя связи. Она никогда не закрывается, ибо лѣтомъ въ ней постоянно готовятся къ учительской должности крестьянскіе мальчики, окончившіе курсъ въ школахъ нашего околодка, гостятъ молодые холостые учителя и воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній, начавшіе ученіе въ нашихъ школахъ. Весь этотъ штабъ, конечно, при путешествіяхъ съ ребятами оказывается въ высшей степени полезнымъ. Я самъ, несмотря на лѣта и недуги, сохранилъ свое пристрастіе къ пѣшему хожденію, и мой старческій, медленный шагъ (около четырехъ верстъ въ часъ) какъ разъ согласуется съ быстрымъ, но мелкимъ шагомъ ребятъ. Всѣ мы отъ времени до времени испытываемъ потребность стряхнуть съ себя школьную пыль, забыть о признакахъ дѣлимости и о дательномъ самостоятельномъ, подышать полною грудью, услышать другое пѣніе, чѣмъ наше собственное, помолиться на досугѣ, съ размышленіемъ о прошломъ, съ думою о будущемъ.

Для обоихъ путешествій мы избрали середину іюня, ибо тутъ настаетъ, между вывозкою удобренія и началомъ покоса, краткій перерывъ въ лѣтнихъ полевыхъ работахъ, коимъ и принято у насъ пользоваться для хожденія на богомолье. Чудное время! Лѣса еще сохранили всю свѣжесть своей весенней листвы, и въ тѣнистыхъ ихъ закоулкахъ доцвѣтаютъ послѣдніе ландыши;

а въ поляхъ уже появляются первые васильки, и надъ сизыми волнами цвѣтущей ржи носятся облака душистой пыли; въ нетронутой травѣ луговъ сіяютъ и рдѣютъ, благоухаютъ и колышатся тысячи едва распустившихся цвѣтовъ; и все это заливаетъ потоками свѣта почти незакатное солнце, ибо ночи нѣтъ: блѣдный пурпуръ заката разгорается въ пурпуровое золото утренней зари. Едва проглядываютъ въ свѣтлой лазури звѣзды ночныя. Есть что-то торжественное, что-то призывное въ этомъ непрерывномъ бдѣніи, въ этомъ могучемъ напряженіи всѣхъ силъ природы; это время безсонныхъ ночей, время широкихъ замысловъ, время порывовъ духа къ высшему свѣту...

«Благословенъ еси, Владыко Вседержителю, просвѣтивый день свѣтомъ солнечнымъ, и ночь уяснивый зарями огненными»...

Словно не подъ небомъ юга, съ глубокимъ мракомъ его ночей, написана эта молитва Василія Великаго, а въ срединѣ сѣвернаго лѣта, когда и днемъ, и ночью насъ будитъ и нудитъ обиліе свѣта и разлитая повсюду ненаглядная красота, и невольно просятся на уста слова другаго великаго поэта:

Die Geisterwelt ist nicht verschlossen,
Dein Sinn ist zu, dein Herz ist todt—
Auf! bade, Schüler, unverdrossen
Die ird'sche Brust in Morgenroth!

Во время втораго нашего похода въ Нилову Пустынь я велъ краткій дневникъ. Вотъ онъ, дополненный на досугѣ еще свѣжими воспоминаніями.

День первый.

Девятаго іюня, въ день, назначенный для выступленія въ походъ, школа гудѣла, какъ улей, изъ котораго готовится вылетѣть рой. Еще наканунѣ собралось въ ней

человѣкъ сорокъ паломниковъ: къ школьной семьѣ присоединились мальчики изъ дальнихъ деревень. Въ теченіе всего утра прибывали со всѣхъ сторонъ новые спутники. Приходили во множествѣ и мальчики, не заявлявшіе прежде своего намѣренія идти съ нами къ Угоднику. Имъ приходилось отказывать, ибо путь предстоялъ по мѣстамъ отчасти малонаселеннымъ и бѣднымъ, въ коихъ прокормленіе большой толпы богомольцевъ могло представлять серьезныя затрудненія. Къ тому же, наученный опытомъ перваго путешествія, я выхлопоталъ себѣ открытый листъ отъ Тверскаго губернатора, въ коемъ значилось около шестидесяти человѣкъ. Дѣло въ томъ, что, восемь лѣтъ тому назадъ, нашъ караванъ приводилъ въ крайнее недоумѣніе полицію. Шествіе толпы ребятъ подъ предводительствомъ плохо одѣтаго барина, пѣніе утреннихъ и вечернихъ молитвъ, располагавшее въ нашу пользу простыхъ обывателей, почему-то представлялось нисшимъ чинамъ полиціи нарушеніемъ общественнаго порядка; предъявленіе моего вида, изъ коего явствовала моя ученая степень, лишь усиливало недоумѣнія, и изъ этого происходили весьма тягостныя замедленія.

Къ двѣнадцати часамъ всѣ паломники были въ сборѣ. Послѣднимъ явился Виѳанскій семинаристъ, успѣвшій окончить свои экзамены 6-го іюня. Къ сожалѣнію, другой семинаристъ и наши *духовные мальчики* (воспитанники Бѣльскаго Духовнаго Училища) еще не были свободны. Имъ обѣщано на будущее лѣто особое паломничество. Въ двѣнадцать часовъ мы сѣли за обѣдъ и затѣмъ принялись закладывать лошадей, укладывать дорожные припасы. Съ нами шли двѣ телѣги съ рогожными верхами и одинъ тарантасъ, заложенный тройкою сборныхъ крестьянскихъ лошадей. Телѣги тотчасъ наполнились узелками ребятъ съ праздничною одеждою и сапогами (на дорогу всѣ надѣли лапти), печенымъ хлѣбомъ (коего мы взяли съ собою пять пудовъ), чайными припасами. Тарантасъ оставленъ пустымъ для больныхъ и утомленныхъ.

Общество наше составилось изъ 46 ребятъ, трехъ возчиковъ, двухъ взрослыхъ пѣвцовъ нашего хора и лѣтней школьной семьи: двѣнадцати молодыхъ учителей и учительскихъ помощниковъ, двухъ живописцевъ и одного семинариста. Всѣ были крестьяне, воспитанники Татевской и сосѣднихъ школъ, кромѣ одного учителя духовнаго званія и двухъ возчиковъ, изъ коихъ одинъ—дѣдъ бывшаго и будущихъ учениковъ; другой—отецъ трехъ милыхъ мальчиковъ, несмотря на разность лѣтъ одновременно поступившихъ въ школу. Мальчики эти (vulgo Потапята) носятъ также названія Рувима, Иссахара и Веніамина. Третій возчикъ, Тимоѳей — бывшій ученикъ и басъ нашего хора. Вмѣстѣ съ нимъ посадили на козлы телѣги крошечнаго горбунка Тимошу, которому пѣшкомъ не дойти. Для него это путешествіе—неожиданное счастіе. Не чаялъ онъ когда-либо добраться до Угодника.

Наконецъ все готово. Мы всѣ отправляемся въ церковь служить молебенъ о путешествующихъ. Еще наканунѣ вечеромъ мы прочли вслухъ, съ раздѣленными ролями, прекрасный чинъ этого молебна. И сегодня, въ высокой, прохладной церкви, подъ гулкими сводами съ голосниками, съ удвоенною силою, какъ-бы съ углубленнымъ смысломъ раздаются тѣ же трогательныя моленія, тѣ же вѣскія чтенія. Нашъ отецъ Петръ служитъ художественно. Никто такъ величаво и просто, съ такимъ сокрушеніемъ и надеждою не глаголетъ колѣнопреклонныхъ молитвъ. Молебенъ кончился. Мы прощаемся съ школьными бабушками (древнею старухою, доживающею свой вѣкъ въ школѣ, и ея уже старою дочерью, нашею стряпухою) и прямо изъ церкви, не заходя въ школу, пускаемся въ путь.

Погода съ утра стояла пасмурная и тихая. Во время молебна пошелъ довольно сильный дождь. Когда мы вышли изъ церкви, еще былъ слышенъ его удаляющійся шумъ, еще падали отдѣльныя крупныя капли. Но надъ

нами уже разорвалася сѣрая дымка и быстро рѣдѣла, а за нею показывалось голубое небо и другія тучи, величаво и рѣзко очерченныя. Даль уже пестрѣла полосами, ярко озаренными солнцемъ.

Съ лѣсистой горы, на которой стоитъ Татевская школа, дорога, между двумя стѣнами высокой ржи, спускалась къ деревнѣ Демидову, затѣмъ еще ниже, къ мельницѣ Пузанихѣ, на рѣкѣ Березѣ, составляющей границу Смоленской губерніи и Тверской. Береза въ верхнемъ своемъ теченіи—лѣнивая рѣчка, ползущая по глубокой, отлогой долинѣ, между лугами и кустарниками. За нею дорога постепенно возвышается. Изъ первой деревни Тверской губерніи—Макарова—прекрасный видъ на Татево. Надъ луговою полосою, бѣгущею вдоль Березы, возвышается гора съ высокими рощами, съ бѣлою церковью, и околонея—неправильная сѣрая масса училища. Картинка эта, постепенно уменьшаясь въ размѣрахъ, провожаетъ насъ на протяженіи двѣнадцати верстъ, ибо мы постепенно поднимаемся, переходя изъ деревни въ деревню. На насъ съ любопытствомъ глазѣютъ мальчишки и бабы; собаки, не смѣя напасть на столь многочисленное войско, прячутся въ подворотни; коровы и овцы въ ужасѣ разбѣгаются передъ нами. Наконецъ мы достигаемъ деревни Бѣликова, самаго высокаго пункта нашего сегодняшняго перехода. Отсюда видны и Татево, и село Егорье, родина епископа Николая, апостола Японіи, и высокія рощи, окружающія Меженинку, нашъ первый ночлегъ. Направо отъ дороги возвышается отлогая Шалаевская гора, единственное возвышеніе на Татевскомъ горизонтѣ, гора, очевидно, высокая, ибо она видна на разстояніи тридцати верстъ и болѣе. Широко раскинулась передъ нами голубая, неоглядная даль, манившая насъ изъ Татева, ибо мы стоимъ на самомъ водораздѣлѣ, и передъ нами разстилается бассейнъ Волги. Между тѣмъ, сѣрая дымка, покрывавшая небо, окончательно растаяла. Надъ нами чистая лазурь. Но со всѣхъ сторонъ на небосклонѣ

темныя грозовыя тучи, и на нихъ ярко выступаютъ залитыя солнцемъ верхушки деревъ. Становится жарко. Теплый вѣтерокъ волнуетъ сизые колосья ржи и гонитъ надъ ними тонкія облака цвѣточной пыли. Надъ нами заливаются невидимые жаворонки. Ребята завалили телѣги своею верхнею одеждою и идутъ въ однѣхъ рубашкахъ. Они идутъ слишкомъ скóро, забѣгаютъ впередъ. Ихъ манитъ и нудитъ эта лазурная даль. Въ ея убѣгающихъ планахъ то и дѣло мелькаетъ далеко—далеко темный профиль деревянной церкви, верхушка бѣлокаменной колокольни, и снова тонетъ въ синѣющихъ на горизонтѣ лѣсахъ. Со своего облучка нашъ горбунокъ смотритъ впередъ своимъ глубокимъ, отрѣшеннымъ взоромъ, словно видитъ что-то, что намъ недоступно...

Мы постепенно спускаемся въ долину Витки, главнаго притока Березы. Насъ дразнятъ своею кажущеюся близостью Меженинскія рощи, синеватыми массами возвышающіяся надъ болѣе близкими перелѣсками.—Сколько верстъ до Меженинки?—Десять, восемь, семь...—Да, помилуйте, вотъ она, Меженинка—рукой подать!—Глазамъ-то видно, отвѣчаетъ мудрый дѣдъ въ деревнѣ Корелкѣ,—да ногамъ обидно. Не разъ, во время нашего путешествія, приходилось намъ припоминать это изреченіе. Версты отъ Татева до Меженинки немѣряныя. По *краткому* пути, избранному нами, ихъ считаютъ восемнадцать, но будетъ добрыхъ 25.

Небо становится все живописнѣе и тревожнѣе. Даль мѣстами исчезаетъ за сѣрою занавѣскою дождя: на тучахъ появляются клочки радуги. Массивныя облака то застилаютъ солнце, то разступаются надъ нами. Раскаты грома, шумъ отдаленнаго града... То здѣсь, то тамъ яркія полосы свѣта на верхушкахъ лѣса, на изумрудной зелени овса. Но и онѣ потухаютъ: съ юга ползетъ синяя, сплошная туча. Но вотъ и послѣдняя деревня, вотъ усадьба батюшки, вотъ церковь и, рядомъ съ нею, гостепріимная Меженинская школа. Зашумѣли крупныя,

рѣдкія капли. Едва успѣли всѣ ребята столпиться подъ навѣсъ крыльца, и дождь хлынулъ, какъ изъ ведра.

Меженинская церковь деревянная, но весьма удобная: просторная, свѣтлая и теплая. Построена она лѣтъ тридцать тому назадъ, моимъ дядею, но лишь лѣтъ двѣнадцать тому назадъ удалось создать около нея самостоятельный приходъ, по мѣстнымъ условіямъ необходимый. Первымъ священникомъ въ ней былъ бывшій Татевскій учитель, человѣкъ прекрасный, къ сожалѣнію преждевременно умершій. Тутъ же при церкви была устроена школа. Школа эта, до прошлаго лѣта, влачила жалкое существованіе. Учитель (изъ духовнаго званія), человѣкъ усердный и способный, страдалъ запоемъ. Но онъ былъ обремененъ многочисленнымъ семействомъ, не разъ пытался исправиться, и добрый батюшка скрывалъ отъ меня размѣры зла. Число учениковъ вертѣлось около тридцати, и школа не пользовалась сочувствіемъ окрестнаго населенія, несмотря на удовлетворительные успѣхи учениковъ въ чтеніи и письмѣ. Учитель не былъ пѣвцомъ, и церковное пѣніе у него не процвѣтало.

Годъ тому назадъ Меженинская школа подверглась коренному преобразованію. Въ Меженинку возвратились на постоянное жительство ея владѣльцы, и руководство школою приняла на себя С. Н. Р.—женщина, одаренная рѣдкими педагогическими способностями. Прежній учитель замѣненъ однимъ изъ юныхъ воспитанниковъ Татевской школы, нашимъ дорогимъ Михеюшкою. Сама С. Н. взяла на себя часть преподаванія и еще въ теченіе прошлаго лѣта приступила къ образованію церковнаго хора. Успѣхъ превзошелъ наши ожиданія. Въ хоръ тотчасъ вступили многіе взрослые грамотные крестьяне, съ изумительною быстротою выучились читать ноты, несмотря на полевыя работы (даже покосъ!), не пропускали ни одной спѣвки, и уже къ осени составился стройный хоръ, собирающійся на каждую воскресную и праздничную службу. Число учениковъ сразу подня-

лось до пятидесяти. Скромный и тихій Михеюшка своею заботливостью о дѣтяхъ, своимъ глубокимъ благочестіемъ покорилъ всѣ сердца и сдѣлался любимцемъ прихода. Ученіе идетъ у него прекрасно. Взрослые пѣвцы образовали вокругъ него дружную школьную братію. По субботамъ, послѣ спѣвки, они засиживаются у него далеко за полночь, за чтеніемъ божественныхъ книгъ, на покупку коихъ Михеюшка тратитъ свои послѣднія денежки. Теперь они просятъ, чтобы и въ воскресенье послѣ обѣда была устроена спѣвка, для того, чтобы весь день Господень былъ проведенъ по-христіански. Сначала бабы возроптали на эти еженедѣльныя отлучки своихъ мужей и на то, что они дома, вмѣсто того, чтобы съ ними болтать, цѣлый день распѣваютъ гаммы и Херувимскія; но теперь и онѣ покорились, видя успѣхъ ихъ церковнаго пѣнія.

Михеюшка убѣжалъ въ Меженинку за два дня до нашего выступленія въ походъ, чтобы приготовить школу къ пріему многочисленныхъ гостей. Радушные хозяева устроили въ прекрасномъ меженинскомъ пруду большую рыбную ловлю. Ловъ оказался чудеснымъ: вытащили полтора пуда рыбы. Въ школѣ мы нашли самовары кипящими, столы накрытыми, солому посланною для ночлега ребятъ. Началось угощеніе на славу. Всего было наварено и напечено въ изобиліи. Милыя хозяйки Меженинки, С. Н., ея сестра и племянницы пришли въ школу угощать налетѣвшую на нихъ саранчу, и каждому было сказано доброе слово, и сердечный ихъ привѣтъ еще возвысилъ общее радостное настроеніе. Михеюшка хлопоталъ неутомимо, сіялъ отъ радости, самъ забывалъ ѣсть и пить. Татевскіе ребята въ первый (и единственный) разъ за этотъ постъ покушали рыбки. Дѣло въ томъ, что Татево находится почти въ гидрографическомъ центрѣ Россіи. Береза втекаетъ въ Межу, притокъ Двины; верстахъ въ пяти отъ насъ начинается бассейнъ Волги; верстахъ въ двадцати—источникъ Днѣп-

ра. Все это очень лестно, и мы вольны считать свою мѣстность, въ нѣкоторомъ родѣ, пупомъ земли; но, по этому самому, рѣчки наши ничтожны, рыбы у насъ мало, и накормить ею всю мою безчисленную семью удается рѣдко.

Наконецъ, ужинъ кончился. Дождь прекратился, и школа озарилась блѣднымъ золотомъ вечерней зари. Стали на молитву. Возгласы говорилъ Романъ, Глуховскій учитель, торжественно и протяжно; помощникъ его, Корней, прекрасно прочелъ молитвы вечернія; красавецъ Адріанъ, ихъ ученикъ, серебристымъ альтомъ произнесъ молитвы начальныя: имъ тремъ, на все время путешествія, поручены вечернія молитвы. Торжественно и стройно прозвучали въ полумракѣ высокой, просторной классной комнаты тропари Троичные...

Я отправился ночевать въ домъ моихъ родственниковъ. Ребята завалились на солому. Долго еще калякали съ Михеюшкою его товарищи—учителя, его друзья—живописцы. Я же еще долго совѣщался съ бывшимъ Меженинскимъ старостою о дальнѣйшемъ нашемъ маршрутѣ. Очень хотѣлось намъ идти напрямикъ, по живописнымъ берегамъ Туда, по дикой, лѣсистой мѣстности, слывущей у насъ «Сибирью». Но какъ въ этой Сибири прокормить мое многочисленное войско? Рѣшено было лишь коснуться Сибири и выбраться къ вечеру слѣдующаго дня на большой богомольный трактъ, на коемъ не грозила опасность голодной смерти.

День второй.

Мы встали рано, но выступили въ походъ поздно, часовъ около девяти, чтобы имѣть время проститься съ нашими радушными хозяевами. Всѣ они пришли въ школу на утреннія молитвы. Читалъ Вася, Бобровскій учитель, чтецъ отличный; начальныя молитвы говорилъ Миша, его ученикъ, чуткій и серьезный мальчикъ, ко-

тораго мы готовимъ къ поступленію во второй классъ Духовнаго Училища. Возгласы говорилъ Егоръ Толстой, нашъ добрый великанъ, доживающій послѣдніе дни въ нашей школьной семьѣ. Онъ учительствуетъ въ Домѣ Призрѣнія, въ Сергіевомъ Посадѣ, и скоро поѣдетъ въ Москву для посвященія въ діакона. Это будетъ, въ теченіе нынѣшняго года, третьимъ случаемъ посвященія въ діакона учителя изъ моихъ учениковъ. Толстымъ онъ названъ въ честь графа Льва Николаевича. Въ нашихъ школахъ ребята любятъ прозывать товарищей, не имѣющихъ семейныхъ прозвищъ (а таковыхъ много), именами знаменитыхъ русскихъ писателей. Клички эти впослѣдствіи обращаются въ фамильныя имена. Такимъ образомъ у насъ завелись Пушкины, Жуковскіе, Крыловы, Кольцовы... Это напоминаетъ Англію, гдѣ имена великихъ людей безпрестанно даютъ дѣтямъ при крещеніи въ качествѣ личнаго имени. Егору Толстому, вмѣстѣ съ Васею и Мишею, были поручены на все время нашего путешествія молитвы утреннія.

За молитвою послѣдовалъ обильный завтракъ. Всѣ выступили въ путь веселые и бодрые. Еще въ Татевѣ всѣ ребята были распредѣлены на пять группъ, и каждая изъ нихъ поручена одному изъ учителей; при началѣ и концѣ каждаго перехода производилась перекличка. Во избѣжаніе утомленія, происходящаго главнымъ образомъ отъ безпорядочной ходьбы, со втораго дня я шелъ впереди всѣхъ, и съ моимъ мѣрнымъ шагомъ долженъ былъ соображаться весь караванъ. Въ Меженинкѣ къ нему присоединились Михей и одинъ изъ его учениковъ.

Пришелъ насъ провожать Григорій, сынъ церковнаго старосты, одинъ изъ взрослыхъ пѣвцовъ Меженинскаго хора,—молодой человѣкъ въ высшей степени дѣльный и къ церкви усердный. Онъ занятъ подрядами по церковнымъ постройкамъ и поэтому, къ крайнему своему сожалѣнію, не могъ пойти съ нами къ Угоднику. Шелъ

онъ съ нами до близкой границы Смоленской губерніи, и мы бесѣдовали съ нимъ о дѣлахъ Меженинской церкви. Церковь надѣлена указнымъ количествомъ земли, но земля эта весьма плохая, потому что церковь построена недавно, и другой порожней земли по близости не нашлось (всѣ наши церкви, построенныя въ прошломъ столѣтіи, широко надѣлены отличною землею). Но особенно обидно для Меженинскихъ прихожанъ слѣдующее обстоятельство. Вблизи отъ нынѣшней Меженинской церкви въ прошломъ столѣтіи стояла другая, также во имя Знаменія Пресвятой Богородицы, съ погостомъ Котельнею, и владѣла шестьюдесятью десятинами превосходной земли. Но церковь эта сгорѣла, и прихожане были временно причислены къ сосѣднему, богатому и обширному приходу села Холмеца (Тверской епархіи). Холмецкій причтъ, разумѣется, овладѣлъ Котельнею и владѣетъ ею до сихъ поръ. Гражданскій искъ невозможенъ, ибо прошла едва ли не столѣтняя давность. Между тѣмъ на Котельнѣ безжалостно запахиваются могилки предковъ Меженинскихъ прихожанъ, и самое мѣсто, гдѣ стояла сгорѣвшая церковь, не огорожено. Холмецкій причтъ отдаетъ эту землю, ненужную ему для хозяйства, въ аренду; а Меженинскій причтъ не имѣетъ возможности вести хозяйство. Три четверти его земли—болото. Въ Холмецкой церкви хранится спасенная во время пожара Меженинская святыня, древняя икона Знаменія Божіей Матери, слывущая чудотворною. По преданію, долго не удавалось перенести ее на новое мѣсто... Завѣтная мечта Меженинскихъ прихожанъ—возвращеніе ихъ церкви этой земли и этой иконы. Но дѣло это—трудное, ибо не можетъ быть ведено форменнымъ порядкомъ, а приходы Меженинскій и Холмецкій находятся въ разныхъ епархіяхъ.

Но вотъ опять Витка. Мы прощаемся съ Григоріемъ и вторично вступаемъ въ Тверскую губернію. Передъ нами высокая гора, и на ней богатая, отлично выстроен-

ная деревня Московка. За этою горою начинается бассейнъ Волги.

Съ утра стоялъ густой туманъ; но онъ постепенно разсыпается мелкою дождевою пылью, и уже въ Московкѣ насъ озаряетъ яркое солнце. А въ верхнихъ слояхъ атмосферы продолжается борьба свѣта съ тьмою. Крупныя тучи, чреватыя дождемъ, ливни направо и налѣво, и позади, и впереди насъ, и дивные переливы свѣта и тѣни на дальнихъ планахъ обширнаго горизонта... Идемъ мы мѣстами высокими. Насъ долго провожаютъ массивныя Меженинскія рощи, и шпиль церкви, возвышающійся надъ елями и соснами кладбища, и Шалаевская гора, уже голубая и туманная. Хлѣбныя поля чередуются съ лугами, душистыми и цвѣтущими. Ребята жадно рвутъ прелестные цвѣты, окаймляющіе дорогу. Одинъ выбираетъ нѣжныя кисти бѣлой разновидности колокольчика и соединяетъ ихъ съ разрѣзными звѣздами розовой дремы. Другой перемѣшиваетъ съ васильками душистые колосья блѣдно-желтоватой любки. Третій рветъ, что попало. Всякій несетъ мнѣ цвѣтки, которые почему-либо кажутся ему заслуживающими моего вниманія. Разбѣгаться по сторонамъ мы имъ не позволяемъ. Но около деревни Боярской насъ поражаетъ возмутительное зрѣлище: большой воронъ вцѣпился въ пѣтушка, неосторожно отважившагося выйти въ поле. Мигомъ летятъ на выручку всѣ ребята: пѣтушекъ спасенъ, воронъ съ гнѣвнымъ карканьемъ улетаетъ, и ребята возвращаются на дорогу, запыхаясь и ликуя. Но вотъ дорога начинаетъ постепенно опускаться. Передъ нами серебристый занавѣсъ близкаго дождя. Онъ отступаетъ и рѣдѣетъ, и въ призрачныхъ очертаніяхъ открывается передъ нами прелестная долина Туда: широкая дуга многоводной рѣки, и усадьба, потонувшая въ темной зелени липъ, и крутые, лѣсистые берега, и двѣ церкви: на полугорѣ—убогое Кожухово, а надъ лѣсомъ—высокое Бакланово. Дождь все удаляется; яркое солнце заливаетъ планъ за планомъ.

Живописцы наши останавливаются на высокомъ мысу, чтобы набросать эту очаровательную панораму. Съ ними остается Виѳанскій семинаристъ, братъ Егора Толстаго, также усердный рисовальщикъ. Всѣ мы спускаемся къ мельницѣ и дѣлаемъ привалъ: мы отошли двѣнадцать верстъ, полъ-пути до Пыжей, гдѣ мы намѣрены обѣдать. Достаемъ свой черный хлѣбъ и весело закусываемъ, запивая, по способу воиновъ Гедеона, чистою водою Туда.

Дождавшись живописцевъ, мы перебираемся на другой берегъ по утлымъ кладямъ, надъ шумнымъ водопадомъ, образуемымъ плотиною. Увы! нельзя идти вдоль береговъ Туда, по негостепріимной Сибири! А по ту сторону Туда еще лучше: говорливые ручейки, цвѣтущій шиповникъ, огромные валуны, заросшіе мхами. Насъ увѣряютъ, что для сокращенія пути намъ слѣдуетъ, не доходя до Кожухова, свернуть направо и идти лѣсомъ. Мы такъ и дѣлаемъ. Дорога идетъ въ гору прелестными лѣсными полянками. Но она постепенно становится менѣе явственною и наконецъ теряется въ сплошной высокой травѣ. Боясь заблудиться, мы со стыдомъ возвращаемся на прежнюю дорогу; но нѣкоторыхъ изъ старшихъ спутниковъ, убѣжавшихъ впередъ на развѣдки, мы уже не можемъ вернуть. Отъ Кожухова въ сосѣднее село Пыжи, разумѣется, есть торная дорога.

Кожуховская церковь, деревянная и низенькая, замѣчательна только тѣмъ, что выстроена, уже довольно давно, лютераниномъ, собиравшимся перейти въ православіе. Исполнилъ ли онъ свое благое намѣреніе — мнѣ неизвѣстно. Школы при ней нѣтъ. Отъ Кожухова дорога идетъ, постепенно повышаясь, лугами и полями. Горизонтъ становится все обширнѣе: налѣво лѣсистыя горы Сибири, направо насъ упорно провожаетъ высокая Баклановская церковь. Старшій живописецъ, Николя, набрасываетъ ея характерный профиль. По прошествіи шести—семи верстъ намъ начинаютъ попадаться прикрѣп-

ленныя къ кустамъ и изгородямъ бумажки съ вѣсточками о нашихъ развѣдчикахъ. Они-таки выбрались на краткую дорогу; они опередили насъ на полчаса, на цѣлый часъ! Наконецъ мы находимъ ихъ у деревни Свисталова, спокойно отдыхающими на бревнушкахъ. До Пыжей ужь недалеко. Еще перелѣсочекъ, и передъ нами Пыжовская церковь, ветхая, сѣрая, но высокая, съ осьмиграннымъ, много-этажнымъ верхомъ, съ коническимъ шатромъ на круглой колокольнѣ. Вокругъ нея ограда изъ дикаго камня. Колокола сняты съ шаткой колокольни и висятъ въ незатѣйливой звонницѣ. Стоитъ эта церковь очень высоко. По возвращеніи въ Татево мы въ подзорную трубу усмотрѣли ее (а также церковь Баклановскую) въ синѣющей дали, виднѣющейся съ нашего балкона.

Въ Пыжахъ есть постоялый дворъ съ лавкою, въ коемъ намъ посовѣтовали обѣдать. Постоялый дворъ, конечно, оказался кабакомъ, но вся собранная въ немъ компанія тотчасъ уступила намъ мѣсто. Накормили насъ прилично, т. е. дали намъ похлебки, квасу и сельдей, и подали намъ самоваровъ на все общество. Только баттарея бутылокъ, расположенная подъ образами, напоминала намъ о томъ, что мы находимся въ мѣстѣ непотребномъ. Послѣ обѣда мы имѣли неосторожность спросить у вытѣсненныхъ нами гостей, сидѣвшихъ на крылечкѣ, сколько верстъ до мѣста нашего ночлега—деревни Боровыхъ Нивъ. Поднялся споръ, шумъ, чуть не драка.—Шесть верстъ!—Десять! — Пятнадцать! Оказалось, что каждый указываетъ разстояніе отъ *своей* деревни, а никто разстоянія отъ Пыжей не знаетъ. Общее правило: о разстояніяхъ дорогою нужно спрашивать только мѣстныхъ жителей (мужчинъ, а не бабъ) и то лишь, когда они *дома*. Если вы спросите прохожаго или проѣзжаго, онъ неминуемо скажетъ вамъ разстояніе отъ своего дома, хотя бы онъ отстоялъ отъ мѣста разговора верстъ на двадцать.

Затѣмъ полюбовались мы хорошенькою земскою школою, которая, впрочемъ, повидимому, не процвѣтаетъ. Прошлою зимою въ ней училось только одиннадцать мальчиковъ. Ни одного ученика видѣть намъ не привелось. Въ лавкѣ, при нашемъ постояломъ дворѣ, мы купили себѣ большой оловянный ковшъ, ибо водопитіе по библейскому способу не на всѣхъ ручьяхъ оказалось удобнымъ. Этотъ ковшъ я отдалъ на храненіе старшему Потапенку, Рувиму, хотя ребята находили, что приличнѣе засунуть его въ узелокъ Веніамина.

Выступили мы въ походъ часу въ шестомъ. Небо совершенно прояснилось, и наша дорога, извиваясь съ горки на горку, поднялась еще выше (по картамъ Киперта, около 1000 футовъ надъ поверхностію моря). Солнце, склоняясь къ западу, озаряло чудную, неоглядную даль. Мягкими волнами подымались одинъ надъ другимъ лѣсистые, отлогіе холмы, лаская взоръ зеленью всѣхъ оттѣнковъ, отъ позлащенной листвы первыхъ плановъ до голубой дымки невѣдомыхъ рощъ и пригорковъ, воздымавшихся на горизонтѣ. Въ этомъ зеленомъ океанѣ то появлялись, то вновь исчезали высокія бѣлыя церкви, украшающія берега Туда. Мы могли разомъ насчитать ихъ до десяти. Такіе виды особенно по душѣ нашему старшему живописцу-пейзажисту, влюбленному въ нашу задумчивую сѣверную природу. Онъ смотрѣлъ вдаль широко раскрытыми глазами, безпрестанно останавливался, что-то соображая, что-то обдумывая, насыщая свое воображеніе этими нѣжными линіями, этою гармоніею красокъ.

Вскорѣ дорога стала идти подъ гору, и мы вышли въ деревнѣ Петражихинѣ на большой богомольный трактъ, уже извѣстный намъ по прежнему путешествію, на такъ называемый большакъ, соединяющій Ржевско-Бѣльскую дорогу съ Ржевско-Осташковскою. Впрочемъ этотъ большакъ, болѣе натоптанный богомольцами, чѣмъ наѣзженный, имѣетъ совершенно характеръ проселочной доро-

ги. Онъ то съуживается въ скромную травянистую стежку, то, на мѣстахъ песчаныхъ, чрезмѣрно расширяется, совершенно теряя характеръ дороги. Въ первой же деревнѣ мы встрѣтили кучку Татевскихъ богомолокъ. Неутомимыя паломницы вышли изъ дому въ утро того-же дня и вскорѣ насъ перегнали.

На большакѣ характеръ почвы и растительности рѣзко измѣняется. Глина замѣняется пескомъ, березы — соснами, появляется вересъ. Это невиданное растеніе сильно заинтересовало моихъ ребятъ.—На что оно годно? Будутъ ли на немъ ягоды? Я объяснилъ имъ, что это—кропильникъ (такъ называютъ его въ Тверской губерніи, ибо изъ него вяжутъ кропилы для водосвятія), что земля изъ подъ него—самая лучшая для цвѣтущихъ кустарниковъ, которыми они зимою любовались въ Татевской оранжереѣ, и ребята успокоились и возъимѣли къ вереску уваженіе.

Солнце заходило. Послѣдніе лучи его заливали огнемъ небольшую полянку, всю заросшую смолянкою въ полномъ цвѣту. Какъ рубины, рдѣли пурпурныя метелки на темномъ фонѣ густаго сосонника. Всѣ ребята кинулись рвать заманчивые цвѣточки, и всѣ перепачкали себѣ пальцы объ ихъ липкіе стебли.

Вскорѣ показалась деревня Боровыя Нивы, мѣсто нашего ночлега. Весь переходъ составлялъ не болѣе 12 верстъ и совершился безъ всякаго утомленія. Мы попросились ночевать въ прекрасную, крытую тесомъ избу, построенную домикомъ, съ четырьмя большими окнами на улицу. Хозяина не было дома. Хозяйка, крѣпкая старуха съ суровымъ, повелительнымъ лицемъ, приняла насъ не очень привѣтливо. Ребята, послѣ поздняго обѣда, не захотѣли ужинать. Мы имъ дали по куску хлѣба и приступили къ вечерней молитвѣ въ чистой и свѣтлой горницѣ, намъ отведенной. Я стоялъ у окна. На улицѣ собрались бабы и дѣти. Немногіе крестились, всѣ слушали съ величайшимъ вниманіемъ. Во время

пѣнія лица дѣтей озарялись; но они, очевидно, не понимали, что происходитъ молитва. Въ деревнѣ—народъ сплошь безграмотный, въ томъ числѣ и сыновья нашей богатой хозяйки. Церковь и школа далеко—за двѣнадцать верстъ. Ребятамъ не то что въ школѣ, и въ церкви бывать не приводится. Кончилась молитва, и мы уложили ребятъ спать въ сараѣ на сѣнѣ. Хозяйка наша вдругъ стала привѣтлива и радушна: принялась хлопотать о самоварѣ, о нашемъ размѣщеніи на ночь. — Молиться-то мы лѣнивы, промолвила она,—да и некогда; ну вотъ, хоть вы помолились за насъ, грѣшныхъ!

Мы напились чаю, размѣстились на ночь. Я заснулъ на соломѣ сладкимъ, легкимъ сномъ, но пробуждался безпрестанно: въ свѣтлыя окна всю ночь смотрѣла розовая заря, не то утренняя, не то вечерняя...

День третій.

Мы всѣ вскочили въ пятомъ часу. Было рѣшено выступить въ походъ тотчасъ послѣ утренней молитвы и позавтракать на пути, чтобы поскорѣе добраться до Оковцевъ, гдѣ мы надѣялись найти сытный обѣдъ. Предстоялъ переходъ всего въ двѣнадцать верстъ. Утро было чудное — теплое и ясное. Тотчасъ за деревнею дорогу пересѣкаетъ рѣка Пырошня, и мостъ на ней оказался разрушеннымъ. Оставалось два жидкихъ, шаткихъ бревна, перекинутыхъ высоко надъ водою. Самые смѣлые перебѣжали, балансируя на качающихся бревнахъ, робкіе поползли на четверенькахъ, самые осторожные разулись, и побрели по колѣно въ водѣ. Я переѣхалъ вбродъ. За переправою дорога идетъ мѣстами невысокими, не удаляясь отъ рѣки. Вскорѣ она вступаетъ въ прелестный боръ, въ коемъ къ соснамъ живописно примѣшаны березы и осины. Въ немъ еще стояла ночная свѣжесть. Свѣтлыя лужицы отражали голубое небо и серебристые стволы березъ. Насъ обдало упоительнымъ запахомъ

ландышей. Вся почва была покрыта ихъ листвою, и вскорѣ, въ мѣстахъ болѣе тѣнистыхъ, мы нарвали множество еще не завядшихъ цвѣтовъ. За этимъ боромъ стоитъ одиноко постоялый дворъ Березуи, въ которомъ мы ночевали въ прежній нашъ походъ въ Нилову Пустынь. Теперь это новый, хорошенькій домикъ, но тогда тутъ стояла ветхая, тѣсная лачужка, въ коей мы едва добились кое-какого ужина. При видѣ Березуевъ, намъ припомнилось слѣдующее забавное происшествіе. Одна изъ причинъ, по которымъ, восемь лѣтъ тому назадъ, намъ тутъ съ трудомъ удалось поужинать, заключалась въ томъ, что хозяева были поглощены усмиреніемъ шальнаго быка, который бѣгалъ около двора, творя разныя безчинства. Мы легли спать въ сѣновалъ, и ревъ бѣшенаго быка долго не давалъ намъ заснуть. Наконецъ разъяренное животное въ открытыя ворота ворвалось въ нашъ сарай. Раздался отчаянный крикъ, и въ одно мгновеніе на встрѣчу непріятелю полетѣли тридцать паръ лаптей, сколько же шапокъ и цѣлое облако клочковъ сѣна. Быкъ, озадаченный такимъ неожиданнымъ отпоромъ, обратился въ бѣгство и немедленно утихъ. На другое утро мы насилу разъискали все разбросанное добро.

Въ Клешнинѣ, первой деревнѣ за Березуями, мы усѣлись на бревнушкахъ, достали свой хлѣбъ и принялись завтракать. Вскорѣ у каждаго изъ ребятъ оказалось въ рукѣ по дымящейся картофелинѣ,—приношенію сердобольной бабы. Видя это, старый дѣдъ, наблюдавшій за нами въ оконце, принялся подчивать ребятъ квасомъ, и ребята мигомъ выпили цѣлое ведро.

Въ этой деревнѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ по нашему пути, насъ поразило отсутствіе взрослыхъ мужчинъ. Въ поляхъ работаютъ бабы. На улицѣ попадаются лишь дряхлые старики и малые ребята. Гдѣ же хозяева? Ушли въ Питеръ, въ Москву, на низъ. Восемь лѣтъ тому назадъ ничего подобнаго мы не замѣчали.

Мы подвигаемся довольно медленно по сыпучему песку. Вскорѣ показывается за лѣсомъ высокая Оковецкая церковь, а за нею горы, увѣшанныя сосновыми рощами. Но до Оковцевъ еще семь верстъ, и мы добираемся туда лишь въ десятомъ часу.

Оковцы—живописное село на высокомъ берегу Пырошни, съ массивною каменною церковью, окруженною старыми соснами. Церковь эта славится двумя чудотворными иконами: Животворящаго Креста и Божіей Матери. Явленіе этихъ иконъ (въ 1538 году) произвело сильное впечатлѣніе на современниковъ. Ихъ носили въ Москву, на встрѣчу имъ выходилъ царь Иванъ Васильевичъ, и на мѣстѣ встрѣчи была сооружена церковь. Въ Москвѣ Оковецкая Божія Матерь слыветъ Ржевскою, и дала это названіе двумъ церквамъ. И понынѣ она остается весьма чтимою мѣстною святынею. Но святыни этой мы въ Оковцахъ не застали. Въ теченіе іюня ее постоянно носятъ по селамъ Ржевскаго уѣзда, причемъ она ежегодно проносится весьма близко отъ Татева. Крестный ходъ бываетъ видимъ съ балкона нашей школы, и привлекаетъ многочисленныхъ богомольцевъ изъ пограничныхъ деревень Бѣльскаго уѣзда. Обѣ иконы, по преданію, явились на соснахъ, и такъ и изображаются, на пейзажномъ фонѣ, состоящемъ изъ песковъ и сосновыхъ рощъ.

Въ Оковцахъ мы направились прямо къ извѣстному намъ постоялому двору, просторному и чистому. Но хозяевъ мы не застали дома: они работали въ полѣ. Встрѣтилъ насъ маленькій ихъ сынокъ, который никакъ не брался принять и накормить всю нашу компанію. Дѣлать было нечего. Мы разбились на пять группъ, и каждая изъ нихъ отдѣльно нашла себѣ приличное помѣщеніе и сытный обѣдъ. Я съ нѣкоторыми изъ старшихъ моихъ спутниковъ остался на постояломъ дворѣ, и пока закипалъ самоваръ, мы занялись бесѣдою съ нашимъ маленькимъ хозяиномъ. Онъ оказался весьма гра-

мотнымъ и великимъ охотникомъ читать въ церкви. Показалъ онъ намъ свои книги, нѣсколько случайно попавшихъ къ нему брошюрокъ, да Евангеліе и Псалтирь, полученныя въ подарокъ при экзаменѣ по распоряженію земства. Честь и слава нашимъ земствамъ за это дѣятельное и разумное распространеніе слова Божія.

Алеша, нашъ новый знакомый, привелъ къ намъ еще грамотнаго товарища. Мы надѣлили ихъ привезенными съ собою «Троицкими Листками» и обѣщали привезти имъ изъ Осташкова по Часослову.

Между тѣмъ вернулись хозяева и очень сожалѣли о томъ, что ихъ сынъ не рѣшился принять насъ всѣхъ на постоялый дворъ. Тотчасъ былъ приготовленъ обѣдъ, послѣ котораго Алеша взялся проводить насъ на Святой ключъ,—одну изъ достопримѣчательностей Оковецкихъ.

Ключъ этотъ находится верстахъ въ трехъ отъ села, на луговомъ берегу Пырошни, на полуостровѣ, охваченномъ рѣкою, а за нею—высокимъ берегомъ съ песчаными обрывами, увѣнчанными соснами, съ крутыми склонами, заросшими лозою и высокими травами. Въ оградѣ между березками стоитъ убогая часовенька, домикъ сторожа, и возвышается небольшая насыпь въ формѣ отлогаго усѣченнаго конуса. На этомъ возвышеніи кольцеобразный уступъ охватываетъ край круглаго глубокаго водоема, обложеннаго тесаннымъ гранитомъ. Водоемъ этотъ до самаго края наполненъ хрустальною, голубою, какъ вода швейцарскихъ озеръ, водою, кипучими водоворотами бьющею изъ песчанаго дна. Ребята тотчасъ облѣпили край водоема и принялись жадно черпать заманчивую влагу—ковшемъ, шапками, руками, и долго смотрѣли въ таинственную глубину. Какъ въ зеркалѣ, рисовались ихъ оживленныя лица на темной лазури отраженнаго неба. Одинъ зѣвака уронилъ шапку въ водоемъ. Быстро унесла ее могучая струя по жолобу, проведенному въ будочку, устроенную для облива-

ній у подножія насыпи. Съ трудомъ ухватили ее изъ водоворота, образуемаго паденіемъ этой струи.

Ключъ этотъ почтется святымъ по преданіямъ объ исцѣленіяхъ, совершившихся на этомъ мѣстѣ, и богомольцы имѣютъ обыкновеніе обливаться его студеною водою. Нѣкоторые изъ старшихъ ребятъ не преминули исполнить этотъ обрядъ.

Очень довольные Святымъ ключемъ, мы отправились вдоль Пырошни, по цвѣтущимъ лугамъ, перешли рѣку на мельницѣ и вышли на большакъ у деревни Бутырокъ, гдѣ уже ожидали насъ наши повозки.

Начался переходъ утомительный и длинный. Отъ Оковцевъ до Селижарова—двадцать пять верстъ, къ коимъ мы прибавили добрыхъ пять нашею экскурсіею на Святой ключъ. Дорога идетъ мѣстами высокими, каменистыми и безводными. Направо и налѣво рѣзко очерченныя горы, достигающія высоты 1000 футовъ. Темныя сосновыя рощи, бѣловатыя оголенія почвы, на горизонтѣ свинцовыя тучи, придавали смѣняющимся передъ нами картинамъ характеръ величавый и грустный. Еще въ Оковцахъ мы заставили всѣхъ ребятъ обуться—наканунѣ они предпочли идти босикомъ по свѣжей травкѣ и мягкой дорогѣ, — а сегодня на каждомъ шагу попадались острые камни. Около деревни Горы живописцы наши прельстились вѣковою, причудливо развѣтвленною сосною и засѣли ее рисовать. Приблизительно на полпути, въ глубокой, безводной долинѣ, мы сдѣлали привалъ, чтобы дождаться рисовальщиковъ и подкормить ребятъ хлѣбомъ и баранками. Все ближе надвигались темныя тучи, и до нашего слуха явственно стали долетать отдаленные раскаты грома. Но вотъ пришли рисовальщики, пришли и оставшіеся на Святомъ ключѣ купальщики, и мы вновь, при палящемъ солнцѣ, подымаемся въ гору. Вдругъ, на защищенномъ уступѣ насъ обдаетъ душистою свѣжестью. Мы пересѣкаемъ полосу богатой лѣсной почвы, еще не выпаханной послѣ ис-

требленія лѣса. Между густымъ кустарникомъ—цвѣтущія лужайки, усѣянныя душистыми орхидеями; роскошные кусты шиповника въ полномъ цвѣту; громадныя шапки, то блѣдно-лиловыя, то чисто-бѣлыя, сладостно пахучаго василисника. Ребята встрепенулись и кинулись рвать огромные букеты, убирать свои шапки цвѣтами...

Дорога продолжаетъ идти въ гору. Опять песокъ и камень, и дальніе виды, величавые и строгіе. Туча проносится мимо. Впереди насъ дразнятъ высокія колокольни, окруженныя обширными селами.—Не это ли Селижарово? А это?—Встрѣчныя бабы даютъ о разстояніяхъ сбивчивыя, несообразныя показанія. Солнце склоняется къ западу, и съ сѣвера потянулъ холодный вѣтерокъ. Мы проходимъ еще нѣсколько деревень, небольшой лѣсокъ. Вдругъ открывается передъ нами долина Волги и уже недалекое Селижарово. Нѣкоторые изъ старшихъ убѣжали впередъ, чтобы приготовить намъ ночлегъ, и мы на пути опять находимъ вѣсточки о нихъ. Доходимъ до Селижарова уже въ девять часовъ.

Селижарово—небольшой посадъ, выросшій около древняго, живописнаго монастыря, стоящаго на мысу, образуемомъ сліяніемъ Селижаровки съ Волгою. Старыя липы окружаютъ ограду тамъ, гдѣ она не подступаетъ къ самому берегу рѣки. Мы переѣзжаемъ Волгу на паромѣ, и тотчасъ намъ бросаются въ глаза Святыя ворота обители, прелестный памятникъ архитектуры XVI-го или XVII-го вѣка. Передъ воротами шатеръ на четырехъ массивныхъ кувшинообразныхъ столбахъ. Каждый изъ этихъ столбовъ окруженъ тоненькими, красиво расчлененными столбиками, соединяющими углы базиса съ углами капители. Еще недавно, какъ видно изъ описанія, своды шатра и тимпанъ надъ воротами красовались древнею живописью; но теперь все немилосердно закрашено. Мы съ живописцами заглядываемъ въ ограду — и сердце наше радуется. Величавый соборъ, съ шатромъ надъ входомъ, подобнымъ Святымъ воротамъ; старыя массивныя пост-

ройки, выглядывающія изъ-за темной зелени, и на стражѣ надъ всѣмъ—высокая колокольня; и глубокая тишина, и задумчивое бдѣніе отрѣшеннаго отъ времени пріюта... Но рисовать уже поздно, и пора на покой.

Намъ приготовили ночлегъ въ просторномъ постояломъ дворѣ, уже извѣстномъ намъ по прежнему путешествію. Тутъ, восемь лѣтъ тому назадъ, бѣдствовали мы отъ недоумѣній полиціи. Урядникъ не рѣшался отпустить насъ съ миромъ, а становой страдалъ флюсомъ, и добиться у него аудіенціи стоило долгихъ и настойчивыхъ усилій. Приняли насъ радушно, накормили ребятъ хорошо. Во время вечернихъ молитвъ подъ нашими окнами собралось много народа: всѣ усердно молились вмѣстѣ съ нами. Улеглись мы довольно поздно и уснули мертвымъ сномъ.

День четвертый.

Прежде всѣхъ вскочили Николя и я. Николя побѣжалъ рисовать Святыя ворота; я изъ окна нашего постоялаго двора набросалъ видъ монастыря. Остальное отложилъ до возвратнаго пути. Утренняя молитва, завтракъ, чай, протянулись до семи часовъ. Въ половинѣ осьмаго мы выступили въ походъ. Утро было сѣренькое, свѣжее. Идти было легко и весело.

Отъ Селижарова до Осташкова идетъ настоящій большакъ, съ верстовыми столбами, сопровождаемый телеграфною проволокою. Мѣряныя версты оказались несравненно короче немѣряныхъ. Отъ Селижарова до Зехнова 21 верста, и мы прошли ихъ въ пять часовъ. Песчаная дорога, смоченная недавнимъ дождемъ, шла большею частію сосновымъ, невысокимъ лѣсомъ и отчасти, въ мѣстахъ болѣе низкихъ, красивыми березовыми рощами. Тутъ въ изобиліи водятся змѣи, и въ прежнее наше путешествіе ребята вдоволь насмотрѣлись на этихъ невиданныхъ у насъ чудовищъ. Но на этотъ

разъ, по причинѣ свѣжей и пасмурной погоды, мы не видали ни одной. За то мы любовались характерною боровою растительностію. Почва мѣстами была сплошь покрыта желтыми цвѣтами очитка (Sedum acre) и пурпурными кистями особенно крупноцвѣтной разновидности тиміана. Все чаще и чаще встрѣчали и перегоняли мы большія и малыя партіи богомольцевъ. Завязывались разговоры, оказывались общіе знакомые, другія связующія нити... На полпути, въ деревнѣ Сорокинѣ, мы сдѣлали привалъ, поѣли хлѣбца, и насъ напоили отличнымъ квасомъ. Стало проглядывать солнце. Но вскорѣ набѣжали новыя тучи, и пошелъ дождь. Впрочемъ, онъ не успѣлъ промочить насъ: мы уже подходили къ Зехнову.

Зехново—небольшая деревушка, вся состоящая изъ большихъ двухъ- и трехъэтажныхъ домовъ, приспособленныхъ къ пріему богомольцевъ. Вообще, начиная съ Селижарова, мы вступили въ область составляющую достояніе преподобнаго Нила. Тутъ онъ уже не «Угодникъ», а «нашъ батюшка» или просто «онъ». Тутъ о немъ говорятъ, какъ о живомъ человѣкѣ, дорогомъ и близкомъ. Его молитвами живетъ весь край, его заступничествомъ спасается отъ бѣдъ. Онъ распоряжается теплomъ и холодомъ, дождями и росами. Ему лично принадлежатъ монастырскія имѣнія. Его мельница красуется на рѣкѣ Сиговкѣ, его коровки пасутся на его лугахъ, его сѣно убирается усердными богомольцами, съ радостію соглашающимися покосить денекъ-другой для «нашего батюшки», который за то сытно ихъ кормитъ. Самыя воды Селигера, съ ихъ рыбными ловлями, принадлежатъ ему. Онъ кормитъ своею рыбою прибрежныхъ крестьянъ, коимъ хлѣбопашествомъ не прокормиться. На основаніи этого взгляда, монастырь ведетъ съ городомъ Осташковымъ безконечную тяжбу о Селигерскихъ рыбныхъ ловляхъ. Да, для всѣхъ жителей этого края, и для безчисленныхъ богомольцевъ, посѣщающихъ Пустынь, Угод-

никъ живъ до сихъ поръ,—живъ не отвлеченнымъ, книжнымъ безсмертіемъ, но полною, кровною жизнію.

Вотъ—въ то самое время, какъ бѣдный отшельникъ, среди пустынныхъ водъ Селигера, въ молитвѣ и лишеніяхъ проходилъ страшный искусъ одиночества—на престолѣ Московскомъ сидѣлъ грозный царь Иванъ Васильевичъ, дарилъ Россіи Казань и Астраханъ, Рязань и Сибирь, лилъ потоки крови, строилъ сказочные дворцы и невиданные храмы и изумлялъ міръ необузданностію своего разврата и блескомъ своего духовнаго краснорѣчія. И что же? Умеръ царь Иванъ Васильевичъ, совсѣмъ умеръ. Тщетно историки и поэты, живописцы и ваятели стараются воскресить передъ нами, облечь въ плоть и кровь его могучій, таинственный образъ. Онъ умеръ. Въ его дивную усыпальницу въ Архангельскомъ соборѣ разсѣянно заглядываютъ образованные иностранцы, да любознательные провинціалы. Самъ онъ обратился въ сюжетъ для оперныхъ либретто, въ манекенъ для сенсаціонныхъ картинъ... А бѣдный монахъ продолжаетъ жить неугасающею жизнію, и милліоны темнаго люда, никогда не слыхавшаго о грозномъ царѣ, хранятъ въ своихъ сердцахъ его свѣтлую, чистую память.

Чѣмъ объяснить эту неугасающую живучесть, это осязаемое безсмертіе человѣка, жившаго исключительно жизнію внутренней? Блѣдны и скудны сказанія, сохранившіяся о его житіи въ Прологѣ и Минеяхъ. Сверхъ общихъ чертъ строгаго отшельническаго подвижничества, едва обозначаются черты индивидуальныя: тонкое чутье нравственной чистоты, свойственное высокимъ натурамъ любовь къ нетронутой рукою человѣческой задумчивой природѣ нашего бѣднаго Сѣвера — и только. Не тутъ нужно искать его біографіи, а въ простыхъ рѣчахъ темныхъ жителей Селигерскаго края, въ любви, съ коею произносится его имя, въ гостепріимной обители, царящей надъ водами причудливаго озера, и уже три вѣка дающей душамъ милліоновъ то, что имъ на потребу—

молитвенный отдыхъ отъ суеты житейской, временное отрѣшеніе отъ праха земнаго...

Мы вышли изъ Зехнова въ четыре часа. Послѣ дождя насталъ рѣзкій холодъ, съ сѣвера подулъ намъ на встрѣчу упорный вѣтеръ. По небу расползлись тяжелыя, осеннія тучи. Дорога шла между сосонникомъ, сыпучими песками. Направо, въ просвѣтахъ между лѣсомъ, стала мелькать свинцовая полоса,—одинъ изъ безчисленныхъ рукавовъ Селигера. Въ семи верстахъ отъ Зехнова мы присѣли на нѣсколько минутъ, и я набросалъ очеркъ высокой церкви села Котицъ, лежащаго въ четверти версты отъ дороги. Еще пять верстъ утомительной ходьбы по песку. Все ближе и ближе, направо отъ дороги, мелькаютъ между лѣсомъ воды Селигера, а надъ лѣсомъ показывается высокая бѣлая церковь села Рагозье. Тутъ нѣкогда былъ монастырь, изъ коего на островъ Селигера, по кончинѣ Угодника, переселились первые монахи. Вотъ и монументальная монастырская мельница на гранитномъ фундаментѣ, получившая свое имя отъ быстрой рѣчки Сиговки. За нею луга и пашни, и береженный монастырскій лѣсъ. Подъ его защитою мы на нѣсколько минутъ отдыхаемъ отъ захватывающаго дыханіе вѣтра. Дорога, съ уступа на уступъ, поднимается на высокую гору. Отсюда при хорошемъ освѣщеніи прелестный видъ: весь Осташковъ, за нимъ—извилистое озеро, и надъ однимъ изъ лѣсистыхъ мысовъ, врѣзающихся въ его воды—бѣлокаменныя громады Ниловой Пустыни. Сегодня же все тускло и сѣро и рисуется темнымъ силуэтомъ на холодной полосѣ блѣдно-желтаго заката, на отраженіи ея въ рябомъ зеркалѣ Селигера. Но до города еще восемь верстъ утомительной песчаной дороги. Ребята притихли и съ трудомъ плетутся за мною. Становится темно, и вѣтеръ все усиливается. Въ верстѣ отъ города насъ встрѣчаютъ высланные впередъ гонцы, чтобы привести насъ на мѣсто нашего ночлега. Какъ длинна эта послѣдняя

верста! Но вотъ, наконецъ, городъ. Мы бредемъ по пустыннымъ, немощеннымъ улицамъ, расположеннымъ правильнымъ рѣшетомъ. Вдругъ ребята останавливаются въ изумленіи. Мы вышли на самый берегъ озера. Другаго берега въ темнотѣ не видно. Тускло озаренныя вечернею зарею, катятся намъ на встрѣчу тяжелыя волны, и съ грохотомъ и пѣною разбиваются у подножія Вознесенскаго монастыря. Но пора на ночлегъ. Уже одиннадцатый часъ. Еще нѣсколько поворотовъ, и передъ нами знакомый постоялый дворъ, просторный и чистый, съ знакомыми олеандрами и геранями на окнахъ, и радушная хозяйка, и готовый, обильный ужинъ. Ребята наѣдаются досыта, но падаютъ отъ усталости. Мы укладываемъ ихъ спать послѣ сокращенной до крайности молитвы, и сами удобно размѣщаемся, напившись чаю съ отличными осташковскими баранками.

День пятый.

Мы рѣшили отдохнуть основательно въ Осташковѣ и поэтому ребятъ не будили. Пароходъ изъ Осташкова въ Нилову Пустынь ходитъ два раза въ день: къ поздней обѣднѣ и къ вечернѣ. Переѣздъ въ Нилову Пустынь отложили до втораго рейса.

Не спѣша встали ребята, принарядились и совершили утреннюю молитву, не спѣша напились чаю. Погода стояла все такая же вѣтряная и холодная, но небо заволокло сѣрою пеленою низкихъ тучъ. Напившись чаю, мы отправились взглянуть на городъ и озеро. Городъ — чистенькій и веселый, съ высокими церквами и хорошенькими домами, съ бульваромъ и общественнымъ садомъ. Дорогой мы узнали, что въ Осташковъ прибыли Гатевскія богомолки, двѣ молодыя дѣвушки, подъ защитою почтенной старушки, сестры нашего священника. Нашъ походъ усилилъ въ нихъ давнишее желаніе посѣтить Пустынь, и онѣ, два дня послѣ насъ, выѣхали изъ

Татева. Мы посѣтили ихъ въ монастырскомъ подворьѣ, и онѣ съ восторгомъ разсказывали намъ о пѣніи въ Вознесенскомъ (женскомъ) монастырѣ, о порядкѣ и трудолюбіи, царящихъ въ этой обители. Затѣмъ мы пошли на пароходную пристань. Озеро все еще бушевало, взволнованное сѣвернымъ вѣтромъ; по сизой его поверхности бѣгали бѣлые барашки. Лѣсистый мысъ скрываетъ отъ взоровъ недалекую Нилову Пустынь. Но почти въ самомъ городѣ, налѣво отъ пристани, красуется Житный (мужской) монастырь, потонувшій въ разнообразной зелени вѣковыхъ сосенъ и лиственныхъ насажденій, со всѣхъ сторонъ охваченный водами Селигера. Несмотря на несносный вѣтеръ, дувшій съ озера, мы не утерпѣли и отправились туда.

Житный монастырь расположенъ на небольшомъ островѣ, соединенномъ съ берегомъ широкою насыпью, усаженною четырьмя рядами березъ. Эта аллея, перекинутая черезъ рукавъ озера, прелестна. Еще привлекательнѣе самый островъ. Великолѣпныя, громадныя сосны, какъ лѣсъ надъ лѣсомъ, воздымаются надъ еще молодыми, но уже роскошными липами, дубами и кленами. Между ними вьются широкія дорожки, разстилаются зеленыя лужайки. Среди одной изъ нихъ гранитный обелискъ подробною надписью знакомитъ гуляющихъ съ исторіею монастыря и окружающаго его парка. Со всѣхъ сторонъ открываются виды на городъ, на широкое озеро, на близкіе и далекіе его берега. Ни Петербургъ, ни Москва, не обладаютъ столь прелестнымъ мѣстомъ гулянія. Все это тѣмъ пріятнѣе поразило насъ, что было для насъ совершенною неожиданностію. Къ тому же, въ то самое время, какъ мы ступили на островъ, вдругъ утихъ на короткое время рѣзкій сѣверный вѣтеръ, проглянуло солнце и стало почти тепло.

У самаго входа на островъ, надъ густою зеленью, возвышаются живописныя монастырскія зданія. Монастырь не изъ древнихъ: онъ основанъ въ началѣ прош-

лаго столѣтія. Тѣмъ не менѣе, главная его церковь носитъ на себѣ отпечатокъ вѣка семнадцатаго. Нѣкоторыя детали ея, наличники, столбики, даже воспроизводятъ формы шестнадцатаго вѣка и своею грубоватою, наивною техникою придаютъ этой постройкѣ ту жизненность, которой лишены аккуратно выглаженные, шаблонные орнаменты позднѣйшаго времени. Вообще, въ глухихъ уголкахъ Россіи, въ теченіе прошлаго вѣка еще жили преданія русскаго зодчества и долго боролись съ наплывомъ западнаго рококо, иногда вступая съ нимъ въ удачныя, живописныя сочетанія. Окончательно обезличилась наша церковная архитектура лишь вторженіемъ въ нее мертвенно-холоднаго стиля временъ революціи и первой французской имперіи.

Нехотя покинули мы очаровательный уголокъ, открытый нами, оставивъ за собою нашихъ живописцевъ, которые засѣли рисовать чудныя монастырскія сосны.

На возвратномъ пути, я, взявъ съ собою Корнея, отдѣлился отъ ребятъ, чтобы отыскать книжную лавку. Она нашлась въ глухой улицѣ и оказалась крошечною лавченкою, вмѣщающею и переплетную мастерскую, и библіотеку для чтенія, и продажу книгъ и письменныхъ принадлежностей. Никакого описанія Осташкова, Ниловой Пустыни, Селижаровскаго монастыря въ продажѣ не оказалось. За то нашлись часословы, обѣщанные мною нашимъ маленькимъ Оковецкимъ друзьямъ,—правда, по 80-ти к. за экземпляръ (цѣна въ синодальныхъ лавкахъ—55 к.). Я засадилъ Корнея переписать изъ лексикона Плюшара кое-какія свѣдѣнія объ Осташковѣ и отправился къ ребятамъ. Несчастный Корней, переписавши, что слѣдуетъ, заблудился, и лишь черезъ два часа добрался до нашего постоялаго двора, до коего отъ книжной лавки—два шага.

Послѣ сытнаго обѣда и краткаго отдыха мы собрались въ путь. Съ пристани я набросалъ видъ Житнаго монастыря, и вскорѣ насъ впустили на пароходъ, хо-

рошенькій и уютный, носящій имя Угодника. Въ распоряженіе ребятъ была отдана монахомъ-капитаномъ каюта втораго класса. Но они тамъ не усидѣли, и, несмотря на холодный вѣтеръ, все время переѣзда простояли на палубѣ. Все это было такъ ново и чудно! И таинственная машина, двигавшая пароходъ, и клубы пара, и свистки, и обширное озеро, и быстро удалявшійся отъ насъ Осташковъ съ своими высокими колокольнями и зеленымъ мысомъ Житнаго острова, и легкая качка, производимая противнымъ вѣтромъ. Передъ нами съ лѣваго берега озера выдвигался широкій мысъ, заросшій сосновымъ лѣсомъ. Вотъ пароходъ сталъ огибать этотъ мысъ, и вдругъ изъ-за темнаго бора величаво выплыла, уже близкая, бѣлокаменная масса церквей и башенъ, высокихъ палатъ и густой зелени, увѣнчанная шпилемъ многоярусной колокольни. Нилова Пустынь!... Всѣ разговоры замолкли, всѣ головы обнажились, всѣ взоры обратились на плывущую намъ навстрѣчу святыню. Все ближе и ближе завѣтный островъ. Пароходъ замедлилъ ходъ, и, разгоняя своимъ свистомъ множество лодокъ и лодочекъ, снующихъ по всѣмъ направленіямъ, плавно подбѣжалъ къ пристани.

Въ длинной крытой галлереѣ пристани десятскіе пересчитали ввѣренныхъ имъ ребятъ и всѣ мы двинулись въ гору. Подъемъ, извиваясь между громадными монастырскими постройками и вѣковыми деревьями, привелъ насъ на обширный дворъ, въ коемъ помѣщается монастырская чайная. Мы вошли въ нее. Немногіе богомольцы, сидѣвшіе въ длинной залѣ за чайными столиками, тотчасъ перешли въ первую, менѣе обширную комнату, и мигомъ были заняты нами всѣ мѣста въ большой залѣ. Въ первый разъ во время нашего путешествія сѣли мы за столъ всѣ вмѣстѣ и заразъ. Началось чаепитіе съ мягкимъ бѣлымъ хлѣбомъ, купленнымъ въ монастырской лавкѣ. Въ дверяхъ собралась вскорѣ цѣлая толпа любопытныхъ, съ удивленіемъ глядѣвшихъ

на маленькихъ богомольцевъ, прибывшихъ въ Пустынь. Разспросамъ и восклицаніямъ не было конца. Едва успѣли мы напиться чаю, какъ раздался густой, тихій ударъ большаго колокола. Всѣ мы черезъ Святыя ворота направились къ собору. Наружность его не отличается красотою: это—холодная постройка Александровскихъ временъ. Но внутренность величественна и богата. Массивные столбы, съ широкими пролетами между ними, отдѣляютъ главный храмъ отъ боковыхъ придѣловъ. Главный иконостасъ, въ стилѣ рококо, весь позолоченный, въ высшей степени эффектенъ. Надъ царскими дверьми громадныхъ размѣровъ, изъ чистаго серебра, помѣщено серебряное же изображеніе Св. Духа, въ сіяніи коего лучи, отражая падающій изъ купола свѣтъ, дѣйствительно сіяютъ мягкимъ и чистымъ блескомъ благороднаго металла. Огромныя рѣзныя, позолоченныя изображенія ангеловъ поддерживаютъ мѣстныя иконы хорошаго письма въ итальянскомъ стилѣ. Въ послѣднемъ пролетѣ направо, на солеѣ главнаго храма, подъ пышнымъ балдахиномъ стоитъ богатая рака съ мощами Угодника.

Мы приложились къ мощамъ, и монахи заботливо провели нашихъ ребятъ впередъ, такъ что всѣ очутились на ступеняхъ солеи. Была суббота. Началась всенощная, торжественная и длинная, съ прекраснымъ пѣніемъ смѣшаннаго хора на правомъ клиросѣ, съ болѣе слабымъ (на мужскихъ голосахъ)—на лѣвомъ. Длилась она отъ шести часовъ до половины одиннадцатаго, и никто изъ насъ не ощутилъ ни малѣйшаго утомленія, ибо въ церковныхъ службахъ утомительна не ихъ продолжительность, а торопливое чтеніе и невнятное пѣніе, вызывающее постоянное, и часто тщетное, напряженіе вниманія и слуха. Выслушиваются же съ начала до конца оперы Мейербера и Вагнера, сравнительно съ нашею воскресною всенощною столь бѣдныя поэтическими и музыкальными красотами, и это только потому, что

исполненіе, уничтожающее эти красоты, въ оперѣ не было бы терпимо. Конечно, тутъ присоединяется то прискорбное обстоятельство, что напыщенный нѣмецкій языкъ Вагнера и жаргонъ итальянскихъ либретто для большинства посѣтителей оперы понятнѣе языка церковно-славянскаго. Тѣмъ не менѣе, языкъ этотъ даже для самыхъ *образованныхъ* изъ насъ, не есть же языкъ иностранный, и то что на этомъ языкѣ читается и поется на нашихъ церковныхъ службахъ, выражаетъ не сенсаціи какого-нибудь Рауля и Валентины, изобрѣтенныхъ г. Скрибомъ,—не геройство какого-нибудь Зигфрида, для самаго Вагнера служащаго лишь предлогомъ къ треску мѣдныхъ инструментовъ, а то, что происходитъ въ глубочайшихъ тайникахъ нашей собственной души, въ часы смертельной ея скорби, въ минуты высшаго ея просвѣтленія.

Мы вышли изъ церкви. Нашихъ ребятъ ожидалъ въ обширной чайной накрытый столъ и прекрасный ужинъ. Еще лучше накормили учителей. Всѣмъ намъ былъ отведенъ обширный, просторный ночлегъ въ томъ же зданіи, въ коемъ помѣщается чайная. На мою долю досталась прекрасная, свѣтлая, угловая комната, съ чудными видами на озеро, на монастырскіе сады и церкви. Я помѣстилъ къ себѣ обоихъ живописцевъ, чтобы эти виды были у нихъ подъ руками, и мы сладко уснули въ прозрачныхъ сумеркахъ свѣжей сѣверной ночи.

День шестой.

Ребята всѣ вскочили въ четвертомъ часу и побѣжали къ ранней обѣднѣ; я же остался дома, чтобы писать письма. Тѣмъ не менѣе, къ концу обѣдни я поспѣлъ, и, когда она отошла, мы отслужили молебенъ у мощей Преподобнаго. Церковь была полна молящихся. Когда мы изъ нея вышли, свѣтило яркое солце, и, хотя продолжалъ дуть сѣверный вѣтеръ, въ затишьи между монастырскими зданіями было тепло. Мы вернулись въ го-

стинницу, и началось чаепитіе. Не успѣло оно кончиться, какъ подъ окнами раздались радостные клики. По площадкѣ передъ чайною разгуливалъ монастырскій павлинъ, и всѣ ребята высыпали на дворъ—любоваться этимъ невиданнымъ зрѣлищемъ. Тщеславная птица, очевидно понимая, что всѣ заняты ею, то распускала свой пышный хвостъ, величаво поворачиваясь во всѣ стороны то бережно складывала его; то подбѣгала къ дѣтямъ, притворяясь, что хочетъ ихъ клюнуть, то быстро убѣгала и снова распускала на солнцѣ свои радужныя перья. Наконецъ, ребята оцѣпили павлина широкимъ кругомъ и принялись кормить его бѣлымъ хлѣбомъ. Новая радость! Павлинъ близко подходилъ къ каждому, заглядывалъ въ глаза, бралъ хлѣбъ изъ рукъ; можно было разсмотрѣть всѣ переливы на его сверкающей шейкѣ, всѣ перышки въ его изящномъ хохолкѣ...

Мои рисовальщики и я воспользовались промежуткомъ между раннею и позднею обѣднею, чтобы набросать нѣсколько видовъ монастыря. Яркое солнце играло на неутихшей поверхности озера; со всѣхъ сторонъ неслись къ острову разнообразныя лодки и лодочки, наполненныя богомольцами; изъ-за лѣсистаго мыса выбѣжалъ пароходъ, съ громкимъ свистомъ разгоняя снующую по озеру мелюзгу, замедлилъ ходъ, скользнулъ въ пристань и выпустилъ на берегъ цѣлую толпу богомольцевъ. Тотчасъ затѣмъ раздался густой ударъ большаго колокола. Мы всѣ отправились въ соборъ.

Въ соборѣ ребята мои были уже какъ дома. Поощряемые монахами, они прямо заняли первыя мѣста, на широкихъ ступеняхъ громадной солеи. Мнѣ дали мѣсто на лѣвомъ клиросѣ, и у моихъ ногъ посадили на коврикѣ моего милаго горбунка Тимошу, слишкомъ слабаго, чтобы выстоять всѣ службы. Я могъ видѣть его взоръ, устремленный кверху, съ тѣмъ выраженіемъ, которое удалось понять и уловить одному Рафаэлю, въ лицахъ двухъ ангеловъ Сикстинской Мадонны.

Началась поздняя обѣдня, торжественная и пышная, при блескѣ солнца, при пѣніи двухъ многоголосныхъ хоровъ. На правомъ клиросѣ пѣлъ смѣшанный хоръ и исполнилъ весьма искусно рядъ весьма сложныхъ и щеголеватыхъ пѣснопѣній неизвѣстныхъ мнѣ авторовъ, въ стилѣ Галуппи. На лѣвомъ клиросѣ пѣлъ хоръ изъ мужскихъ голосовъ.

Увы! За истекшія двѣнадцать лѣтъ характеръ пѣнія въ Ниловой Пустыни значительно измѣнился, и измѣнился не къ лучшему. Смѣшанный хоръ (съ участіемъ мальчиковъ пѣвчихъ) выигралъ въ техникѣ, но выборъ исполняемыхъ имъ пѣснопѣній сталъ крайне плохъ, чуждъ характера не только монастырскаго, но и вообще церковнаго. Еще прискорбнѣе паденіе традиціоннаго пѣнія на мужскихъ голосахъ, коимъ доселѣ славилась Нилова Пустынь. Пѣніе это составляетъ драгоцѣнное достояніе нашихъ древнихъ монастырей и только въ нихъ можетъ быть поддержано на должной высотѣ. Красота этого пѣнія коренится въ столь полномъ усвоеніи напѣвовъ осьми церковныхъ гласовъ и напѣвовъ самогласныхъ, какое возможно только монаху, обязанному всю жизнь пѣть въ церкви ежедневно. Пѣніе это положено на ноты быть не можетъ, ибо тексты пѣснопѣній ежедневно мѣняются, обусловливая безпрестанныя варіяціи въ ритмѣ, приглашая къ варіяціямъ и въ самой мелодіи и ея гармонизаціи. Такимъ образомъ въ пѣніе, напримѣръ, стихиръ на «Господи воззвахъ», сѣдальныхъ и т. п. постоянно входитъ элементъ безсознательной импровизаціи, безъ коей пѣніе не можетъ достичь полной силы и жизненности. Тутъ смысломъ текста, его просодіею подсказываются акценты, опредѣляется умѣстность украшеній, которыя позволяетъ себѣ тотъ или другой голосъ. Понятно, что такая свобода отдѣльныхъ голосовъ при пѣніи многоголосномъ возможна только въ хорѣ, твердо дисциплинированномъ незыблемымъ преданіемъ, спѣвшемся, такъ сказать, воедино, проникнутомъ

единымъ пониманіемъ нашихъ церковныхъ напѣвовъ, чреватыхъ столь безконечнымъ рядомъ законныхъ и выразительныхъ варіацій.

Восемь лѣтъ тому назадъ, мы попали въ Нилову Пустынь наканунѣ дня Апостола Іуды. Стихиры на «Господи воззвахъ» были пропѣты съ такою силою, съ такою чеканкою каждаго слова, каждаго звука, что текстъ ихъ остался у меня въ памяти до сихъ поръ. Краткія колѣна, на слова: «Іуда чудный!»—«Яко молнія», при каждомъ повтореніи, конечно безсознательно, пѣлись съ легкими видоизмѣненіями, эффекта потрясающаго по своей умѣстности и простотѣ.

Нынѣ въ Ниловой Пустыни всего около двадцати монашествующихъ. Изъ нихъ на клиросѣ поетъ человѣка три, четыре. Остальные пѣвцы — люди посторонніе, такъ или иначе связанные съ монастыремъ, и между ними есть голоса прекрасные. Но въ хорѣ нѣтъ той цѣльности, той спокойной увѣренности, которая даетъ возможность совершенно свободнаго пѣнія. Нѣтъ болѣе той отчетливости въ произношеніи текстовъ, того сліянія пѣнія съ ихъ смысломъ. На торжественныхъ всенощныхъ къ мужскимъ голосамъ присоединены дѣтскіе, что возвышаетъ красоту звуковъ, но еще болѣе затемняетъ ихъ смыслъ, ибо этого смысла дѣти вполнѣ понять не могутъ.

Тотчасъ послѣ обѣдни насъ накормили обѣдомъ, а промежуткомъ между обѣдомъ и вечернею мы воспользовались для прогулки на берегъ озера. Берегъ этотъ съ сѣверо-востока вдается въ озеро длиннымъ мысомъ, направленнымъ къ острову Столобному, и конецъ этого мыса образуетъ живописный полуостровъ, заросшій старыми соснами, между коими возвышается приписанная къ монастырю церковь Михаила Архангела. Полуостровъ этотъ называется Свѣтицею и такъ близко подходитъ къ сѣверо-восточному углу острова, что сообщается съ нимъ посредствомъ парома. Самая Свѣтица представля-

етъ высокій сухой горбыль, съ коего открывается великолѣпный видъ на озеро и на монастырь. Долго любовались мы этимъ видомъ, сидя на склонѣ горбыля, защищенные отъ вѣтра густымъ сосновымъ боромъ. По озеру, по всѣмъ направленіямъ, сновали безчисленныя лодки, и нѣкоторые изъ старшихъ моихъ спутниковъ, въ томъ числѣ живописцы, наняли одну изъ нихъ, чтобы посѣтить расположенную верстахъ въ четырехъ часовню съ чудотворною иконою Троеручицы. Я же съ остальными ребятами обошелъ весь полуостровъ по высокому краю сосновой рощи. Роща эта прекрасна; сосны то сдвигаются въ густыя массы, то, разступаясь, оставляютъ между собою обширныя полянки, на коихъ стоятъ отдѣльными экземплярами старыя рябины рѣдкой красоты, съ прямымъ толстымъ стволомъ и роскошною правильною кроною. Низкая мурава этихъ полянъ вся испещрена золотыми цвѣтками очитка и пурпурными кистями тиміана. Вернулись мы въ монастырь задолго до вечера, и успѣли еще побесѣдовать съ о. Евлампіемъ, старымъ монахомъ, знакомымъ намъ по прежнему путешествію, осмотрѣть монастырскій садъ и посѣтить пещеру, вырытую, по преданію, самимъ Преподобнымъ. Къ вечернѣ вернулись наши товарищи съ набросками посѣщенной ими часовни. Небо опять покрылось тучами, сталъ накрапывать дождь.

Началась вечерня. Въ соборѣ царствовалъ мягкій полумракъ, и онъ казался еще обширнѣе, еще величественнѣе, чѣмъ при солнечномъ свѣтѣ. Причудливая рѣзьба иконостаса утратила свои рѣзкія очертанія. Одно сіяніе надъ царскими вратами продолжало отражать серебристымъ блескомъ задумчивый свѣтъ, падавшій изъ купола, да сверкала позолота отъ множества свѣчей, зажженныхъ у раки Преподобнаго. Пѣніе шло на однихъ мужскихъ голосахъ, не столь величественно и стройно, какъ восемь лѣтъ тому назадъ. Тѣмъ не менѣе, впечатленіе службы, неспѣшной и осмысленной, было благо-

творно и сильно. Тихо и стройно, съ невольнымъ пониженіемъ голосовъ подъ ладъ густѣющимъ сумеркамъ, развертывались длинныя моленія повечерія и акаѳиста. Великолѣпный конецъ вечернихъ монастырскихъ службъ,— поклонъ настоятеля братіи съ моленіемъ о прощеніи, былъ, какъ всегда, величественъ и трогателенъ. Торжественно и призывно прозвучали послѣднія слова величанія, обращеннаго къ мощамъ Преподобнаго: «Наставниче монаховъ и собесѣдниче ангеловъ!»

Мы вышли изъ церкви. Сѣрая пелена дождевыхъ тучъ вдругъ разодралась на сѣверо западѣ, надъ уже закатившимся солнцемъ. Мы съ живописцами поспѣшили выбѣжать на сѣверную набережную острова. Нѣжно-пурпурное сіяніе озаряло небосклонъ, окаймляло нижніе края густо нависшихъ тучъ. Озеро волновалось, и его свинцовая зыбь вся была испещрена алыми блестками. Но дулъ свирѣпый холодный вѣтеръ. Я поспѣшилъ въ гостинницу, но уже успѣлъ простудиться.

Насъ ожидалъ роскошный ужинъ. Прислали намъ даже монастырскаго пива, коего мы отвѣдали, ибо наше общество трезвости допускаетъ вкушеніе пива домашняго приготовленія.

День седьмой.

Ночью меня сильно знобило, и поэтому ребята пошли къ утренѣ безъ меня, а я попалъ только къ ранней обѣднѣ. Было рѣшено тотчасъ послѣ нея отправиться въ Осташковъ, чтобы поспѣть къ поздней обѣднѣ въ Вознесенскомъ монастырѣ, а затѣмъ двинуться въ обратный путь. Монахи предложили намъ послѣ обѣдни отслужить для насъ безвозмездно молебенъ о путешествующихъ у мощей Преподобнаго, и молебенъ былъ отслуженъ торжественно, послѣ чего каждаго изъ насъ благословили кипарисными крестикомъ.

Едва успѣли мы собрать свои пожитки и сѣсть на

пароходъ. Погода стояла все та же, вѣтряная и холодная, и я почти все время переѣзда просидѣлъ въ каютѣ, бесѣдуя съ однимъ изъ монаховъ Пустыни, ѣхавшимъ съ нами. Онъ сообщилъ мнѣ любопытныя свѣдѣнія о количествѣ богомольцевъ, посѣщающихъ Нилову Пустынь. Количество это цѣнится различно и въ точности опредѣлено быть не можетъ, ибо ведется счетъ лишь богомольцамъ, ночующимъ въ Пустыни, количество же богомольцевъ, по вечерамъ уѣзжающихъ ночевать на берегъ, ускользаетъ отъ всякаго контроля. Количество это весьма значительно, ибо во времена сильнаго наплыва богомольцевъ монастырскія зданія, не смотря на ихъ обширность, и десятой ихъ доли вмѣстить не могутъ. Собесѣдникъ мой считалъ количество богомольцевъ, посѣщающихъ Пустынь въ день обрѣтенія мощей Преподобнаго, тысячъ въ 15, количество богомольцевъ, посѣщающихъ ее въ теченіе Великаго поста, тысячъ въ 30; за весь годъ тысячъ въ 100. Ко дню обрѣтенія ежегодно печется 5000 хлѣбовъ (по 20 фунтовъ) и на печеніе фросфоръ расходуется 25 мѣшковъ муки (по 5 пудовъ). Цифра моего собесѣдника не показалась мнѣ преувеличенною въ виду множества молящихся, наполняющихъ соборъ въ обыкновенные воскресные и даже будничные дни, въ виду множества лодокъ, безпрестанно привозящихъ и отвозящихъ посѣтителей, въ виду распространенности въ нашихъ краяхъ обычая—ходить на богомолье къ Угоднику.

Такой наплывъ богомольцевъ, конечно, объясняется широкимъ гостепріимствомъ обители, ея образцовыми службами, высокою жизнью отдѣльныхъ монаховъ, всецѣло преданныхъ служенію Богу и меньшей братіи, стекающейся въ монастырь. Во всемъ этомъ воплощается духъ Преподобнаго, до сихъ поръ витающій въ обители. Само собою разумѣется, что малочисленность монашествующихъ значительно затрудняетъ полное проявленіе этого духа. Обширное монастырское хозяйство, красота

церковныхъ службъ требуетъ привлеченія къ дѣло множества лицъ, не монашествующихъ, сами же монахи обременены трудами. Но нѣтъ сомнѣнія, что уменьшеніе числа иноковъ въ Нило̀вой Пустыни есть явленіе случайное и временное; мы видимъ, что монастыри, несравненно менѣе богатые и славные, привлекаютъ многочисленныхъ послушниковъ и монаховъ.

Въ Осташковѣ насъ постигло разочарованіе. Въ Вознесенскомъ монастырѣ, по случаю передѣлокъ въ главномъ храмѣ, не было поздней обѣдни. Поэтому мы рѣшились въ тотъ же день, послѣ ранняго обѣда, пуститься въ обратный путь.

Время до обѣда я употребилъ на разыскиваніе описаній посѣщенныхъ нами святынь. Это удалось не вдругъ. Въ публичной библіотекѣ, по части мѣстныхъ церковныхъ древностей, не нашлось ничего. Но мнѣ посовѣтовали обратиться въ земскую управу, гдѣ я пріобрѣлъ обстоятельное описаніе Осташкова (В. Покровскаго); въ управѣ же мнѣ указали на мѣстнаго археолога, о. Владиміра Успенскаго. Этотъ послѣдній принялъ меня съ полнымъ радушіемъ и подарилъ мнѣ составленное имъ историческое описаніе Нило̀вой Пустыни (коего въ самой Пустыни пріобрѣсти нельзя). Онъ же—авторъ обстоятельныхъ описаній монастырей Селижаровскаго и Житнаго и села Оковцы. Эти описанія я пріобрѣлъ на мѣстахъ.

Послѣ сытнаго обѣда мы выступили въ походъ въ три четверти перваго. Погода стояла по прежнему холодная, и рѣзкій вѣтеръ, хотя и попутный (шли мы на югъ), дѣлалъ ходьбу по сыпучимъ пескамъ еще болѣе утомительною. Съ горы, предшествующей Сиговкѣ, мы еще разъ взглянули на Осташковъ, на тревожную зыбь Селигера, на блестящіе куполы Пустыни, на темныя сосны Свѣтицы. Въ самой Сиговкѣ мы сдѣлали краткій, но неудачный привалъ. Насъ задулъ холодный вѣтеръ, мы напились холодной воды быстрой Сиговки и окончательно

продрогли. Вторую половину перехода я совершилъ съ трудомъ. Меня трясла лихорадка и, прибывъ въ Зехново, я тотчасъ слегъ. Ребята, впрочемъ, дошли совершенно бодрые, и лишь нѣкоторые изъ старшихъ жаловались на ознобъ. Тотчасъ былъ пущенъ въ ходъ хининъ, и съ полнымъ успѣхомъ. Пошли мы рано, и всѣ исподоволь напились чаю и поужинали: была совершена полная вечерняя молитва, къ великой радости хозяевъ. Напившись чаю, я почувствовалъ себя лучше, и къ утру крѣпко заснулъ.

День восьмой.

Ночью вѣтеръ значительно ослабѣлъ. Свѣжее, сѣрое утро предвѣщало пріятный переходъ. Тѣмъ не менѣе, чувствуя еще слабость отъ вчерашней лихорадки, я рѣшился доѣхать до Селижарова, тѣмъ болѣе, что тамъ предстояло усиленное рисованіе, для чего я взялъ съ собою и Николю. Хозяйка проводила насъ обычными комплиментами на счетъ моихъ ребятъ и просьбами—взять съ собою въ мою школу Зехновскихъ сиротъ.

До Селижарова доѣхали мы быстро, по ровной, отличной дорогѣ. Солнце стало проглядывать сквозь туманную дымку и замѣтно пригрѣвать. Мы съ Николею тотчасъ отправились въ монастырь—рисовать, и въ оградѣ его, подъ защитою стѣнъ и зданій, намъ было тепло. Незамѣтно прошло время до прибытія ребятъ, которые пришли совершенно здоровые и бодрые, очень довольные краткимъ, легкимъ переходомъ.

Селижаровскій монастырь мы осмотрѣли во всѣхъ подробностяхъ. Главную красу его составляетъ Троицкій соборъ, отлично сохраненная постройка XVII-го вѣка, съ пятью стройными главами, возвышающимися надъ квадратнымъ трибуномъ. Прелестные столбы, поддерживающіе шатеръ надъ главнымъ входомъ въ соборъ, составляютъ легкую варіацію столбовъ, украшающихъ шатеръ

надъ святыми воротами. Вполнѣ сохранены любопытныя кафли съ рельефнымъ изображеніемъ льва (гербъ Ржевскаго уѣзда), украшающія цоколь зданія. Онѣ только закрашены густою бѣлою краскою. Наличники оконъ представляютъ много интереснаго. Вглядываясь въ нихъ, я убѣдился, что большая доля ихъ живописнаго эффекта, помимо оригинальности рисунка, зависитъ отъ грубой, но совершенно свободной каменотесной работы. Легкія отступленія отъ безусловной симметріи, шероховатость работы, произведенной, очевидно, самыми первобытными орудіями, но рукою, не связанною обязательнымъ шаблономъ, придаютъ имъ ту живость и выразительность, которая отличаетъ, напримѣръ, крестьянское шитье, крестьянскія кружева отъ аккуратныхъ фабричныхъ издѣлій того же рисунка.

Въ монастырѣ есть еще другая церковь—Петропавловская, относящаяся къ XVI-му вѣку. Къ сожалѣнію, древній верхъ ея замѣненъ круглымъ куполомъ Александровскихъ временъ. Свой древній характеръ сохранила только абсида алтаря, которую тщательно срисовалъ Николя.

Въ Селижаровѣ моихъ ребятъ отлично покормили, но одного изъ нихъ у меня чуть не похитили. Мальчикъ этотъ, изъ мѣщанъ, въ Селижаровѣ неожиданно встрѣтилъ своего отца, уже нѣсколько лѣтъ обрѣтавшагося въ бѣгахъ. Тутъ же оказались его дѣдъ и тетки по отцу, и вся эта семья настаивала на томъ, чтобы я мальчика ей отдалъ. Но такъ какъ онъ былъ порученъ мнѣ матерью, я, не безъ труда, отстоялъ мальчика, предоставляя мужу и женѣ вѣдаться между собою на счетъ его будущей судьбы.

Выступили мы въ походъ въ три часа. Предстоялъ переходъ длинный и утомительный, по гористой, каменистой мѣстности. На полпути мы сдѣлали привалъ, закусили баранками и я сѣлъ въ тарантасъ съ Николею, чтобы онъ успѣлъ нарисовать до захода солнца Оковец-

кую церковь, а я—распорядиться ужиномъ для моей многочисленной семьи. Оставивъ Николю на высокой горѣ подъ Оковцами, съ коей видъ на церковь и село особенно живописенъ, я отправился на постоялый дворъ къ отцу нашего знакомаго Алеши, который съ радостью согласился всѣхъ насъ помѣстить у себя. Тотчасъ послали къ сосѣдямъ за добавочными самоварами, купили для ребятъ мятныхъ пряниковъ и принялись готовить сытный ужинъ. Николя вскорѣ явился ко мнѣ съ своимъ рисункомъ, и весь нашъ караванъ прибылъ раньше, чѣмъ мы его ожидали. Безъ меня ребята очевидно шли слишкомъ быстрымъ шагомъ, ибо они дошли до Оковецъ крайне утомленные. Чаепитіе, приготовленія къ ужину затянулись. Всѣхъ ребятъ клонило ко сну, и поэтому мы совершили вечернюю молитву въ самомъ сокращенномъ видѣ.

Два слова объ этихъ молитвахъ. Онѣ совершаются у насъ въ полномъ составѣ, съ пѣніемъ, неспѣшно, и поэтому длятся отъ 20-ти до 25-ти минутъ. Многимъ такое моленіе кажется слишкомъ продолжительнымъ, для малыхъ дѣтей утомительнымъ. Я самъ держался этого мнѣнія, и долго мы ограничивались пѣніемъ «Отче Нашъ» и «Достойно есть» (утромъ «Царю Небесный» и Богородице Дѣво»)—и чтеніемъ *одной* избранной молитвы, которую я читалъ самъ, ежедневно мѣняя ее. Но ученики такъ полюбили эти молитвы, что послѣ общаго моленія старшіе стали собираться въ отдѣльную комнату, чтобы прочитать ихъ въ полномъ составѣ. Наконецъ, они воспользовались краткою моею болѣзнью, заставившею меня переселиться на нѣсколько дней изъ школы въ домъ, чтобы ввести общее чтеніе всѣхъ молитвъ помѣсяцеслову. Я, разумѣется, былъ этому очень радъ и позаботился о томъ, чтобы придать этимъ моленьямъ возможную стройность. Начальный и заключительный возгласъ произносятся (въ формѣ, предписанной міянамъ) однимъ изъ учителей; одинъ изъ младшихъ уче-

никовъ произноситъ наизусть молитвы начальныя и 12-кратное «Господи помилуй» по пѣніи тропарей. Одинъ изъ старшихъ учениковъ читаетъ всѣ молитвы вечернія, хоръ поетъ «Взбранной Воеводѣ» и «Достойно». Очереди не соблюдается, ибо дозволеніе читать молитвы есть нѣкотораго рода награда за успѣхи въ церковномъ чтеніи. Такъ какъ чтеніе подъ рядъ всѣхъ десяти вечернихъ молитвъ для маленькихъ чтецовъ нѣсколько утомительно, оно прерывается на серединѣ пѣніемъ «Свѣте тихій» или тропаря ближайшаго праздника. Иногда вечернія молитвы замѣняются Акаѳистомъ или инымъ молитвеннымъ послѣдованіемъ. Подобнымъ тому порядкомъ совершаются молитвы утреннія.

Въ случаѣ нужды, конечно, допускаются всѣ возможныя сокращенія. Нужда эта, въ нашей практикѣ, представлялась только во время путешествія, вслѣдствіе утомленія ребятъ. Само собою разумѣется, что такой порядокъ умѣстенъ только въ школахъ съ общежитіемъ. Исполненіе молитвъ вечернихъ и утреннихъ передъ уроками и послѣ нихъ, т. е. среди бѣла дня, практикуемое въ нѣкоторыхъ школахъ, не имѣетъ смысла и поэтому обращается въ тягостную формальность...

Ночь была холодная, и поэтому мы всѣ размѣстились на ночлегъ въ избѣ, и хотя эта изба очень просторна, тѣснота была страшная. По счастію, не было клоповъ. Хозяинъ увѣрялъ насъ, что онъ предотвращаетъ ихъ появленіе въ своей избѣ тѣмъ, что во время цвѣтенія конопли, онъ бьетъ по стѣнамъ пучками поскони; клопы будто не выносятъ запаха цвѣточной пыли, при этомъ проникающей во всѣ щели.

День девятый.

Ребята проснулись свѣжіе и бодрые. Утро было сѣренькое, но теплое. Предстоялъ легкій переходъ.

Неспѣшно совершили мы утреннюю молитву (крат-

кость вечерней молитвы наканунѣ огорчила нашихъ хозяевъ), исподоволь напились чаю и посѣтили Оковецкую церковь, прекрасную и высокую. Постройка ея относится къ прошлому вѣку, и времени ея построенія соотвѣтствуетъ общій ея обликъ; архитектурныя же подробности исполнены совершенно въ характерѣ вѣка семнадцатаго. Къ сожалѣнію, къ ней пристроена (въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія) колокольня съ робкими претензіями на готическій стиль. Церковь стоитъ на крутомъ холмѣ, и этимъ воспользовались, чтобы устроить подъ нею двѣ большія духовыя печи, согрѣвающія громадный зимній придѣлъ. Тутъ мы пріобрѣли иконы Оковецкой Божіей Матари. Иконы эти маленькія, весьма невысокой миніатюрной работы, но онѣ бойко, отъ руки, писаны на доскѣ, пахнутъ кипарисомъ, стиль ихъ безукоризненъ, и продаются онѣ по 10-ти копѣекъ! Высылаются онѣ изъ Твери. Что же получаетъ за нихъ изготовляющій ихъ, въ своемъ родѣ искусный, изографъ? И могутъ ли соперничать съ его произведеніями вялыя хромолитографіи, распространяемыя изъ Петербурга, Москвы и Варшавы?!

Мы весело двинулись въ путь. Сѣрая пелена неба порѣдѣла и растаяла. Проглянуло яркое солнышко. Съ юга потянулъ душистый, ласковый вѣтерокъ. Погода окончательно стала лѣтнею.

Всѣ ребята защебетали, какъ птички послѣ долгаго ненастья. До деревни Боровыхъ Нивъ, гдѣ предполагалось обѣдать, было всего двѣнадцать верстъ. Дорогою мы накупили себѣ провіанта, котораго забыли захватить въ Оковцахъ: въ деревняхъ — хлѣба, на постояломъ дворикѣ въ Березуяхъ—сельдей. Опять прошли мы черезъ прелестный боръ, въ коемъ недѣлю тому назадъ рвали ландыши. Они окончательно отцвѣли, но нескошенная трава лѣсныхъ полянокъ еще пестрѣла цвѣтами, но еще гуще, при яркомъ солнцѣ, казался сумракъ разбѣгавшихся, невѣдомо куда, лѣсныхъ тропинокъ. Снова

перебрались мы, по остаткамъ разрушеннаго моста, черезъ Пырошню, и завернули къ той же, суровой на видъ, хозяйкѣ, которая на этотъ разъ приняла насъ, какъ старыхъ знакомыхъ. Даже ея большая черная собака обрадовалась намъ: она суетливо принялась бѣгать между ребятами, норовя каждаго изъ нихъ лизнуть въ лицо.

Мы живо пообѣдали, скоро отдохнули и пустились далѣе, не смотря на крупный, теплый дождь, очевидно не могшій длиться.—Дождь намъ не надоѣлъ! объявили ребята. Нужно замѣтить, что во все время нашего путешествія шли непрерывные дожди; но, по рѣдкому счастію, они постоянно изливались или во время нашихъ остановокъ, или впереди и позади насъ, такъ что мы ни разу не промокли. Самые холода, стоявшіе во время нашего путешествія, значительно его облегчили, хотя подчасъ становились черезъ чуръ рѣзкими: хожденіе въ жаркую погоду несравненно утомительнѣе.

Предстоялъ переходъ въ 18 верстъ, и по мѣстамъ новымъ, ибо мы не свернули на Сибирь и Меженинку, а пошли прямо по большаку, на Бобровку. Вскорѣ дождь прошелъ, опять засіяло солнце, и возстановилось прежнее радостное настроеніе. Мѣстность вокругъ насъ постепенно понижалась. Боровые горбыли замѣнились влажными лугами, молодыми березовыми рощами, безконечными пустырями, заросшими олешникомъ и ивами. Чувствовалось приближеніе къ дому: казалось, мы идемъ пустошами Бѣльскаго уѣзда. Направо, вдали синѣли волнистые холмы Сибири, виднѣлись церкви Бакланова и Пыжей. Наконецъ показалась и Шалаевская гора.

Мы весело шли по мягкой, грязноватой дорогѣ, въ которую тутъ обращается большакъ. Много смѣху возбуждалъ одинъ изъ нашихъ мальчиковъ, по прозванію Рыжикъ. Мальчикъ этотъ, очень глупый, овладѣлъ зонтикомъ одного изъ учителей и при входѣ въ каждую деревню распускалъ его и важно шествовалъ подъ его

защитою. На вопросъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ?—онъ отвѣчалъ, что когда онъ идетъ просто, никто на него не обращаетъ вниманія, когда же онъ распуститъ зонтикъ, всѣ передъ нимъ снимаютъ шапки. За это онъ немедленно былъ прозванъ фарисеемъ.

Нашъ милый горбунокъ бодро сидѣлъ на своемъ облучкѣ, покрикивая на лошадокъ. На лицѣ его еще блуждало то выраженіе, съ коимъ онъ слушалъ службы въ Ниловой Пустыни. Дѣти радостно припоминали все видѣнное и на вопросъ, что больше всего имъ понравилось? посыпались самые разнообразные отвѣты:—пароходъ!.. пѣніе!.. павлинъ!... Но Тимоша убѣжденно повторялъ: самъ Угодничекъ!

Особенно радостны были два молодыхъ учителя, коимъ предстояло жениться въ іюлѣ. Рады они были и близкому свиданію съ невѣстами, рады и тому, что передъ самымъ бракомъ имъ удалось сходить къ Угоднику. Одному изъ нихъ, кромѣ того, предстояло посвященіе въ діакона. Мы вспоминали, какъ, восемь лѣтъ тому назадъ, онъ, еще маленькимъ мальчикомъ шелъ со мною по той же дорогѣ, какъ, послѣ того, постепенно и для насъ незамѣтно, Богъ привелъ его къ поступленію въ духовное званіе, и многое въ прошломъ становилось для насъ осмысленнымъ и яснымъ.

Солнце заходило. Передъ нами темносинею полосою тянулись лѣса высокихъ береговъ Туда, изъ нихъ выглядывали колокольни церквей, расположенныхъ по его теченію. Прямо передъ нами возвышалась надъ лѣсомъ, на противоположномъ берегу, озаренная послѣдними лучами солнца, церковь села Лѣсникова. Я сѣлъ въ тарантасъ, чтобы отыскать ночлегъ въ незнакомой мнѣ деревнѣ Каменкѣ, въ коей предстояло ночевать, переѣхалъ вбродъ черезъ Тудъ, въ этомъ мѣстѣ менѣе живописный, чѣмъ въ Сибири, но многоводный и широкій, узналъ на мельницѣ, что въ близкой Каменкѣ можно найти удобный ночлегъ у церковнаго старосты и до-

ждался тутъ нашихъ ребятъ, которые вскорѣ нагнали меня и перебрались по утлымъ кладямъ, проложеннымъ по мельничной плотинѣ.

Въ Каменкѣ церковный староста принялъ насъ чрезвычайно радушно. Мы поужинали привезенными съ собою припасами, къ коимъ хозяинъ присоединилъ лукъ и квасъ. Нашелся и самоварчикъ, но только одинъ, и старшіе выпили по чашкѣ чаю. Вечерняя молитва привлекла много посторонніхъ молельщиковъ, и послѣ нея хозяинъ еще болѣе сталъ за нами ухаживать. Изба его всѣхъ насъ на ночь вмѣстить не могла. Но ночь была не холодная, и большая часть нашего общества, въ томъ числѣ и я, отправилась ночевать на сѣновалъ. Хозяинъ даже предлагалъ всѣхъ ребятъ накрыть теплою одеждою, коей у него множество въ закладѣ, но это оказалось ненужнымъ. Мнѣ же онъ непремѣнно захотѣлъ прикрыть ноги своимъ тулупомъ. Мнѣ устроили уютное гнѣздышко между отвѣсными стѣнами душистаго сѣна, вокругъ меня разлеглись ребята, и мы заснули богатырскимъ сномъ.

День десятый.

Мы встали очень рано, совершили утреннюю молитву и наскоро покормили ребятъ остатками нашего провіанта, съ чаемъ же не разводились, за невозможностію напоить всѣхъ однимъ маленькимъ самоваромъ. До Бобровки оставалось всего двѣнадцать верстъ. Хозяева проводили насъ самымъ сердечнымъ образомъ, и не хотѣли взять ни копѣйки за ночлегъ и за хлопоты.

Я сѣлъ въ тарантасъ и поѣхалъ впередъ, чтобы предупредить хозяевъ Бобровки о нашествіи нашего каравана. Насъ ожидали, но не такъ рано: путешествіе совершилось неожиданно благополучно и быстро. Утро было сѣренькое и теплое. Нѣсколько разъ принимался накрапывать мелкій дождь.

Бобровка — имѣніе моей родственницы, съ большимъ

веселымъ домомъ, громаднымъ старымъ садомъ, обширнымъ паркомъ и великолѣпною церковью. Церковь эта, построенная въ началѣ нынѣшняго столѣтія, отличается самою своеобразною структурою. По обѣимъ сторонамъ ея стоятъ, совершенно отдѣльно, двѣ высокія колокольни. Планъ самой церкви—равносторонній трехугольникъ съ закругленными углами. Отъ этого трехугольника, стѣнами, параллельными сторонамъ, отрѣзаны три малыхъ трехугольника, изъ коихъ одинъ составляетъ алтарь главнаго храма, два другіе—боковые придѣлы. Остающійся между ними правильный шестиугольникъ и составляетъ главный храмъ, увѣнчанный высокимъ куполомъ. Три массивныхъ фронтона на толстыхъ колоннахъ украшаютъ три стѣны храма, осѣняя три входа, къ коимъ ведутъ широкія каменныя крыльца. Въ церкви хранится высокочтимая икона,—громадная, старинная копія Ченстоховской иконы Божіей Матери.

Радостно приняли меня радушные хозяева. Съ наслажденіемъ напился я кофею, съ наслажденіемъ, въ ожиданіи ребятъ, полежалъ часа два въ настоящей постели. Между тѣмъ Николя, пріѣхавшій со мною, несмотря на дождь, набрасывалъ видъ пруда и парка, а въ обширной школѣ готовился прекрасный обѣдъ, накрывались столы, натаскивалась солома для отдыха ребятъ. Тотчасъ по ихъ прибытіи началась ѣда и чаепитіе. Ребята, довольные и сытые, лишь часочекъ повалялись на соломѣ, и торопились совершить послѣдній, легкій переходъ: отъ Бобровки до Татева всего пятнадцать верстъ.

Я опять поѣхалъ впередъ, ибо опасался, что и въ Татевѣ насъ еще не ожидаютъ, и нужно было распорядиться насчетъ ужина. Погода прояснилась: было тепло и солнечно. Дорога наша шла все Ржевскимъ уѣздомъ, мимо двухъ помѣщичьихъ усадебъ. Тутъ въ концѣ прошлаго столѣтія произошло событіе о коемъ передамъ разсказъ очевидца, восьмидесятилѣтней старушки—слышанный мною лѣтъ тридцать пять тому назадъ.

Въ серединѣ прошлаго столѣтія, весь этотъ уголокъ Ржевскаго уѣзда составлялъ одно обширное имѣніе, принадлежавшее князьямъ Долгорукимъ, потомство коихъ по женской линіи до сихъ поръ владѣетъ значительною его частію, съ усадьбою Талицею. Самая же лучшая частица этого имѣнія—усадьба Сидорово на берегу рѣки Березы, близъ церкви, съ каменнымъ домомъ и небольшимъ участкомъ отличной земли—была проиграна въ карты нѣкимъ княземъ Долгорукимъ деревенскому сосѣду, Свистунову, за родомъ коего еще недавно состояло это имѣньице. Свистуновъ этотъ былъ человѣкъ домовитый и богатый. Въ бытность свою воеводою, гдѣ-то въ Сибири, онъ скопилъ немало добра, и въ обширныхъ подвалахъ Сидоровскаго дома, уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ, кромѣ старыхъ медовъ и водокъ, хранились кубышки, наполненныя золотою и серебряною монетою, жемчугомъ, старинными серебряными крестами.

Князь Долгорукій очень жалѣлъ объ утратѣ Сидорова и поручилъ своему преданному управляющему какъ-нибудь оттягать у Свистунова проигранное въ карты имѣніе. Этотъ усердный слуга, желая угодить своему барину, вздумалъ завладѣть тѣмъ документомъ, на основаніи коего Свистуновъ владѣлъ Сидоровымъ. Для этого онъ выбралъ время, когда хозяина не было дома, всѣ крестьяне косили на дальней пустоши, а старуха хозяйка осталась дома одна съ маленькою племянницею (отъ которой я и слышалъ этотъ разсказъ) и съ малочисленною прислугою. Въ Сидоровскій домъ, среди бѣла дня, ворвалась вооруженная ватага, безъ труда перевязала хозяйку и всѣхъ слугъ, угрозами вынудила старушку выдать ключи, и принялась за обыскиваніе всѣхъ запертыхъ помѣщеній.

По счастію, одинъ дворовый мальчикъ успѣлъ, незамѣченный разбойниками, ускользнуть въ садъ, затѣмъ перебраться черезъ рѣку и добѣжать до Татева съ вѣстію объ этомъ разгромѣ.

Въ то время жилъ въ Татевѣ мой прадѣдъ, Богданъ Алексѣевичъ Потемкинъ (депутатъ Бѣльскаго уѣзда въ Екатерининской коммиссіи объ уложеніи). Узнавъ о случившемся, онъ тотчасъ сѣлъ на коня и во главѣ многочисленной, вооруженной дворни поскакалъ на выручку.

Между тѣмъ разбойники, овладѣвъ ключами, прежде всего устремились въ подвалы, полагая, что тамъ найдется и нужный имъ документъ, и еще много иного, что кстати захватить не мѣшаетъ. И дѣйствительно, нашлись и кубышки, и множество беченковъ съ водками, наливками и медами. Сими послѣдними занялись прежде всего, и началась веселая, поспѣшная попойка.

Не успѣла она кончиться, какъ нагрянулъ дѣдушка съ своимъ войскомъ. Долгоруковцы, уже совершенно пьяные, не выдержали натиска, и послѣ краткаго сопротивленія, разбѣжались. Но нѣкоторые изъ нихъ успѣли, захвативъ завѣтныя кубышки, сѣсть на свои подводы и ускакать по Ржевской дорогѣ. За ними тотчасъ пустилась погоня. Часть добра была отбита, часть побросана разбойниками въ ручьи и рѣчки, пересѣкающіе дорогу. Одинъ изъ этихъ ручьевъ до сихъ поръ сохранилъ названіе Крестоваго, отъ старинныхъ крестовъ, отъ времени до времени находимыхъ на его илистомъ днѣ.

Документъ, изъ-за котораго былъ учиненъ этотъ разбой, хранился въ невзрачномъ шкапчикѣ, на который никто не обратилъ вниманія. Вся эта исторія никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій не имѣла, ибо Долгоруковскій управляющій съ того же дня безъ вѣсти пропалъ, а самъ князь, жившій въ Петербургѣ, конечно, съ удивленіемъ узналъ о подвигахъ своего вѣрнаго слуги...

Въ самомъ Сидоровѣ, такъ называемый Осташковскій большакъ выходитъ на настоящій большакъ, соединяющій Ржевъ съ Бѣлымъ. Надъ темной полосой лѣса виднѣются высокія рощи Татевской усадьбы и погоста. Лѣтъ тридцать тому назадъ, отсюда былъ прекрасный видъ на домъ и на церковь; но теперь все потонуло въ зе-

лени: едва выглядываетъ изъ-за верхушекъ березъ бѣлая колокольня. Длинный мостъ ведетъ черезъ рѣку Березу, составляющую тутъ границу и Смоленской губерніи, и Татевскихъ владѣній. Мы уже дома...

Радостно встрѣчаютъ насъ домашніе, радостно школьныя бабушки. О нашемъ приближеніи уже знали. Въ школѣ готовится ужинъ. Вся эта старая, извѣстная намъ наизусть обстановка, кажется намъ какъ будто новою. Деревья потемнѣли и еще погустѣли; рожь поблѣднѣла. Цвѣты въ палисадникѣ и капуста въ огородѣ сильно разрослись. Вскорѣ высыпаетъ на школьную площадку нашъ караванъ, уже нѣсколько растаявшій; нѣкоторые изъ ребятъ, не доходя до Татева, свернули въ свои деревни. Начинается чаепитіе, разборъ безчисленныхъ просфоръ, привезенныхъ изъ Пустыни. Тихо надвигается свѣтлая ночь. Мы сидимъ подъ высокимъ навѣсомъ крыльца, пока бабушки жарятъ собранныя ими для насъ грибы. Робкая собачка церковнаго сторожа торопливо подбѣгаетъ и на почтительномъ разстояніи становится на заднія лапки, выпрашивая баранковъ. Знакомая ласточка, невѣдомо откуда и зачѣмъ прилетающая каждый день во время вечерняго чая, садится на рѣзьбу, окружающую образъ Спасителя, и продолжительно и радостно щебечетъ. Церковная колокольня, стоящая прямо противъ входа въ школу, все бѣлѣе выступаетъ на темнѣющемъ небѣ востока. Ранній ужинъ опять собираетъ всѣхъ насъ въ тѣсной столовой и на вечерней молитвѣ въ послѣдній разъ поется тропарь преподобному Нилу.

Разсказъ мой конченъ. Остается дополнить его лишь нѣкоторыми изъ мыслей, развертывавшихся въ моемъ умѣ во время длинныхъ переходовъ отъ одной деревушки къ другой, подъ веселый говоръ ребятъ, въ виду широкихъ лѣсныхъ горизонтовъ, лишь изрѣдка прерываемыхъ бѣлѣющимъ профилемъ далекой колокольни.

Начну съ соображенія, не имѣющаго ничего общаго съ религіозною цѣлію нашего путешествія. Нѣтъ сомнѣнія, что школьное ученіе въ нашихъ бѣдныхъ сельскихъ училищахъ весьма мало прибавляетъ къ скудному запасу наглядныхъ практическихъ свѣдѣній, коими обладаетъ ребенокъ, выростающій въ тѣсной, однообразной средѣ, ограниченной какимъ-нибудь десяти-верстнымъ разстояніемъ. Этотъ недостатокъ наглядности, непосредственнаго знакомства съ предметами, о коихъ идетъ рѣчь въ школѣ и книгахъ, не можетъ быть восполненъ однимъ показываніемъ картинокъ, которыя сами становятся понятными лишь по аналогіи съ предметами знакомыми и видѣнными. Повѣритъ ли читатель, что многіе изъ моихъ спутниковъ, умные мальчики лѣтъ 13—15, пишущіе безъ орѳографическихъ ошибокъ, поющіе по нотамъ, восхищающіеся Одиссеею Жуковскаго и музыкою Моцарта, никогда не видали—не говорю парохода и телеграфной проволоки—но парома и вѣтряной мельницы! Дѣло въ томъ, что обиліе нашихъ ручьевъ и рѣчекъ досихъ поръ позволяетъ обходиться безъ вѣтряныхъ мельницъ, но рѣчки эти столь незначительны, что въ паромныхъ переправахъ нѣтъ никакой нужды. Выбралъ я примѣръ самый рѣзкій, но то же самое можно сказать о тысячѣ самыхъ обыкновенныхъ техническихъ приспособленій и земледѣльческихъ пріемовъ, растеній и животныхъ, явленій природы и жизни человѣческой. Всѣ эти вещи, предполагаемыя общеизвѣстными, роковымъ образомъ остаются неизвѣстными или загадочными для ребенка, видѣвшаго на своемъ вѣку лишь десятокъ лѣсныхъ деревушекъ, изумительно похожихъ одна на другую. Вотъ одна изъ причинъ, по которымъ дѣльныя книги, трактующія о предметахъ общеполезныхъ, нашими школьниками читаются столь туго, оставляютъ въ умахъ ихъ столь мало слѣдовъ. Между тѣмъ, самые предметы, о которыхъ ведется рѣчь въ этихъ книгахъ, возбуждаютъ въ крестьянскихъ дѣтяхъ живѣйшій инте-

ресъ, когда удается показать имъ ихъ въ дѣйствительности, а не въ скверныхъ политипажахъ. О томъ, что они видѣли, они охотно пополняютъ свои свѣдѣнія чтеніемъ. Такъ, напримѣръ, книги о пчеловодствѣ всегда читаются съ интересомъ учениками изъ тѣхъ деревень, гдѣ водятся пчелы.

Едва ли нужно присовокуплять, что *образовательныя путешествія* — для крестьянскихъ ребятъ дѣло совершенно невозможное и немыслимое, что единственною побудительною причиною, которая можетъ заставить ихъ родителей согласиться, въ лѣтнее время, на продолжительную отлучку дѣтей изъ дома, есть всѣмъ понятное, всѣми раздѣляемое желаніе, чтобы они могли поклониться какой-либо всѣми чтимой святынѣ. Да и самая организація путешествія возможна лишь при такой его цѣли. Только общее приподнятое, молитвенное настроеніе дѣтей позволяетъ давать имъ во время пути желательную свободу, при сохраненіи должнаго порядка. Между моими спутниками, конечно, были мальчики самыхъ разнообразныхъ характеровъ, въ томъ числѣ весьма шаловливые. Однако, ни одной шалости, стоющей упоминанія, не произошло, и въ теченіе девяти дней мнѣ пришлось сдѣлать только два-три легкихъ выговора.

Другое замѣчаніе мое коснется матеріальной стороны нашего путешествія, но не лишено и значенія болѣе общаго. Оба наши похода въ Нилову Пустынь были совершены во время поста. Лишь благодаря этому обстоятельству, а также широкому гостепріимству обители, они оказались намъ по карману. Черный хлѣбъ, капусту, гречневую крупу, конопляное масло, картофель и лукъ можно имѣть повсюду, и припасы эти не дороги. Въ нынѣшнемъ году девятидневное путешествіе 66 человѣкъ обошлось намъ рублей въ 200, т. е. немногимъ болѣе трехъ рублей на человѣка. Конечно, и такія деньги не всегда имѣются подъ рукою, но все-таки это деньги небольшія.

И, что еще важнѣе, никто изъ насъ во время этого путешествія не ощущалъ ни малѣйшаго упадка силъ. Ребята только два раза (вслѣдствіе ужасной погоды, настигшей насъ подъ Осташковомъ,—и послѣ дневнаго перехода въ 46 верстъ на возвратномъ пути) сильно утомились; но достаточно имъ было выспаться, чтобы снова стать свѣжими и бодрыми. Произошло это отъ того, что всѣ мы, отъ мала до велика, привыкли добрую половину года довольствоваться самою незатѣйливою постною пищею. Для ребятъ же, такая незначительная прибавка къ ихъ обычной діэтѣ, какъ чай и нѣсколько баранковъ изъ пшеничной муки, уже составляла средство укрѣпляющее и возбуждающее.

Прошу читателей обратить вниманіе на то расширеніе личной свободы, которое проистекаетъ отъ сохраненія простой, повидимому несущественной привычки, столь недавно утраченной нашими образованными классами. Въ обыденномъ теченіи жизни, мы не замѣчаемъ того ярма, которое налагаетъ на насъ изнѣженность нашего желудка. Но какъ только мы чувствуемъ потребность выйти изъ этой пошлой, надоѣдливой колеи, тяжелою гирею виснутъ намъ на шеѣ нами же созданныя немощи. Для человѣка, слабѣющаго при лишеніи мясной и молочной пищи, путешествіе, подобное совершенному нами, рѣшительно немыслимо.

Не стану входить тутъ въ разсмотрѣніе сложнаго вопроса о степени вреда или пользы пищи, исключительно растительной. Предметъ этотъ слишкомъ обширенъ и спеціаленъ, и я предпочитаю отослать читателя къ соображеніямъ профессоровъ Бекетова и Энгельгарта, писателей, коихъ нельзя заподозрить въ «клерикальныхъ предразсудкахъ». Замѣчу только, что при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ, кромѣ столь цѣнныхъ лабораторныхъ опытовъ и частныхъ наблюденій, необходимо класть на вѣсы и опытъ вѣковъ и милліоновъ, который у всѣхъ передъ глазами. Несомнѣнно, что всѣ немощи, завися-

щія отъ ненормальнаго питанія,—анемія во всѣхъ ея видахъ и хроническія недуги желудка—всего болѣе распространены въ классахъ нашего общества, не соблюдающихъ постовъ, а также между людьми столь бѣдными, что мясная пища для нихъ составляетъ рѣдкость. Это наводитъ на мысль, что истина тутъ, какъ во многихъ случаяхъ, лежитъ на серединѣ, и что всего полезнѣе для человѣка нормальнаго—поперемѣнное употребленіе пищи исключительно растительной, и той же пищи съ прибавкою молока и мяса—то есть—безхитростное соблюденіе постовъ.

Они и соблюдаются до сихъ поръ девятью десятыми русскихъ людей. Но въ самое новѣйшее время этотъ обычай начинаетъ колебаться, вслѣдствіе учащающагося пребыванія крестьянъ въ городахъ, вслѣдствіе паденія общественныхъ преградъ между зажиточными крестьянами и полуобразованными слоями сельскаго населенія, вслѣдствіе постояннаго возвращенія въ деревни молодыхъ солдатъ, отвыкшихъ отъ долгихъ постовъ. Это колебаніе—начало великаго зла. Стóитъ только вспомнить, что на привычкѣ къ постамъ въ значительной мѣрѣ зиждется несравненная выносливость русскаго солдата, его способность къ чрезвычайнымъ усиліямъ при самыхъ тяжкихъ внѣшнихъ условіяхъ; стóитъ только сообразить, что всякая крестьянская семья средняго достатка, отказываясь отъ постовъ, тѣмъ самымъ погружается въ безъисходную бѣдность,—и мы согласимся, что вопросъ о постахъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія со стороны всякаго образованнаго человѣка, и, прежде всего, со стороны экономистовъ и людей военныхъ.

И по отношенію къ жизни нашихъ образованныхъ классовъ, вопросъ о постахъ имѣетъ значеніе громадное. Постъ заключается не только въ воздержаніи отъ извѣстнаго рода пищи, но еще болѣе въ воздержаніи отъ цѣлаго ряда шумныхъ, суетныхъ и дорого стоющихъ удовольствій. Не ложится ли отсутствіе перерывовъ въ

этихъ удовольствіяхъ, въ этихъ тратахъ, тяжелымъ бременемъ на бюджеты безчисленныхъ семей? Не въ немъ ли заключается одна изъ причинъ преждевременной пресыщенности и вялости молодежи высшихъ классовъ? И въ концѣ концовъ, не въ немъ ли заключается одно изъ условій, плодящихъ ту нравственную дряблость, то постыдное порабощеніе привычкамъ развлеченія, роскоши и комфорта, которое гнететъ и губитъ современное большинство? Обо всемъ этомъ здѣсь распространяться не мѣсто, но обо всемъ этомъ приглашаю подумать моихъ читателей.

Наконецъ, мнѣ остается предотвратить одно недоразумѣніе, къ коему можетъ подать поводъ появленіе въ печати этого дневника. Я въ немъ съ любовью изобразилъ свѣтлый, радостный моментъ въ жизни сложившейся около меня сельской школы. Но я далекъ отъ мысли рекомендовать кому-либо подражаніе ея устройству, ея порядкамъ. Татевской школѣ недостаетъ главнаго элемента благотворнаго вліянія на окружающую среду—элемента прочности. Школа, въ коей ученіе никогда не прерывается; школа, ежегодно выпускающая учителей и плодящая вокругъ себя другія школы; школа, удерживающая въ своихъ стѣнахъ тѣхъ учениковъ, которыхъ, по ихъ способностямъ и семейному положенію, желательно направить на иную дѣятельность, чѣмъ земледѣльческую, и готовящая ихъ къ разнообразнымъ жизненнымъ поприщамъ—такая школа рѣшительно непосильна одному человѣку, и школа Татевская неминуемо должна въ близкомъ будущемъ закрыться или обратиться въ школу самую заурядную. Лишь необычайное стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ позволило ей просуществовать въ теперешнемъ своемъ видѣ двѣнадцать лѣтъ. Драгоцѣнная помощь воспитанныхъ школою учителей изъ крестьянъ весьма непродолжительна, ибо эти молодые люди, достигнувъ полнаго умственнаго и нравственнаго развитія—женятся, а работать плодотворно въ

школѣ съ общежитіемъ можетъ только учитель холостой, коего жизнь принадлежитъ школѣ безъ остатка. Дѣло это весьма отвѣтственное и сложное, и требуетъ трудовъ, которые не могутъ быть оплачены никакими деньгами, но которые можно съ радостію нести всю жизнь... *Бога для*. Школы, подобныя Татевской, могутъ являться лишь въ видѣ рѣдкихъ исключеній, всегда будутъ имѣть характеръ одиночныхъ опытовъ...

Но, по силѣ вещей, во всей сѣверной Россіи не предвидится времени, гдѣ бы сельскія школы могли обойтись безъ школьныхъ общежитій въ той или иной формѣ, ибо рѣдко возможны въ ней значительныя скопленія земледѣльческаго населенія, ибо суровый климатъ не позволяетъ дѣтямъ *ходить* въ школу на разстояніе, превышающее 3—4 версты.

Кому же взять на себя попеченія объ этихъ общежитіяхъ? Гдѣ матеріальныя и нравственныя силы, способныя постоянно и повсемѣстно справляться съ этою задачею?

Не сомнѣваюсь, что силы эти кроются въ нашихъ монастыряхъ. Живое монашество—необходимый органъ всякой живой церкви, а церковь наша жива. Въ толщѣ смиренныхъ, малограмотныхъ тружениковъ, постоянно выдѣляющихся изъ крестьянства, чтобы нести въ монастыряхъ всю тяжесть сложныхъ обязанностей инока, съ каждымъ годомъ будутъ умножаться люди, твердо грамотные, прошедшіе черезъ правильную школу. Они съ радостію понесутъ и это послушаніе. Возрожденіе образовательной, воспитательной дѣятельности монастырей привлечетъ въ ихъ стѣны и немалое количество людей, гораздо болѣе образованныхъ.

Ибо велико обаяніе общаго, чистаго дѣла, не умирающаго со смертію отдѣльныхъ дѣятелей. Велико обаяніе нравственной свободы, достижимой только черезъ отреченіе отъ многаго. Немногимъ посильна дѣятельность одинокая. Немногимъ доступны высшія ступени

жизни созерцательной. Но люди, мучимые потребностію отдавать себя безъ остатка служенію Богу и ближнему, всегда были, есть и будутъ. Нѣтъ болѣе полнаго сочетанія этихъ двухъ служеній, чѣмъ христіанское учительство, то учительство, которое не полагаетъ своимъ трудамъ ни мѣры, ни конца, которое прилагаетъ къ милостынѣ духовной дивныя слова Пушкина о милостынѣ вещественной:

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою,
Не сыпь даровъ своихъ разсчетливой рукою—
Щедрота полная угодна небесамъ.
Въ день страшнаго суда, подобно нивѣ тучной,
О, сѣятель благополучный,
Сторицею воздастъ она твоимъ трудамъ.
Но если, пожалѣвъ земныхъ трудовъ стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань—
Знай, всѣ твои дары, подобно горсти пыльной,
Что съ камня моетъ дождь обильный,
Погибнутъ,—Господомъ отвергнутая дань!

Татево.
Іюль 1887.

Изъ записокъ сельскаго учителя *).

Отрывокъ первый.

...Не знаю, въ какомъ музеѣ хранится рисунокъ художника недоброй памяти, Бачіо Бандинелли, изображающій его собственную мастерскую.

Рисунокъ этотъ знаменитъ. Онъ воспроизведенъ во многихъ художественныхъ изданіяхъ **). Нельзя взглянуть на эти снимки безъ умиленія и зависти.

Вечеръ. Въ обширной бѣдной комнатѣ собралась семья учениковъ многогрѣшнаго мастера и расположилась двумя тѣсными группами, чтобы пользоваться скудными источниками свѣта. Налѣво, у высокаго камина, въ коемъ подвѣшенъ первобытный свѣтецъ, усѣлись два рисовальщика. Одинъ изъ нихъ, цвѣтущій юноша, усердно чертитъ на доскѣ, лежащей на его колѣнѣ. Двое другихъ юношей, стоя за его стуломъ, смотрятъ на его работу и шопотомъ сообщаютъ другъ другу свои замѣчанія. Съ другой стороны камина, ученикъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, также съ рисункомъ на колѣняхъ, закрылъ лицо

---

*) Напечатано въ „Русскомъ Вѣстникѣ", 1888 г. ноябрь, 1889 г. августъ и 1890 г. май.

**) Между прочимъ въ старинномъ изданіи: *Galerie des peintres*, перепечатанномъ Дидотомъ въ пятидесятыхъ годахъ. Въ *Magasin pittoresque* (не помню года), съ рисункомъ Бандинелли остроумно сопоставлено бойкое изображеніе мастерской художника XIX-го вѣка. Она полна веселыми гостями: двое изъ нихъ фехтуютъ; на столѣ вино и карты; легкомысленная красотка взобравшись на переносную лѣстницу, съ усмѣшкою глядитъ на художника, который, съ трубкою въ зубахъ, усердно пишетъ Мадонну.

рукою и погрузился въ глубокую думу. За нимъ стоитъ юноша, обращающій къ свѣту начатой рисунокъ и стирающій на немъ неудавшуюся черту.

Направо, около длиннаго стола, собрана другая группа. Вокругъ дымной лампы рисуютъ три ученика. На концѣ стола сидитъ самъ учитель и обращаетъ къ рисующимъ спокойную рѣчь. За нимъ стоятъ два зрѣлыхъ мужа—художники или ученые, и какъ-бы дополняютъ и поясняютъ его поученія. Двое юношей, стоя, прислушиваются. Въ комнатѣ тишина; передъ очагомъ дремлетъ котъ; спитъ и собака, свернувшись на полу. На полу же и на длинной полкѣ, бѣгущей вдоль стѣны, разбросаны фоліанты, обломки статуэтокъ, кости человѣческаго скелета...

О чемъ ведетъ рѣчь горделивый художникъ? Восхваляетъ ли онъ тонкую прелесть созданій своего великаго друга, несравненнаго Леонардо? Или старается онъ умалить въ глазахъ своихъ учениковъ исполинскій образъ Микель Анжело, этотъ вѣчный предметъ его зависти, его подражанія, его тайныхъ угрызеній совѣсти? Или онъ просто развиваетъ свои взгляды на художественное творчество, на задачи живописи и ваянія? Вѣроятнѣе послѣднее. Ибо передъ его рисующими учениками нѣтъ образцовъ. Не снимками съ натуры, съ чужихъ произведеній заняты они, но попытками самостоятельнаго творчества подъ глазами учителя, прислушиваясь къ его вѣскимъ рѣчамъ, къ мудрой бесѣдѣ его опытныхъ друзей *).

Какъ бы то ни было, съ изумительною живостью воскресаетъ передъ нами въ этомъ рисункѣ та простая, строгая, патріархальная школа, которую проходили великіе художники XVI-го вѣка. Могутъ ли соперничать съ нею наши современныя художественныя школы съ сво-

*) Другой рисунокъ Бандинелли, менѣе сложный, изображаетъ его учениковъ, срисовывающихъ, при свѣтѣ единственной свѣчи, статуэтку Меркурія. И тутъ между ними возсѣдаетъ учитель: онъ держитъ въ рукахъ статуэтку Венеры и что-то объясняетъ. На заднемъ планѣ—поставецъ, уставленный мелкими изваяніями и античными вазами.

имъ роскошнымъ аппаратомъ образцовъ и пособій, съ массою разнообразныхъ силъ, художественныхъ и учебныхъ, привлекаемыхъ къ преподаванію, съ ежегодно возрастающею толпою своихъ учениковъ? Кто руководитъ этою массою учащихся, что согрѣваетъ ихъ душу, кто направляетъ и поддерживаетъ ихъ первые, колеблющіеся шаги на пути самостоятельнаго творчества? Сравните грустный разсказъ одного изъ нашихъ скульпторовъ о годахъ, проведенныхъ имъ въ академіи художествъ, съ краснорѣчивымъ рисункомъ Бачіо Бандинелли, и скажите, вправѣ ли мы гордиться нашими оффиціальными храмами художествъ!

Искусство—цвѣтокъ, прихотливый и нѣжный, и возрастить его въ тепличной атмосферѣ не удается. Ему нужно Божіе небо, трезвящая прохлада горныхъ вершинъ, свѣтъ и тепло неподдѣльнаго солнца. Можно придумать, можно устроить, можно купить преподаваніе техническихъ пріемовъ, необходимыхъ каждому искусству. Но воздѣйствіе творческаго духа великихъ художниковъ на зарождающіеся таланты не можетъ быть ни организовано, ни предписано; это свободный процессъ, вытекающій изъ неуловимаго сродства духовныхъ складовъ и дарованій; это—таинство, совершающееся только силою любви.

Въ цвѣтущія времена пластическихъ искусствъ, всякій именитый художникъ творилъ, окруженный толпою имъ избранныхъ, его избравшихъ учениковъ. Эти юноши составляли его семью, были свидѣтелями и участниками его трудовъ, постоянными его собесѣдниками. Подъ глазами мастера, при драгоцѣнной его помощи и словомъ и дѣломъ, возникали ихъ первыя творенія. Кромѣ наставленій учителя, они пользовались бесѣдою зрѣлыхъ людей мысли и слова, всегда группирующихся вокругъ выдающихся художественныхъ дѣятелей. Этимъ путемъ укрѣплялось, расширялось умственное развитіе, столь необходимое художнику, столь трудно достижимое для

него путемъ школьнаго ученія, ибо времени на него мало за обязательнымъ упражненіемъ въ художественномъ дѣланіи. Ученики великаго мастера знакомились, въ его мастерской, съ выдающимися представителями общества духовнаго и свѣтскаго, съ корифеями иныхъ областей творчества, поэтами, музыкантами. Молодые ихъ годы озарялись отблескомъ той полной художественной жизни, коею жилъ ихъ учитель. Зарождающіеся таланты встрѣчали тонкихъ цѣнителей, могучихъ покровителей.

И, что всего важнѣе, у нихъ на глазахъ совершалось художественное творчество учителя. Сокровенная суть этого творчества, конечно, ускользаетъ отъ всякаго наблюденія. Но въ искусствахъ пластическихъ, всякій стадій этого процесса воплощается въ видимыхъ твореніяхъ—эскизахъ, этюдахъ, постепенно совершенствующихся рисункахъ. При самомъ окончательномъ исполненіи, замыселъ художника очищается и преобразуется. Изъ всей этой видимой работы мастера чуткій ученикъ почерпаетъ безконечный рядъ незамѣнимыхъ поученій. А индивидуальная забота учителя о каждомъ изъ учениковъ? А указаніе, всякому въ отдѣльности, тѣхъ работъ, которыя ему нужны для усовершенствованія его техники, для расширенія его художественнаго пониманія? А совѣтъ и помощь учителя при первыхъ шагахъ ученика въ области самостоятельнаго творчества?

Но все это, возразятъ мнѣ, принадлежитъ далекому, невозвратному прошлому. Иныя времена, иные нравы. Измѣнилось общественное положеніе художниковъ, измѣнились условія художественной дѣятельности. Современныя формы художественнаго образованія—единственныя возможныя въ нашъ вѣкъ широкой, поспѣшной дѣятельности по всѣмъ отраслямъ человѣческаго творчества. Ихъ постоянство, ихъ правильность, ихъ многосторонность—великій прогрессъ сравнительно съ случайными, часто односторонними формами, которыя принимало это преподаваніе во времена былыя.

Не могу съ этимъ согласиться. Сущность искусства вѣчно остается одна и та же. Неизмѣнны и пути воздѣйствія свѣтилъ искусства на юныя силы, стремящіяся подняться до высотъ самостоятельнаго творчества.

Говорю съ такою увѣренностію потому, что не по однимъ разсказамъ Вазари, не по однимъ рисункамъ Бандинелли знакомъ я съ этими вещами, но самъ былъ очевидцемъ, хотя и не въ области искусствъ пластическихъ, подобныхъ отношеній между мастеромъ и учениками, самъ дышалъ тою атмосферою любви, благоговѣнія и мира, которою вѣетъ отъ сохранившагося призрака мастерской XVI-го вѣка.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, въ Веймарѣ, я часто видался съ однимъ изъ величайшихъ художниковъ нашего столѣтія, съ незабвеннымъ Францемъ Листомъ. Я присутствовалъ на музыкальныхъ собраніяхъ, безпрестанно происходившихъ въ его домѣ, я вращался въ кругу его учениковъ. До сихъ поръ предо мною живо рисуется привлекательная, глубоко-поучительная картина этой дружной семьи.

Всякій юноша, вступавшій въ сферу вліянія Листа, если только въ немъ теплилась малѣйшая искра истиннаго дарованія, становился предметомъ его неусыпныхъ попеченій. Величайшій знатокъ композиторской техники, недосягаемый мастеръ музыкальнаго исполненія, Листъ въ этихъ областяхъ былъ учителемъ несравненнымъ. Но всего болѣе радовало его, всего болѣе вызывало съ его стороны стараній и содѣйствія — всякое проявленіе въ его ученикахъ самобытнаго творчества, всякая ихъ попытка выразить своимъ языкомъ собственную мысль. На его музыкальныхъ *matinées* постоянно исполнялись музыкальныя новинки, посылаемыя ему со всѣхъ краевъ свѣта. Но съ особеннымъ вниманіемъ исполнялись и обсуждались сочиненія наличныхъ его учениковъ. Съ необычайною чуткостію учитель улавливалъ въ этихъ твореніяхъ, часто незрѣлыхъ и слабыхъ, всякую ориги-

нальную, хотя и недоказанную мысль, всякій удачный гармоническій оборотъ, всякій счастливый намекъ. Онъ хватался за эти проблески музыкальной мысли, старался закруглить недосказанныя темы, импровизировалъ, на нихъ блестящія варіяціи, облекалъ ихъ въ неожиданныя гармоніи, восхищался, журилъ, поощрялъ, волновался, и потокомъ лились изъ его устъ мѣткія замѣчанія, тонкія оцѣнки, исполненныя ума и фантазіи. При мнѣ около него были собраны Бюловъ, Раффъ, Таузигъ, множество другихъ, имена коихъ, быть можетъ теперь знаменитыя, ускользнули изъ моей памяти. Всѣ они составляли тѣсно сплоченный кружокъ, беззавѣтно преданный обожаемому учителю.

Въ то же время Листъ поддерживалъ самыя близкія сношенія съ просвѣщеннымъ Веймарскимъ дворомъ, свято хранящимъ преданія своего великаго прошлаго, съ учеными Іенскаго университета, съ художниками и писателями всего міра. При мнѣ, ко дню рожденія Листа, живописецъ Штейнле прислалъ ему мистическій рисунокъ, изображавшій св. Франциска Ассизскаго (его патрона), шествующаго по волнамъ, съ пламенными угольями въ рукахъ. Зашелъ оживленный разговоръ о значеніи этой композиціи, и Листъ вызвалъ меня выразить мысль художника въ стихахъ. Я набросалъ нѣсколько строфъ, и одна изъ талантливыхъ ученицъ Листа сочинила на этотъ текстъ прекрасную мелодію церковнаго характера. Листъ восхитился ею и построилъ на ней величественный хоръ, который и былъ исполненъ въ день его рожденія... Къ тому же дню, высокодаровитыя дочери знаменитой Беттины Арнимъ прислали художественные *dessus de porte* своей работы—нотныя строки, между которыми граціозные геніи играютъ нотными знаками, перекидываются діэзами и бемолями...

Привожу эти мелочи, чтобы дать понятіе объ оживленномъ строѣ художественной жизни, охватывавшей учениковъ Листа, о разнообразныхъ возбужденіяхъ мысли

и чувства, которыя одухотворяли строгую работу, задаваемую имъ учителемъ. И все это происходило не въ XVI-мъ вѣкѣ, а во второй половинѣ XIX-го—конечно, не въ одной изъ міровыхъ столицъ Европы, а въ крошечной резиденціи, потонувшей въ зелени дивнаго парка, созданнаго величавой думою старѣющагося Гёте.

И зачѣмъ ходить такъ далеко? Развѣ можемъ мы забыть, чѣмъ были для музыкантовъ старшаго поколѣнія семьи гр. Вьельгорскихъ и Львовыхъ, домъ кн. Одоевскаго, чѣмъ были Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ для возникавшихъ при ихъ жизни литературныхъ талантовъ? Да, у насъ были и есть школы литературныя и музыкальныя. Въ области же искусствъ изобразительныхъ мы до сихъ поръ не имѣли ничего подобнаго. У насъ есть училища живописи и ваянія, есть академія. Но живописныхъ школъ въ смыслѣ внутреннемъ, историческомъ, но свободныхъ группъ воспитывающихъ другъ друга художниковъ, по преемственности въ идеалахъ творчества, но широкихъ теченій художественной дѣятельности у насъ до сихъ поръ не возникало. Художники наши творятъ разрозненно, часто вдали отъ родины. Не къ кому и не къ чему примкнуть возникающимъ талантамъ...

Но, скажутъ мнѣ, какое дѣло сельскому учителю до всѣхъ сихъ художественныхъ соображеній, до Бандинелли и до Листа, и до дочерей Беттины? Не лучше ли ему знать свой Часословъ, да Псалтирь, и ограничивать свои заботы тѣмъ, чтобы ребята уразумѣли смыслъ квадратной и кубической мѣры, да ставили, гдѣ слѣдуетъ, букву *п*?

Радъ, душевно радъ былъ бы я послѣдовать столь мудрому совѣту, тѣмъ болѣе, что учить грамотѣ и ариѳметикѣ я кое-какъ выучился, учить же живописи и музыкѣ—не въ состояніи.

Но что же дѣлать, если, имѣя постоянно передъ глазами сотни крестьянскихъ мальчиковъ, неизбѣжно наталкиваешься между ними на художественные таланты? Не берусь рѣшить вопроса, почему въ мѣстности, доступной моему наблюденію, таланты эти преимущественно клонятся къ искусствамъ изобразительнымъ. Явленіе это для меня загадочно. Скорѣе можно было бы ожидать возникновенія талантовъ музыкальныхъ, ибо крестьянскія дѣти съ колыбели слышатъ народныя пѣсни, ибо они въ школахъ обучаются пѣнію церковному, между тѣмъ какъ въ крестьянскомъ обиходѣ не имѣется самыхъ элементарныхъ орудій рисованія, и въ сельскихъ школахъ не преподается даже черченіе. Но фактъ на лицо. Всѣ крестьянскіе ребята, какъ только имъ въ руки попадетъ аспидная доска и грифель, начинаютъ чертить рисунки, болѣе или менѣе безобразные. Но пересмотрите сотни этихъ аспидныхъ досокъ, и вамъ попадутся рисунки, свидѣтельствующіе о способностяхъ несомнѣнныхъ. Повторяйте этотъ обзоръ въ теченіе многихъ лѣтъ, и вамъ будутъ попадаться вещи изумительныя...

При этомъ невольно приходитъ на память, сколь малый процентъ нашихъ крестьянскихъ ребятъ проходитъ черезъ правильную школу, сколь безконечно малы шансы проявленія, независимо отъ школы, таланта къ рисованію. Мальчикъ растетъ, никогда не имѣя въ рукахъ листа бумаги, никогда не видавши карандаша. Въ немъ шевелится смутное стремленіе изображать то, что онъ видитъ. Онъ беретъ уголекъ и чертитъ на стѣнѣ. За это его, разумѣется, сѣкутъ. Болѣе изобрѣтательные портятъ рѣпу и рѣдьку, вырѣзая изъ нея лошадокъ, человѣческія фигуры и за это, конечно, не остаются безъ наказанія. Понятно, что при нѣкоторой послѣдовательности со стороны родителей, ребята основательно отучаются отъ подобныхъ шалостей, и художникъ *in potentia* доживаетъ свой вѣкъ, даже не подозрѣвая, что

значитъ, во что могло бы воплотиться то неясное стремленіе, которое въ дѣтствѣ заставляло его пачкать стѣны, которое позже тянетъ его къ чему-то, не имѣющему имени на его мысленномъ языкѣ.

Но положимъ, что нашъ мальчикъ попалъ въ школу, что у него есть подъ руками и аспидная доска, и грифель, и бумага, и карандаши, и что въ школѣ ему не запрещаютъ рисовать, сколько душѣ угодно. Много ли у насъ школьныхъ учителей, сельскихъ батюшекъ, достаточно внимательныхъ, одаренныхъ достаточнымъ эстетическимъ чутьемъ, чтобы замѣтить, оцѣнить первые, неясные проблески зарождающагося художественнаго таланта? А кто, кромѣ этихъ двухъ лицъ, можетъ обратить вниманіе на пачкотню крестьянскаго школьника? Близкое участіе людей образованныхъ, художественно развитыхъ, къ сельской школѣ—явленіе весьма рѣдкое. Размноженіе нашихъ сельскихъ школъ по времени какъ разъ совпало съ бѣгствомъ изъ деревень почти всѣхъ образованныхъ помѣщиковъ, а иныхъ, истинно образованныхъ сельскихъ жителей, у насъ до сихъ поръ не завелось.

Предположимъ, наконецъ, наилучшія условія: школу, за которою внимательно слѣдитъ человѣкъ образованный, способный подмѣтить и оцѣнить зарождающійся талантъ по первымъ, ребяческимъ его попыткамъ; предположимъ вдобавокъ, что этотъ ревнитель школьнаго дѣла обладаетъ достаточными матеріальными средствами, чтобы дать маленькому рисовальщику дальнѣйшее художественное образованіе. Но и при такомъ невѣроятно счастливомъ стеченіи обстоятельствъ сколько затрудненій техническихъ и нравственныхъ!

Віоле-ле-Дюкъ, тотъ тонкій художникъ, тотъ симпатичный писатель, отъ котораго мы узнали (къ сожалѣнію, не всѣ), что существуетъ самобытная, призванная къ широкому развитію въ будущемъ, русская архитектура,—въ прелестной книжкѣ *) описалъ художествен-

*) Comment on devient dessinateur.

ное развитіе крестьянскаго мальчика. Онъ разсказываетъ намъ, какъ старый холостякъ (вооруженный всѣми умѣніями и знаніями самого Віоле-ле-Дюка) по одному грубому рисунку (сообщенному въ текстѣ) угадываетъ способности ребенка, какъ онъ посвящаетъ свою жизнь на воспитаніе открытаго имъ таланта; какъ ребенокъ, подъ его руководствомъ, становится прелестнымъ юношею, всецѣло преданнымъ искусству и, наконецъ, самостоятельнымъ, сильнымъ художникомъ, славою своей родины.

Нужно ли подчеркнуть, что отвлеченная возможность такихъ совпаденій равняется практической невозможности; что, напримѣръ, въ русской сельской школѣ талантливый мальчикъ никогда не попадется на глаза русскому Віоле-ле-Дюку?

Дай Богъ, чтобы онъ попался на глаза человѣку осторожному и разумному. Въ сельской школѣ, при неизбѣжной краткости ея курса, невозможны правильныя художественныя упражненія. Оставить, по окончаніи этого курса, талантливаго мальчика при школѣ, безъ опытнаго руководителя, не помогаетъ дѣлу. Оторвать же отъ сохи крестьянскаго мальчика, въ предположеніи, что изъ него разовьется самостоятельный художникъ, изъ глухой деревенской среды бросить его въ мутную жизнь столицы, въ пеструю толпу воспитанниковъ нашихъ художественныхъ школъ,—это значитъ брать на себя страшную нравственную отвѣтственность, ибо какъ безошибочно угадать въ ребенкѣ ту степень таланта, ту силу характера, которыя необходимы для успѣшнаго художественнаго поприща?

Тутъ необходимъ переходный стадій, предварительный искусъ. Таковымъ представляется художественное ремесло, и по преимуществу то изъ художественныхъ ремеслъ, которое доступно и самымъ скромнымъ талантамъ, а между тѣмъ соприкасается съ высшими задачами искусства, а именно *иконопись*. Школа иконописи существуетъ у насъ при многихъ монастыряхъ. Лучшая изъ нихъ

(при Троице-Сергіевой Лаврѣ), къ сожалѣнію, нынѣ мало доступна, вслѣдствіе переполненія ея учащимися: съ нею недавно слита Московская епархіальная школа иконописи. Кромѣ того, недавно открыта, трудами братства св. Александра Невскаго, школа иконописи при двухъ-классномъ училищѣ села Холуй (Владимірской губерніи), въ коемъ издавна процвѣтало, а за послѣднія десятилѣтія значительно упало кустарное ремесло иконописанія. Пишущій эти строки обязанъ вѣчною, глубочайшею признательностью Лаврѣ преподобнаго Сергія, пріютившей трехъ изъ его воспитанниковъ и давшей имъ первоначальное художественное образованіе. Лаврскою иконописною школою руководитъ о. іеромонахъ Симеонъ, искусный художникъ и человѣкъ высокаго духовнаго строя. По его совѣту, двое изъ моихъ питомцевъ перешли въ Московское Училище Живописи и Ваянія, и успѣхи ихъ, художественные и матеріальные, превзошли мои ожиденія. Третій еще обучается при Лаврѣ.

И при всемъ томъ, можетъ ли моя совѣсть быть спокойною относительно этихъ трехъ юношей? Всѣ несовершенства, вся недостаточность школьнаго обученія искусству съ удвоенною силою выступаютъ наружу, когда дѣло идетъ о мальчикахъ крестьянскаго сословія. Послѣ элементарнаго курса начальной школы въ ихъ общемъ образованіи происходитъ перерывъ, ибо нужно нѣсколько лѣтъ художественной практики для того, чтобы талантъ обозначился въ той мѣрѣ, каторая оправдывала бы помѣщеніе ихъ въ одну изъ высшихъ школъ живописи. Въ эту школу они поступаютъ съ художественными умѣніями, развитыми несоразмѣрно съ ихъ школьными знаніями, и въ послѣднихъ неминуемо успѣваютъ мало. По окончаніи курса имъ предстоитъ и трудный процессъ самообразованія, и выборъ путей и объема самостоятельной художественной дѣятельности. Сколько ума, характера, воли, сверхъ художественныхъ дарованій, нужно для того, чтобы вести совмѣстно и правильно, безъ посторонней помощи, рѣшеніе обѣихъ этихъ задачъ.

Но, быть можетъ, я говорю о явленіяхъ, столь исключительныхъ и рѣдкихъ, что забота о нихъ преждевременна и неумѣстна, въ виду столь многихъ иныхъ, настоятельныхъ заботъ? Перечтите автобіографіи Солнцева, Крамскаго, Пожалостина, Сѣрякова, Голышева... Приглядитесь къ сѣрой массѣ учениковъ нашихъ сельскихъ школъ. Вы убѣдитесь, что художественная даровитость русскаго народа есть факторъ народной жизни, заслуживающій полнаго вниманія. Въ теченіе тринадцати лѣтъ я рѣшился направить на художественную дѣятельность лишь трехъ изъ мальчиковъ, обущающихся въ той группѣ сельскихъ школъ, за коими я имѣю возможность слѣдить. Теперь я убѣдился, что я могъ бы смѣло удвоить это число. И это въ глухой, малонаселенной мѣстности, въ районѣ какихъ-нибудь 25 верстъ!

Чего же желать, что дѣлать, чтобы таланты, зарождающіеся въ деревенской глуши, получили возможность обнаружиться и развиться?

Прежде всего, нужно усиленное вниманіе людей образованныхъ и достаточныхъ къ нашимъ сельскимъ школамъ. Затѣмъ желательно размноженіе и усовершенствованіе нашихъ иконописныхъ школъ. Желательно имѣть таковую въ каждой губерніи, по возможности вдали отъ городовъ, при монастырѣ или при хорошей, богатой сельской школѣ. Необходимо, чтобы эти школы учили не одному иконописному ремеслу, но и рисованію съ гипса и съ натуры; чтобы онѣ, правильнымъ и осмысленнымъ преподаваніемъ Закона Божія, русскаго языка, отечественной исторіи, геометріи, укрѣпляли духъ и умы учениковъ, расширяли кругъ ихъ положительныхъ знаній. Такія школы дали бы вѣрный кусокъ хлѣба и самымъ скромнымъ талантамъ, неспособнымъ подняться до самостоятельнаго творчества. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ создали бы удобную среду, въ коей могли бы обозначиться и окрѣпнуть таланты высшаго полета.

Утверждаю, что желательны именно школы иконописи,

а не техническаго рисованія. И это по двумъ причинамъ, кидающимся въ глаза. Во-первыхъ, изъ всѣхъ художественныхъ ремеслъ, иконопись—самое близкое къ духовнымъ потребностямъ народной массы, и поэтому самому—наиболѣе прибыльное. Во-вторыхъ, ремесло это соприкасается съ самыми высокими сферами искусства, открываетъ перспективы несравненно болѣе широкія, чѣмъ геометрическое черченіе и рисованіе орнаментовъ. На первыхъ же порахъ рѣчь можетъ идти только о привлеченіи къ художественной дѣятельности талантовъ выдающихся, несомнѣнныхъ. Курсъ техническаго рисованія предпочтителенъ развѣ для будущаго архитектора.

Нужно ли прибавить, что занятія иконописью, какъ приступъ къ художественной дѣятельности, для воспитанниковъ сельскихъ школъ, имѣютъ иное, высшее значеніе? Наша бѣдная сельская школа, при всѣхъ ея несовершенствахъ, при всей своей жалкой заброшенности, обладаетъ однимъ неоцѣненнымъ сокровищемъ. Она—школа христіанская; христіанская потому, что учащіеся ищутъ въ ней Христа, потому, что учащіе только Христа ради могутъ поднять тѣ труды, при коихъ возможенъ какой-либо успѣхъ. Это-то сокровище прежде всего надлежитъ сохранить въ душѣ нашихъ будущихъ художниковъ, если намъ дороги будущія судьбы русскаго искусства. Благоговѣйны, направлены къ цѣлямъ высокимъ и чистымъ должны быть первые шаги на этомъ трудномъ поприщѣ. Вотъ почему всего желательнѣе, чтобы школы иконописи возникали у насъ при истинныхъ, живыхъ монастыряхъ, или при живыхъ школахъ, соединяющихъ разнородныя учебныя силы въ сознательномъ служеніи единому, что есть на потребу.

Цвѣтъ русскаго искусства—впереди. Вся громадная художественная работа Россіи въ девятнадцатомъ вѣкѣ—работа подготовительная. Вся эта дивная выработка языка, всѣ эти смѣлости и тонкости музыкальной и живописной техники, все это глубокое усвоеніе народныхъ формъ

творчества, вся эта горячая и искренняя правдивость въ изображеніи дѣйствительности—все, что восхищаетъ насъ съ дѣтства и начинаетъ изумлять Европу—все это лишь драгоцѣнный матеріалъ, изъ коего будетъ воздвигнуто величавое зданіе русскаго искусства двадцатаго вѣка. Недаромъ всѣ наши великіе художники кончаютъ жизнь мучимые жаждою вещей божественныхъ, или замолкаютъ въ ужасѣ передъ великими тайнами жизни и смерти. Эта жажда будетъ утолена, этотъ ужасъ разсѣется. Неразрѣшимые логическою мыслію вопросы разрѣшаются только отвѣтами, воплощенными въ жизни—и въ искусствѣ. Все, что не дано намъ видѣть лицомъ къ лицу—какъ въ зеркалѣ, въ гаданіи—раскрываетъ намъ искусство—конечно не искусство журнальное, концертное, выставочное, бьющее на минутное раздраженіе мысли и чувства, а искусство, служащее

Nur ewigen und ernsten Dingen,

то цѣльное искусство, которое мы называемъ религіознымъ, и которое есть единственное, ибо все прочее—лишь его блестящіе осколки...

Да простятъ мнѣ читатели это слишкомъ широкое отступленіе. Но оно даже не отступленіе. Въ мірѣ семъ все связано: успѣхи сельской школы съ поэзіею Пушкина и музыкою Глинки,—будущія судьбы русскаго искусства съ жизнію русской сельской школы. Все сказанное было нужно, чтобы объяснить, почему желательно, чтобы художественные таланты, безпрестанно возникающіе въ средѣ нашего крестьянства, не проходили механическую школу нашихъ казенныхъ храмовъ искусства, а въ тихомъ, благоговѣйномъ трудѣ испытывали свои силы, пріобрѣтали извѣстную степень техническихъ умѣній, при коихъ и талантъ посредственный дастъ вѣрный кусокъ хлѣба; а въ случаѣ дарованія выдающагося, могли бы поступать, въ качествѣ личныхъ учениковъ, въ мастерскія нашихъ первоклассныхъ художниковъ.

О нашихъ выдающихся художникахъ, даже о тѣхъ, творческая дѣятельность коихъ наименѣе намъ симпатична, нельзя питать иного мнѣнія, какъ самое высокое. Отношеніе ихъ къ искусству—серьезное и искреннее. Ихъ достоинства, ихъ исканія, даже ихъ заблужденія свидѣтельствуютъ о неустанной, напряженной внутренней работѣ. Ни одинъ изъ нихъ еще не сказалъ своего послѣдняго слова. Быть можетъ, это слово будетъ высказано не ими, а ихъ учениками. Такъ не разъ бывало въ исторіи искусства. Тѣмъ желательнѣе, чтобы ихъ мастерскія сдѣлались высшими школами для избранныхъ учениковъ, чтобы въ области живописи мы дожили до тѣхъ же отрадныхъ явленій преемственности, творческаго рукоположенія, коихъ мы были свидѣтелями въ области литературы и музыки.

Итакъ, я благополучно вернулся къ Бандинелли и Листу, къ тѣмъ образцамъ преемственной художественной дѣятельности, которые воскресилъ передо мною старинный рисунокъ, которые сохранила во мнѣ память о дняхъ, давно минувшихъ. Многаго, быть можетъ, я не досказалъ. Но все, что я высказалъ, не надумано, а пережито и выстрадано, и найдетъ гдѣ-нибудь отголосокъ.

Отрывокъ второй.

Не разъ, въ теченіе моей учительской дѣятельности, приходилось мнѣ слышать отъ людей, сочувствующихъ школьному дѣлу, вопросъ, на который мнѣ было невозможно дать какой-либо отвѣтъ. Меня спрашивали, какое вліяніе оказываетъ моя школа на крестьянское населеніе нашего околодка; какъ отражается пребываніе въ ней на послѣдующей жизни моихъ учениковъ, на умственномъ и нравственномъ строѣ тѣхъ семействъ, которыя посылаютъ дѣтей своихъ въ школу. Вопросы вполнѣ естественные и законные. Школьная дѣятельность, не вносящая ничего добраго въ послѣдующую жизнь питом-

цевъ школы, была бы безсмысленною тратою времени и силъ; мало того, она приносила бы положительный вредъ, лишая дѣтей полнаго воздѣйствія той жизненной школы, въ коей руководителями ихъ являются ихъ родители—люди, хотя темные, но болѣе всѣхъ заинтересованные въ ихъ благѣ.

Но вопросы эти, при всей ихъ естественности и законности, до сихъ поръ казались мнѣ преждевременными. Мнѣ всегда думалось, что доброе вліяніе школы на жизненный строй пользующагося ею люда можетъ обнаружиться лишь черезъ нѣсколько поколѣній, что безспорные результаты въ этой области могутъ быть достигнуты лишь вѣками непрерывнаго труда. Приступая къ занятіямъ школьнымъ дѣломъ въ дѣтахъ уже зрѣлыхъ, я былъ вполнѣ убѣжденъ, что не доживу ни до одного изъ тѣхъ результатовъ, изъ за коихъ только и стоитъ заниматься этимъ дѣломъ. Убѣжденіе это, нисколько не умаляя моей вѣры въ пользу добросовѣстнаго школьнаго ученія, заставило меня работать усиленно, въ надеждѣ, что трудъ мой сколько-нибудь приблизитъ отдаленное время жатвы, которую собрать суждено не мнѣ, ибо—инъ есть сѣяй, и инъ есть жняй.

Но въ теченіе минувшей зимы случилось нѣчто, совершенно для меня неожиданное. Обнаружился симптомъ воздѣйствія моей школы на окрестное населеніе, который считаю долгомъ отмѣтить въ моихъ запискахъ, который считаю умѣстнымъ довести до свѣдѣнія моихъ собратій по школьному дѣлу. Симптомъ этотъ, пока ничтожный, но отрадный, быть можетъ, подастъ инымъ дѣятелямъ, болѣе меня авторитетнымъ, энергическимъ и умѣлымъ, мысль о нѣкоторомъ расширеніи ихъ школьной дѣятельности.

Разскажу дѣло по порядку.

Съ самаго начала моей школьной работы я не могъ не обратить вниманія на вопіющее зло, причиняемое моимъ ученикамъ постояннымъ усиленіемъ пьянства въ

крестьянской средѣ. Порокъ этотъ прививается къ крестьянскимъ дѣтямъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, еще задолго до поступленія въ школу. Конечно, привычка къ употребленію спиртныхъ напитковъ у малыхъ дѣтей не встрѣчается, но пристрастіе къ водкѣ между ними весьма распространено и постоянно поддерживается и усиливается безумнымъ обычаемъ родителей—подъ пьяную руку поить своихъ дѣтей и забавляться ужаснымъ зрѣлищемъ ихъ опьянѣнія, ихъ безсознательнымъ сквернословіемъ, ихъ подражаніемъ пьянымъ безобразіямъ старшихъ. Не знаю, видѣлъ ли читающій эти строки—пьянаго ребенка. Если онъ далекъ отъ среды, въ коей явленіе это—заурядное, не дай Богъ ему быть его свидѣтелемъ. Если же онъ къ ней близокъ, дай Богъ, чтобы онъ увидѣлъ то, чего описать я не берусь: вѣрю, что онъ сдѣлается моимъ сотрудникомъ.

А дѣти закоренѣлыхъ пьяницъ! Врачамъ хорошо извѣстны то сочетаніе малокровія съ зародышами всевозможныхъ нервныхъ недуговъ, та физическая и нравственная дряблость, тотъ роковой позывъ къ спиртнымъ напиткамъ, та печать наслѣдственнаго алкоголизма, съ коею приходится знакомиться и всякому внимательному учителю.

Само собою разумѣется, что въ моей школѣ пьянство сдѣлалось предметомъ частыхъ и настойчивыхъ бесѣдъ съ учениками. Онѣ казались успѣшными. Зло, столь очевидное, столь горько отзывающееся на жизни дѣтей, не могло представляться имъ иначе, какъ зломъ. Давались обѣщанія, принимались искреннія рѣшенія ему не поддаваться. Насчетъ необходимости ограждать отъ него дѣтей соглашались со мною и всѣ разумные родители. Но самый простой случай не замедлилъ убѣдить меня въ совершенной недостаточности подобныхъ поученій.

Между моими первыми учениками былъ мальчикъ, который постоянно радовалъ меня своимъ прекраснымъ характеромъ, своими способностями и успѣхами. Сынъ

зажиточныхъ родителей, крестьянъ землевладѣльцевъ, онъ не имѣлъ ни малѣйшей нужды отрываться отъ своей среды,—искать занятій въ городахъ. Но по окончаніи курса въ моей школѣ, онъ учился еще два года въ министерскомъ двухклассномъ училищѣ, тогда, по случайнымъ обстоятельствамъ, находившемся въ полномъ моемъ завѣдываніи; затѣмъ мнѣ удалось подучить его землемѣрію, и онъ вернулся въ семью, къ земледѣльческому труду, къ коему не утратилъ ни способности, ни охоты, а въ свободное время сталъ заниматься межеваніемъ. Ко мнѣ и къ моей школѣ онъ сохранилъ самыя близкія отношенія.

Лѣтъ семь тому назадъ, вскорѣ послѣ одного изъ нашихъ храмовыхъ праздниковъ, въ аллеѣ, проходящей по близости отъ школы, встрѣтился мнѣ мой питомецъ. Сидѣлъ онъ въ телѣгѣ, какъ-то странно покачиваясь, и на окликъ мой окинулъ меня мутнымъ, безсмысленнымъ взглядомъ...

Онъ былъ совершенно пьянъ.

У меня захватило духъ отъ раскаянія и стыда. Оказалось вдругъ, несомнѣнно, неопровержимо, что для этого юноши, столь счастливо одареннаго, о коемъ я такъ много думалъ, такъ много старался, я не сдѣлалъ ровно ничего, или точнѣе, упустилъ сдѣлать то, безъ чего все прочее ни малѣйшей цѣны не имѣетъ,—не закалилъ его воли противъ самаго обыденнаго, самаго опаснаго изъ искушеній.

Для меня стало очевиднымъ, что для огражденія моихъ учениковъ отъ окружающаго ихъ зла нужны средства болѣе сильныя, чѣмъ простыя увѣщанія и поучительныя рѣчи, и единственное средство, которое я могъ придумать, было устройство, въ тѣсномъ кругу моихъ учениковъ (изъ коихъ многіе въ то время были уже взрослые),—общества трезвости, т. е. абсолютнаго воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ. Мысль о такомъ обществѣ была встрѣчена большинствомъ моихъ учениковъ въ

высшей степени сочувственно, и 5-го іюля 1882 г., въ день моихъ именинъ, послѣ молебна преподобному Сергію, нами былъ произнесенъ въ церкви торжественный обѣтъ такого воздержанія, срокомъ на одинъ годъ *). Съ тѣхъ поръ обѣтъ этотъ ежегодно возобновлялся 5-го іюля почти тѣми же лицами, съ небольшимъ ежегоднымъ приростомъ. Число членовъ нашего общества колебалось между 50 и 70 (кромѣ дѣтей). Состояло общество почти исключительно изъ бывшихъ учениковъ Татевской школы, и постоянное его ядро составляли вышедшіе изъ этой школы учителя.

Польза, приносимая этимъ маленькимъ обществомъ его членамъ, не замедлила обнаружиться. Абсолютная трезвость моихъ учителей придала ихъ дѣятельности ту непрерывность, ту порядочность, безъ коихъ немыслимъ успѣхъ школьнаго дѣла, возвысила ихъ авторитетъ въ глазахъ учениковъ и ихъ родителей; художниковъ моихъ она оградила отъ тысячи искушеній, удвоила ихъ способность къ производительному труду; тѣхъ изъ моихъ учениковъ, коимъ пришлось искать хлѣба насущнаго вдали отъ родины, въ разнообразныхъ практическихъ занятіяхъ, она разительно подняла въ цѣнѣ. Нечего и говорить о томъ, что для тѣхъ изъ моихъ учениковъ, которые поступили въ званіе духовное, трезвость пріобрѣла величайшую важность. Всѣмъ она принесла ту невѣсомую, но неоцѣненную пользу, которую приноситъ всякое сознательное самоограниченіе, всякое постоянное упражненіе воли, направленной къ добру.

Тѣмъ не менѣе, я не рѣшался дѣйствовать въ смыслѣ расширенія нашего маленькаго общества. Лишенный всякаго краснорѣчія, говорить съ толпою я неспособенъ, умѣю говорить съ людьми только въ одиночку, а на

*) Вслѣдъ затѣмъ мнѣ было разъяснено, что обѣты въ такой формѣ, слишкомъ напоминающей присягу, допущены быть не могутъ. Ограничиваемся теперь молебномъ, внутреннимъ обѣтомъ и цѣлованіемъ иконы.

такіе разговоры школьныя занятія оставляютъ мнѣ весьма мало времени. Къ тому же, я боялся вызывать обѣщанія слишкомъ необдуманныя и поспѣшныя со стороны лицъ, недостаточно мнѣ знакомыхъ, боялся наплыва въ общество членовъ неблагонадежныхъ. Впрочемъ, я пользовался, для бесѣдъ о трезвости, единственнымъ случаемъ, который для этого представляетъ мой образъ жизни. Въ воскресные дни, между утренею и обѣднею, въ школу приходятъ многіе крестьяне, приходятъ въ настроеніи добромъ и благоговѣйномъ, съ желаніемъ услышать, или, если они грамотны, прочесть что-либо душеполезное. Въ разговорахъ съ ними рѣчь, естественнымъ образомъ, весьма часто касалась пьянства: немногіе изъ нихъ (по большей части родители или родственники моихъ учениковъ) присоединялись къ нашему обществу трезвости.

Такъ тянулось дѣло до прошлой осени. Но тутъ внезапно наступила перемѣна. Въ воскресенье, 25-го сентября, ко мнѣ пришли передъ обѣднею семь крестьянъ, почти всѣ мнѣ незнакомые, изъ разныхъ, отчасти отдаленныхъ деревень, и рѣшительно и настойчиво заявили желаніе присоединиться къ нашему обществу. Я подумалъ, что собрались они въ этотъ день потому, что это—день памяти преподобнаго Сергія, во имя коего устроено наше общество, но оказалось, что никто изъ нихъ этого не зналъ, и совпаденіе это произвело на новыхъ членовъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ не прошло ни одного воскресенья, ни одного праздника (за изъятіемъ двухъ или трехъ), безъ новыхъ присоединеній, и нынѣ число членовъ нашего общества возросло до 383. Къ великой моей радости, ни въ одинъ изъ этихъ дней число присоединеній не было значительно, что̀ дало мнѣ возможность поговорить почти съ каждымъ изъ новыхъ членовъ въ отдѣльности. Лишь одинъ разъ число это возросло до 29; но это все были люди знакомые, изъ ближайшихъ деревень,—отцы, матери, братья нашихъ учениковъ.

Но этого мало. Еще въ теченіе прошлаго года, въ двухъ сосѣднихъ приходахъ, Травинѣ и Шопотовѣ, возникли, по иниціативѣ молодыхъ, усердныхъ священниковъ *), общества трезвости, подобныя Татевскому, а въ селѣ Пречистомъ, Духовщинскаго уѣзда, въ коемъ священствуетъ одинъ изъ бывшихъ учителей моихъ школъ, заразъ дали обѣтъ трезвости 250 человѣкъ. Великимъ постомъ возникли общества трезвости въ сосѣднемъ селѣ Меженинкѣ, подъ вліяніемъ прекрасной тамошней школы, и въ селѣ Дровнинѣ, Гжатскаго уѣзда, гдѣ учительствуетъ бывшій мой помощникъ В. А. Лебедевъ, молодой человѣкъ, обладающій рѣдкими педагогическими талантами и прекраснымъ даромъ слова. Тутъ, благодаря дружной дѣятельности учителя и образцоваго, всѣми любимаго священника (его отца), дѣло пошло особенно успѣшно: число членовъ быстро возрасло до 700.

Смутное движеніе это, несмотря на свои болѣе, чѣмъ скромные размѣры, заслуживаетъ вниманія, вызываетъ на размышленіе о его причинахъ. Отмѣчу то, что выяснилось для меня изъ наблюденій моихъ надъ нимъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ играютъ не малую роль причины весьма общія. Изъ нихъ прежде всего бросается въ глаза—значительное усиленіе пьянства за послѣднее десятилѣтіе, подъ вліяніемъ новаго питейнаго устава и экономическихъ невзгодъ послѣднихъ годовъ. Значительное умноженіе мѣстъ раздробительной продажи спиртныхъ напитковъ (винныя лавки, de facto—тѣ же кабаки), возъимѣло свое естественное дѣйствіе. Въ то же время, общее безденежье повлекло за собою чудовищное развитіе пагубнаго обычая платить за разныя сельскія

*) Священники эти долго колебались принять на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ, которое представлялось имъ преждевременнымъ, едва ли позволительнымъ, но движеніе, возникшее въ Татевѣ, побѣдило ихъ сомнѣнія.

работы не деньгами, а водкою. Обычай этотъ, въ хозяйствахъ кабатчиковъ составляющій правило, распространился на всѣ мелкія и среднія хозяйства потому, что въ рабочую пору всѣ доходы предыдущаго года въ нихъ истощены, а единственные мѣстные капиталисты — тѣ же кабатчики, естественнымъ образомъ предпочитаютъ ссужать своихъ нуждающихся сосѣдей водкою, которая послѣ жатвы возвращается имъ, съ приличными процентами, хлѣбомъ или деньгами. Этимъ способомъ получалась, повидимому дешево, работа весьма дешеваго качества, но уже прошлымъ лѣтомъ, вслѣдствіе возрастающей требовательности рабочихъ относительно количества водки, дешевизна эта оказывалась мнимою, и работы эти принимали характеръ безобразныхъ попоекъ. По странному извращенію понятій, такія работы за водку не считаются грѣховными и въ воскресные и праздничные дни, хотя и по большей части начинаются послѣ обѣдни, но, въ силу удаленности большинства деревень отъ церквей, въ значительной мѣрѣ отвлекаютъ народъ отъ посѣщенія церковныхъ службъ. Само-собою разумѣется, что и при всѣхъ прочихъ денежныхъ сдѣлкахъ, подъ вліяніемъ кабатчиковъ, безъ помощи коихъ онѣ не обходятся, деньги, гдѣ только это возможно, замѣняются водкою. Слѣдствіе всего этого—ужасающее возрастаніе пьянства, ежегодное учащеніе случаевъ замерзанія, утопленія, убійствъ, совершенно не предумышленныхъ, въ пьяныхъ дракахъ, наконецъ, случаевъ смертельнаго отравленія алькоголемъ. Не говорю уже о послѣдствіяхъ пьянства, менѣе рѣзкихъ, но болѣе общихъ: о безчисленныхъ болѣзняхъ, развратѣ, семейныхъ раздорахъ, обнищаніи, постепенномъ нравственномъ одичаніи... Отвращеніе и ужасъ, возбуждаемые въ здоровой части сельскаго населенія этими повсемѣстными, грозными явленіями, несомнѣнно способствовали возникновенію въ нашихъ краяхъ обществъ трезвости.

Но это—причина лишь предрасполагающая, сама по

себѣ очевидно недостаточная, чтобы вызвать энергическій отпоръ возрастающему злу. Есть причины ближайшія, и на одну изъ нихъ считаю долгомъ настойчиво указать.

Между этими причинами на первомъ планѣ стоитъ размноженіе школъ. Движеніе возникло въ школьной средѣ, ею поддерживается и распространяется. Только въ доброй школѣ дѣти слышатъ безусловное порицаніе пьянства, слышатъ своевременное предостереженіе отъ пагубной привычки, и—что еще важнѣе,—только въ ней видятъ они примѣръ жизни, совершенно трезвой, испытываютъ на себѣ ея благотворное вліяніе. Только между бывшими воспитанниками школъ встрѣчаются люди, усердно хлопочущіе о распространеніи трезвости въ своихъ семьяхъ, въ своихъ деревняхъ. Конечно, еще болѣе, чѣмъ ихъ рѣчи, дѣйствуетъ ихъ примѣръ, видъ того относительнаго благосостоянія, которое водворяется въ трезвой семьѣ въ силу одной ея трезвости. При этомъ не остался безъ вліянія и примѣръ тѣхъ изъ учениковъ нашихъ школъ, которые, благодаря твердой грамотности, трезвости и честности, отчасти при способностяхъ самыхъ заурядныхъ, устроили свою жизнь съ выдающимся успѣхомъ. Изъ предварительной бесѣды съ лицами, приходящими присоединиться къ нашему обществу трезвости, я почти постоянно узнаю, что первымъ побужденіемъ къ этому шагу послужило знакомство съ кѣмъ-либо изъ давнишнихъ членовъ общества, задушевный съ нимъ разговоръ, или просто выгодное впечатлѣніе, произведенное этими членами на праздникѣ или свадьбѣ.

Но еще существеннѣе, еще дѣйствительнѣе этого прямаго вліянія школы на распространеніе трезвости—ея косвенное вліяніе, посредствомъ оживленія и углубленія религіознаго чувства. Религіозный характеръ всегда присущъ русской сельской школѣ, ибо постоянно вносится въ нее самими учениками. Чтобы заглушить его, нужны мѣры искусственныя: превратное воспитаніе учителей,

въ большинствѣ вышедшихъ изъ той же крестьянской среды,—и тогда школа просто вредна,—и систематическое развращеніе дѣтей дурными примѣрами. Въ нашемъ школьномъ районѣ, въ коемъ большинство учителей—воспитанія домашняго, этихъ неестественныхъ условій не существуетъ. Можетъ быть, зло, причиняемое въ этомъ отношеніи учителями, вообще не такъ велико, какъ это можетъ казаться по отдѣльнымъ рѣзкимъ случаямъ. Продолжительность, сколько-нибудь значительную, имѣетъ педагогическая дѣятельность лишь учителей домашняго воспитанія, замѣтное же вліяніе на нравственный строй учащихся пріобрѣтается лишь продолжительною учительскою дѣятельностію на одномъ мѣстѣ.

Какъ бы то ни было, но въ нашей мѣстности размноженіе правильно поставленныхъ школъ имѣло вліяніе на оживленіе религіознаго чувства. Церкви во время службы все болѣе наполняются, часто не вмѣщаютъ молящихся. До сихъ поръ я приписывалъ это явленіе устройству при церквахъ школьныхъ пѣвческихъ хоровъ и не придавалъ ему особеннаго значенія. Но за послѣдніе два года стало рѣзко обозначаться, кромѣ увеличенія числа богомольцевъ, измѣненіе въ составѣ молящейся братіи. Еще лѣтъ десять тому назадъ, главный контингентъ посѣтителей церквей составляли люди пожилые и старые. Нынѣ же большинство молящихся—люди молодые. Что ихъ привлекаетъ въ церковь не одно пѣніе—ясно обнаружилось минувшею зимою. Эти усердные посѣтители церквей первые примкнули къ нашимъ возникающимъ обществамъ трезвости.

Въ теченіе двухъ истекшихъ зимъ, весьма часто въ нашей церкви произносились поученія—двумя моими помощниками, окончившими курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ и горячо преданными дѣлу трезвости. Кромѣ того, въ нашей школѣ и въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ установился обычай, между утренею и обѣднею, читать вслухъ заходящимъ въ школы крестьянамъ что-нибудь

назидательное. Всего пригоднѣе для такихъ чтеній, по размѣрамъ отдѣльныхъ статей, по богатству содержанія, прекрасному языку и задушевному тону, оказались «Троицкіе листки» издаваемые о. Никономъ, іеромонахомъ Троице-Сергіевой Лавры *). Наблюденія мои за двѣ минувшія зимы вполнѣ убѣдили меня въ томъ, что церкви наши привлекаютъ возрастающее количество богомольцевъ не однимъ церковнымъ пѣніемъ, но и возможностію услышать слово назиданія, а возникновеніе обществъ трезвости доказываетъ, на какую благодарную почву падаетъ это скромное сѣмя, какъ рядомъ съ вниманіемъ къ доброму слову рождается стремленіе осуществить въ жизни воспринятое сердцемъ ученіе. Рядомъ съ реакціею противъ пьянства постоянно является реакція противъ сквернословія, забота о достойномъ провожденіи праздничныхъ дней. Ибо преобладающимъ мотивомъ присоединенія къ обществу трезвости всегда является мотивъ религіозный; отнюдь не желаніе лишь вести жизнь экономически болѣе выгодную, а зажить жизнію «Богу угодною»; и только церковная форма отреченія отъ пьянства въ этомъ дѣлѣ оказалась болѣе, чѣмъ формою, а духовнымъ актомъ, связующимъ совѣсть.

Результаты эти, по размѣрамъ своимъ, собственно, ничтожны. Но знаю, что они порадуютъ всѣхъ истинныхъ друзей истиннаго школьнаго дѣла, знакомыхъ съ его трудностями, сознающихъ, какъ мало до сихъ поръ сдѣлано и криво сдѣлано на этомъ поприщѣ. Существующія у насъ сельскія школы, относительно налич-

*) Кромѣ „Троицкихъ листковъ“ съ величайшею охотою слушаются житія святыхъ, въ многочисленныхъ ихъ редакціяхъ, и всякія проповѣди, написанныя языкомъ простымъ и яснымъ. „Троицкіе листки“, направленные противъ пьянства (№№ 8, 70, 150, 454 и др.), доставили мнѣ случай впервые наблюдать практическое вліяніе печатнаго слова на сельскихъ грамотѣевъ. Нѣкоторые изъ нихъ, прочитавши эти листки (усердно мною распространяемые), пришли издалека присоединиться къ нашему обществу.—Такое же дѣйствіе на крестьянъ болѣе развитыхъ производитъ разсказъ о. Наумовича „Какъ устроились общества трезвости“.

ной потребности въ нихъ, столь малочисленны, каждая изъ нихъ до сихъ поръ столь недостаточно овладѣла собственнымъ своимъ школьнымъ райономъ, что толковать о скудной духовной пищѣ, доставляемой ими, преждевременно и совѣстно. Мы должны почитать себя счастливыми, если онѣ дѣйствуютъ, какъ ферментъ, какъ закваска, и если закваска эта оказывается здоровою и доброю.

Но прежде, чѣмъ указать на мои посильныя заключенія изъ школьнаго опыта минувшей зимы, не могу не упомянуть, съ глубокимъ стыдомъ и раскаяніемъ, объ одномъ обстоятельствѣ, существенно способствовавшемъ возникновенію нашихъ обществъ трезвости. Само собою разумѣется, что, приступая къ устройству, въ средѣ моихъ учениковъ, такого общества, я самъ безусловно отказался отъ употребленія всякихъ спиртныхъ напитковъ. При открытіи другихъ обществъ также нашлись люди изъ мѣстной интеллигенціи (священники, помѣщики), которые послѣдовали моему примѣру. Всѣ эти лица, точно такъ же, какъ и я, никогда не были пьяницами, а сдѣлали это изъ доброжелательства къ людямъ слабымъ, нуждающимся въ поддержкѣ не однимъ словомъ, но и примѣромъ. И эту простую вещь я догадался сдѣлать лишь подъ пятьдесятъ лѣтъ, послѣ долгихъ и безплодныхъ сокрушеній объ окружающемъ меня пьянствѣ! А между тѣмъ, это ничтожное самоограниченіе оказалось самымъ могучимъ рычагомъ моего личнаго участія въ дѣлѣ, такъ какъ поучать, проповѣдовать я рѣшительно не умѣю. Мало того, я убѣдился, что и люди, одаренные краснорѣчіемъ, проникнутые наилучшими намѣреніями, остаются совершенно безсильными въ борьбѣ съ пьянствомъ, пока лично не устранятъ отъ себя всякую его возможность... Никогда, столь ясно и горько, какъ по этому поводу, не чувствовалъ я степени моей личной виновности въ окружающемъ меня злѣ. Фактъ этой виновности, по отношенію къ пьянству,

особенно очевиденъ. Въ крестьянской средѣ не существуетъ того умѣреннаго, но постояннаго употребленія спиртныхъ напитковъ, коего придерживаются высшіе классы общества. Существуетъ абсолютная трезвость—или пьянство, болѣе или менѣе частое, болѣе или менѣе безобразное. Не средства для усиленія аппетита, не гигіенической приправы къ пищѣ, не легкаго, мимолетнаго возбужденія ищетъ крестьянинъ къ водкѣ, но быстраго, могучаго подъема нервнаго строя и слѣдующаго за нимъ безсознательнаго наркоза. Между тѣмъ, каждый изъ насъ, съ своей рюмкою водки передъ завтракомъ, обѣдомъ, ужиномъ, при добавочныхъ рюмкахъ и стаканахъ виноградnаго вина, поглощаетъ въ годъ несравненно болѣе алкоголя, чѣмъ самый отчаянный пьяница изъ крестьянъ. Убѣдить этого пьяницу, что мы, его осуждающіе — люди трезвые—болѣе чѣмъ трудно. Напротивъ того, получается впечатлѣніе, что мы, господа, толкующіе о трезвости, сами пьемъ вволю, чего ему никогда не удастся достигнуть. Слагается представленіе, что это питье вволю и есть одна изъ самыхъ завидныхъ привилегій людей образованныхъ и достаточныхъ... Не говорю уже о томъ, что въ низшихъ слояхъ нашей интеллигенціи,—съ коими преимущественно и постоянно приходятъ въ соприкосновеніе крестьяне,—въ ужасающихъ размѣрахъ (далеко превышающихъ пьянство деревенское) распространено пьянство самое безобразное.

Что же мы въ правѣ заключить изъ этого кратковременнаго опыта, изъ этихъ отрывочныхъ наблюденій?

Во-первыхъ, что не напрасны тѣ настойчивые труды, тѣ болѣе, чѣмъ скромныя издержки, которыя посвящаются возстановленію въ нашихъ сельскихъ школахъ характера церковнаго. Лишь такого характера школа способна распространить свое вліяніе за тѣсные предѣлы своей классной комнаты, продлить его за краткій срокъ деревенскаго ученія. Только опора Церкви, только жизнь

ею и въ ней можетъ дать голосу незрѣлыхъ юношей (каковы большинство нашихъ учителей), можетъ дать ихъ скромному ученію ту власть надъ лучшими струнами въ сердцѣ дѣтей, можетъ внушить ихъ родителямъ то довѣріе и уваженіе, безъ коихъ невозможна плодотворная школьная дѣятельность. Задача школы типа шестидесятыхъ годовъ—«сдѣлать изъ ребенка человѣка»—абсолютно непонятна родителямъ нашихъ школьныхъ ребятъ: они основательно полагаютъ, что дитя ихъ сдѣлается «человѣкомъ», и не видавши азбуки; стремленіе же школы—сдѣлать изъ дѣтей добрыхъ христіанъ—это всякому понятно и всякому любезно. Къ тому же оно заключаетъ въ себѣ основное дидактическое правило—учить не для экзамена, а для послѣдующей жизни: ибо то, къ чему стремится церковная школа, въ ней достигнуто быть не можетъ, а можетъ быть только подготовлено. Существеннымъ элементомъ ея задачи является прививка грамотности не только прочной, но и способной къ дальнѣйшему развитію, въ смыслѣ сознательности, серьезности, художественности. Церковная школа, по самому существу своему, продолжаетъ собирать питомцевъ своихъ и по окончаніи учебнаго срока, въ качествѣ пѣвцовъ и чтецовъ, въ качествѣ усердныхъ посѣтителей службъ церковныхъ, заходящихъ въ школу за книгою, для свиданія съ учителемъ и младшими товарищами. Только такая школа можетъ оказать дѣйствительное вліяніе на послѣдующую жизнь въ ней учившихся. Трехъ краткихъ зимъ ранняго ученія слишкомъ мало чтобы оставить по себѣ слѣды долговѣчные и глубокіе.

Во-вторыхъ, изъ этихъ наблюденій вытекаетъ заключеніе, еще несравненно болѣе важное. Школьное дѣло можетъ принести жизненный плодъ лишь при поддержкѣ, словомъ и *дѣломъ*, со стороны окружающей среды, и именно тѣхъ ея представителей, которые, по своему достатку, своему образованію, своему общественному

положенію, на виду у всѣхъ, становятся предметомъ сравнительнаго и безсознательнаго подражанія. Недостаточно для этого—строить школьныя помѣщенія, снабжать ихъ пособіями, приставлять къ нимъ патентованныхъ учителей. Нужно намъ жить тою жизнію духовною и нравственною, которую мы хотимъ вдохнуть въ учениковъ нашихъ школъ. Жестоко слово сіе, но оно истинно. Ибо изъ школы наша жизнь еще виднѣе, чѣмъ изъ деревни; ибо жизненныя впечатлѣнія школьнаго возраста имѣютъ вліяніе глубокое и могучее; ибо лицемѣріе въ школьномъ дѣлѣ не только безплодно, но и преступно; ибо на насъ обращены взоры ежегодно возрастающей, сѣрой массы учениковъ нашихъ сельскихъ школъ; ибо не одну нашу рѣчь, не одинъ нашъ костюмъ перенимаютъ они и стараются подражать всѣмъ оттѣнкамъ нашего жизненнаго строя—этого плода искомаго ими знанія, этого итога нашего недоступнаго имъ высокаго образованія. Что, если этотъ плодъ, этотъ итогъ въ ихъ глазахъ окажется совершеннымъ пренебреженіемъ тѣми благочестивыми навыками, кои прививаются имъ въ школѣ, постояннымъ попраніемъ тѣхъ десяти заповѣдей, которыя они въ этой школѣ заучиваютъ, полнымъ отрицаніемъ тѣхъ божественныхъ истинъ, которыя составляютъ единственное существенное содержаніе школьнаго ученія? Что́, если они наглядно убѣдятся въ томъ, что седьмая заповѣдь для людей, получившихъ среднее образованіе, на практикѣ упразднена, что всѣ виды воровства, перечисленные въ «Начаткахъ», кромѣ кражи со взломомъ и безъ онаго, составляютъ постоянное занятіе людей образованныхъ, что этимъ людямъ, этой соли земли, не нужны ни молитвы, ни церковныя службы, ни таинства Церкви? Глаза дѣтей зорки, примѣръ разнузданности соблазнителенъ. Если, въ нашей школьной дѣятельности, мы желаемъ изъ царства призраковъ и мнимостей перейти въ область дѣйствительности, если мы намѣрены произвести нѣчто болѣе

цѣнное, чѣмъ матеріалъ для школьной статистики; если въ насъ есть хоть капля любви и жалости къ тѣмъ дѣтямъ, надъ которыми мы производимъ наши педагогическіе эксперименты,—мы обязаны обратить вниманіе на эту сторону школьнаго дѣла.

На частномъ, относительно маловажномъ примѣрѣ пьянства мы видимъ, что единственное дѣйствительное средство борьбы противъ зла есть полная побѣда надъ нимъ въ насъ самихъ. Не такъ ли во всемъ прочемъ? Школа, и именно школа церковная, есть лишь та среда, естественная, единственная, гдѣ возможно правильное, духовное взаимодѣйствіе между людьми, коихъ во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ раздѣляетъ цѣлая бездна...

Но ограничимся пока частнымъ вопросомъ о пьянствѣ. Успѣшная борьба съ нимъ немыслима безъ извѣстнаго контингента дѣятелей образованныхъ, убѣжденныхъ и абсолютно трезвыхъ, естественныхъ союзниковъ церковной школы въ этомъ дѣлѣ, безъ помощи этой школы безсильныхъ.

За этимъ ли дѣло станетъ? Обращаюсь ко всѣмъ юношамъ образованныхъ классовъ, не утратившимъ вѣру въ Бога и любовь къ ближнему, ко всѣмъ воспитанникамъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, коимъ всѣмъ, такъ или иначе, придется вліять на среду, менѣе ихъ образованную, зараженную, болѣе или менѣе глубоко, пагубнымъ порокомъ. Ихъ, еще не связанныхъ долголѣтнею привычкою, еще свободныхъ, умоляю продлить, закрѣпить свою свободу годовымъ обѣтомъ абсолютнаго воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ. Вѣрю и знаю, что многіе изъ-нихъ по истеченіи года возобновятъ свой обѣтъ, что многіе изъ нихъ современемъ станутъ моими драгоцѣнными сотрудниками *).

---

*) Предлагаю всякому, кто пожелаетъ дать такой внутренній обѣтъ, отслужить молебенъ преподобному Сергію и сообщить мнѣ свое имя, для записи въ книгу трезвости Татевской церкви и молитвеннаго поминовенія.

Всего настоятельнѣе обращаюсь къ воспитанникамъ учебныхъ заведеній духовныхъ. Увы! хотя письменная рѣчь дается мнѣ легче устной, чувствую мое безсиліе выразить имъ печатно все то, что наболѣло у меня на душѣ по ихъ поводу *). Но долголѣтній опытъ сельской церковной жизни, но любовь къ Церкви, не идейная, не отвлеченная, но реальная и кровная, распространяющаяся на каждаго ея служителя, настоящаго и будущаго, дастъ мнѣ право, даже печатно, сказать имъ нѣсколько искреннихъ словъ.

Пожалѣйте себя, пожалѣйте свою будущую паству. Историческая минута, переживаемая нами,—минута великая и страшная. При вашей жизни, на вашихъ глазахъ завершится пріобщеніе, путемъ быстро распространяющейся грамотности, многочисленнѣйшаго изъ христіанскихъ народовъ міра къ первымъ ступенямъ жизни сознательной. И этотъ періодъ—вамъ не чужой, вы плоть отъ плоти, вы кость отъ кости его, вы призваны быть солью безмѣрной земли, имъ постоянно расширяемой. Чтобы стать этою солью, не откладывайте созиданія въ себѣ внутренняго человѣка. Въ числѣ добродѣтелей, требуемыхъ отъ пастыря, трезвость занимаетъ скромное, второстепенное мѣсто. Это—даже не добродѣтель, но лишь отсутствіе порока. Но вѣдь безъ нея всѣ прочія добродѣтели ни зародиться, ни развиться, ни укрѣпиться не могутъ. Начнемъ же, въ глубокомъ смиреніи, съ легкаго, съ близкаго, съ малаго—и Богъ дастъ намъ силы на бо́льшее, на лучшее...

Отрывокъ третій.

Почти ежегодно февраль приноситъ намъ нѣсколько недѣль несравненной тишины и ясности. По ночамъ морозъ силенъ, посреди дня съ крышъ струятся блестящія

*) Прошу всякаго, кого заинтересуютъ эти строки, вступить со мною въ переписку.

капли, и падаютъ, звеня, алмазныя сосульки. По утрамъ, зимнее марево причудливо измѣняетъ очертанія синѣющей дали. По вечерамъ, Венера горитъ столь ярко, что деревья бросаютъ на снѣгъ явственныя тѣни; пепельный дискъ луны ясно дополняетъ ея сіяющій серпъ; долго на западномъ небѣ таинственно мерцаетъ слабое, косое пламя зодіакальнаго свѣта.

И почти ежегодно съ этими ясными днями совпадаетъ первая недѣля Великаго поста. На этой недѣлѣ школа говѣетъ, ибо въ прочія недѣли поста священникъ слишкомъ обремененъ множествомъ говѣющихъ. Службы этой недѣли совершаются учениками, безъ участія причетника, и приготовленія къ нимъ занимаютъ насъ въ началѣ всякаго новаго года.

Изъ этихъ службъ самая характерная—такъ называемые Мееимоны, т. е. Великое повечеріе со вставленнымъ въ него чтеніемъ Великаго канона Андрея Критскаго. Служба эта повторяется четыре дня сряду и задаетъ тонъ всему церковному строю семи недѣль, въ нашей глуши еще сохранившихъ свой строгій живительный обликъ.

На послѣдніе дни масляницы ребята распускаются по домамъ. Собираются они вновь въ школу въ чистый понедѣльникъ. Не всѣ поспѣваютъ къ началу уроковъ. Живущіе далеко опаздываютъ, болѣе по винѣ родителей, чѣмъ по собственной. Впрочемъ, къ обѣду всѣ бываютъ въ сборѣ. Присоединяются къ намъ и нѣкоторые изъ бывшихъ учениковъ, басы и тенора нашего хора.

Послѣ обѣда бываетъ спѣвка, на коей неизмѣнно оказывается, что альтики хрипятъ, что дискантики плохо берутъ свои верхнія ноты вслѣдствіе масляничной бѣготни и крика на морозномъ воздухѣ. Но мало по малу голоса слаживаются, и давно заученные напѣвы звучатъ съ достаточною стройностію.

Въ четвертомъ часу одинъ изъ старшихъ мальчиковъ

посылается произвести уставные двѣнадцать ударовъ въ колоколъ; ибо удары эти должны быть весьма рѣдки (между каждыми двумя ударами полагается прочесть псаломъ 50-й)—церковный же сторожъ одержимъ неизлѣчимою торопливостію, и благовѣстъ его сбивается на набатъ.

Яркіе лучи уже низкаго солнца заливаютъ площадку, отдѣляющую церковь отъ школы. Въ холодноватой церкви, чисто вымытой, тихо и свѣтло. Народу на службу собирается весьма мало. Меѳимоны въ нашихъ сельскихъ церквахъ никогда не исполняются, а привычка посѣщать церковь въ извѣстные дни создается вѣками. Школьная братія становится не на тѣсный клиросъ, а посреди церкви, передъ приготовленнымъ для чтенія Великаго канона аналоемъ.

Начинается служба. Послѣ обычныхъ начальныхъ молитвъ читается краткій псаломъ 69-й. Псаломъ этотъ—не что иное, какъ дословное повтореніе заключительной строфы псалма 39-го и конечно въ каждомъ, кто знакомъ съ Псалтирью, пробуждаетъ отголосокъ всей этой дивной пѣсни. Заключеніе это выдѣлено въ особый псаломъ еще Церковію ветхозавѣтною, вѣроятно по соображеніямъ литургическимъ, до сихъ поръ, какъ показываетъ опытъ, сохраняющимъ свою силу. Эти немногіе стихи — выраженіе непоколебимой, бодрой, радостной вѣры въ помощь Божію, въ ея близость, въ ея силу—и этимъ чувствомъ напередъ озаряется вся эта служба, покаянная по преимуществу. Замѣчательна художественность тѣхъ легкихъ измѣненій, коимъ подверглось въ этомъ повтореніи заключеніе псалма 39-го. Смягчены, стушеваны нѣкоторые сильные акценты, которые были нужны въ связи съ первою частью этого псалма... Все это начало, по своей краткости, доступно самымъ маленькимъ чтецамъ, коимъ оно у насъ всегда и поручается.

Тотчасъ послѣ этого псалма раздаются торжествен-

ные звуки первой пѣсни канона: «Помощникъ и покровитель», и затѣмъ чтеніе самого канона, съ постояннымъ припѣвомъ: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя».

Великій канонъ Андрея Критскаго—твореніе, не поддающееся литературному анализу. Это—рядъ воплей кающейся души, погруженной въ созерцаніе Писанія, сознающей страшную близость всѣхъ грѣховъ, о коихъ оно повѣствуетъ, духовную нашу причастность каждому изъ нихъ, удаленіе наше отъ дивныхъ примѣровъ вѣры и праведности, сохраненныхъ намъ въ Книгѣ книгъ. Высота и искренность тона не ослабѣваютъ въ теченіе всего этого длиннаго канона, чтеніе коего распредѣляется на четыре дня. Чтеніе это требуетъ великой художественной простоты, глубокой осмысленности. По счастію, способъ, коимъ читаетъ этотъ канонъ нашъ священникъ, не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Музыкальная оправа, въ которую вставленъ нашею Церковію этотъ перлъ духовной поэзіи, отличается рѣдкою красотою. Напѣвъ ирмосовъ и припѣвовъ (Помилуй мя, Боже)—одинъ изъ лучшихъ напѣвовъ шестаго гласа. Ирмосы эти распространены въ двухъ прекрасныхъ четырехголосныхъ переложеніяхъ—Бортнянскаго и Турчанинова. Мы исполняемъ первое, какъ болѣе доступное нашимъ слабымъ пѣвческимъ силамъ. Но второе еще характернѣе и лучше. Въ немъ припѣвъ «Помилуй мя, Боже» послѣ каждой пѣсни представляетъ особую варіацію, рѣдкой гармонической красоты. Поемъ мы эти ирмосы медленнѣе, чѣмъ принято пѣть ихъ въ городахъ, ибо, по крайнему нашему разумѣнію, медленный темпъ усиливаетъ производимое ими впечатлѣніе.

Передъ шестою пѣснію полагается пѣть кондакъ: «Душе моя, душе моя, возстани, что спиши?» Къ сожалѣнію, кондакъ этотъ не переложенъ ни Бортнянскимъ, ни Турчаниновымъ—многочисленныя же переложенія и композиціи другихъ авторовъ на этотъ текстъ мало гармонируютъ съ Великимъ канономъ этихъ двухъ компо-

зиторовъ. Къ тому же, кондакъ этотъ долженъ быть спѣтъ другимъ ликомъ, чѣмъ шестая пѣснь, составляющая отвѣтъ на него. Поэтому мы предпочитаемъ слышать этотъ кондакъ въ прекрасномъ чтеніи нашегосвященника, на которое и отвѣчаетъ хоръ словами: «Согрѣшихомъ, беззаконновахомъ», и т. д.

Во время чтенія канона церковь еще совершенно свѣтла. Черезъ западное окно ее заливаютъ горизонтальные лучи заходящаго солнца. Одинъ изъ этихъ лучей постоянно озаряетъ темную круглую икону Тайной Вечери, помѣщенную надъ царскими дверьми. Свѣтлое, золотистое пятно, скользя по иконѣ, медленно вызываетъ изъ мрака, одинъ за другимъ, лики апостоловъ, Христа, темную фигуру Іуды. Икона эта совершенно почернѣла и лишь во время Меѳимонъ она оживаетъ въ игрѣ свѣтовъ и тѣней.

Но къ концу канона солнце гаснетъ, и холодныя сумерки замѣняютъ яркія солнечныя пятна и рѣзкія тѣни. Во время чтенія псалмовъ, изъ угловъ церкви выползаетъ сѣрая мгла и мало по малу пробирается къ темнѣющимъ окнамъ.

Псалмы эти (4, 6, 12, 24, 30, 90) большею частію покаянные. Но первый и послѣдній—самыя яркія выраженія непоколебимой вѣры въ помощь Божію. Да и въ остальныхъ четырехъ звуки глубокаго сокрушенія, изображеніе всѣхъ терзаній грѣшной души, чередуются съ дивными порывами упованія и прозрѣнія милостей Божіихъ.

«Далъ еси веселіе въ сердцѣ моемъ—отъ плода пшеницы, вина и елея своего умножишася»—т. е. веселіе большее, чѣмъ доставляемое обиліемъ земныхъ благъ.

«Вси путіе Господни милость и истина, взыскающимъ завѣта его и свидѣнія его».

«Коль многое множество благости твоея, Господи, юже *скрылъ* еси боящимся тебе, содѣлалъ еси уповающимъ на тя, предъ сыны человѣческими».

И еще сильнѣе въ оборотѣ рѣчи неподражаемой смѣлости: «*Скрыеши ихъ въ тайнѣ лица твоего* отъ мятежа человѣческа».

Ярче не можетъ быть выражена глубочайшая истина. Столь распространенная жалоба на обездоленность праведности на землѣ, какъ остроумно замѣчаетъ гдѣ-то де-Местръ, никогда не исходитъ отъ людей, имѣющихъ хотя-бы отдаленное право именоваться праведными—ибо истина этихъ жалобъ сводится къ тому, что добродѣтель на землѣ не награждается ни почестями, ни деньгами, ни людскою хвалою—вещами, праведникамъ совершенно ненужными.

Но вотъ раздаются побѣдные звуки псалма 90-го, озарившаго своими отблесками поэзію всѣхъ вѣковъ. Приближается моментъ торжественнаго пѣснопѣнія, давшаго свое имя всей службѣ, зажигаются всѣ свѣчи, и скромная церковь вновь оживаетъ игрою свѣта на позолотѣ рѣзьбы и окладовъ, бѣлизною колоннъ иконостаса, выступающихъ на густѣющемъ сумракѣ темнаго алтаря.

Хоръ запѣваетъ: «Съ нами Богъ».

Нельзя съ достаточнымъ вниманіемъ подготовить и это пѣніе, и дивное чтеніе, коему оно служитъ рамкою. Стихи пророчества Исаіина должны быть произнесены *со сладкопѣніемъ*, *не скоро и великимъ гласомъ*, чтобы изъ нихъ не пропало ни единое слово. Должна быть выражена, должна быть подчеркнута та постепенность, съ которою раскрывается передъ пророкомъ величайшая изъ тайнъ предвѣчнаго совѣта Божьяго, неземной блескъ того образа, который выростаетъ передъ духовнымъ зрѣніемъ его, съ выраженіемъ коего борется въ его устахъ безсильное человѣческое слово:

Людіе, ходящіе во тьмѣ, видѣша свѣтъ велій;
Живущіе во странѣ и сѣни смертнѣй, свѣтъ возсіяетъ на вы;
Яко отроча родися намъ, сынъ, и дадеся намъ;
Его же начальство бысть на рамѣ его;

И мира его нѣсть предѣла;
И нарицается имя его, велика совѣта ангелъ;
Чуденъ совѣтникъ;
Богъ крѣпокъ, властитель, начальникъ міра;
Отецъ будущаго вѣка...

И послѣ каждаго стиха пророчества прославляющій его исполненіе припѣвъ: «Яко съ нами Богъ!»

Чтеніе это всегда поручается у насъ одному изъ взрослыхъ пѣвцовъ, ибо оно должно имѣть характеръ самаго осмысленнаго, выразительнаго речитатива.

Пѣснь «Съ нами Богъ» съ припѣвомъ «Яко съ нами Богъ» существуетъ въ многочисленныхъ четырехголосныхъ переложеніяхъ. Мы употребляемъ то Турчаниновское, то Львовское, но послѣднее съ легкимъ измѣненіемъ. У Львова въ каденціи является септаккордъ съ прибавленіемъ ноны, что придаетъ ей особую, таинственную прелесть. Но увы! Нашимъ деревенскимъ пѣвцамъ аккордъ ноны абсолютно непонятенъ, особенно при опущенной, какъ у Львова, тоникѣ. Это злополучное *фа*, прибавленное, сверхъ септимы *ре*, къ доминантаккорду *ми*, кажется имъ фальшью, и поэтому берется ими фальшиво. Мы вынуждены были его опустить.

Слѣдующіе затѣмъ тропари и молитву: «Безплотное естество херувимское», по Часослову поемые на два лика, у насъ читаютъ, ибо какъ пѣть ихъ, мы не знаемъ. Читаютъ ихъ мальчики, а «Вѣрую», которое затѣмъ должно быть прочтено *абіе*, *низкимъ гласомъ*, поручается одному изъ басовъ. Точно также читаются, а не поются, слѣдующіе затѣмъ тропари, для понедѣльника и среды иные, чѣмъ для вторника и четверга. Гласъ, на который поются эти тропари, назначенъ въ Часословѣ, но предѣлы часа обширны, и тропари эти очевидно требуютъ существеннаго отступленія отъ обычнаго напѣва на «Богъ Господь».

Между тѣмъ, текстъ этихъ тропарей такъ и напрашивается на пѣніе, напримѣръ (во вторникъ и четвергъ):

«Яко страшенъ судъ твой, Господи, ангеломъ предстоящимъ, человѣкомъ вводимымъ, книгамъ разгибаемымъ, дѣломъ испытуемымъ, помысломъ истязуемымъ»...

И, послѣ этого могучаго stringendo, отчеканеннаго накопленіемъ дательныхъ самостоятельныхъ, — пѣвучее моленіе:

«Слезы ми даждь, Боже, яко иногда женѣ грѣшницѣ»...

Думается мнѣ, что тутъ—самая благодарная тема для великаго композитора.

Пѣніе этихъ тропарей тѣмъ болѣе желательно, что за ними слѣдуетъ сорокакратное «Господи помилуй». Это продолжительное повтореніе кратчайшей изъ молитвъ многимъ кажется докучнымъ и страннымъ, и я не отрицаю, что таковымъ оно является среди неосмысленной скороговорки, столь излюбленной нашими дьячками. Но оно имѣетъ глубокій смыслъ, психологическій и художественный, послѣ продолжительнаго, потрясающаго душу, пѣснопѣнія. Нужно дать отзвучать, улечься произведенному имъ впечатлѣнію, прежде чѣмъ перейти къ слушанію новаго чтенія, къ участію въ новыхъ молитвахъ.

Первая часть службы заключается чтеніемъ вечерней молитвы Василія Великаго, задушевной и стройной, какъ всѣ молитвы этого святаго.

Другой маленькій чтецъ начинаетъ вторую часть великаго повечерія повтореннымъ призывомъ: «Пріидите поклонимся»... Эта вторая часть службы кратка: существенное содержаніе ея — чтеніе двухъ псалмовъ (50 и 101) и молитвы царя Манассіи. Псалмы эти—пѣсни сокрушенія и покаянія по преимуществу. Но въ нихъ горизонтъ расширяется. Не объ одной личной побѣдѣ надъ личнымъ грѣхомъ молитъ въ нихъ псалмопѣвецъ. Онъ, въ образѣ Іерусалима, молитъ въ нихъ о всей церкви Божіей, объ осуществленіи на землѣ ея небеснаго облика, о пріобщеніи къ ней всѣхъ странъ и народовъ.

«Ублажи, Господи, благоволеніемъ твоимъ Сіона, и

да созиждутся стѣны Іерусалимскія. Тогда благоволиши жертву правды, возношенія и всесожигаемая; тогда возложатъ на олтарь твой тельцы».

«И убоятся языцы имене Господня, и вси царіе земстіи славы твоея... и люди зиждеміи восхвалятъ Господа».

Конецъ псалма 101-го, по высотѣ лирическаго порыва, превышаетъ все, созданное поэзіею вѣковъ. Величавая картина вѣчности и всемогущества Божія, выраженіе пламенной вѣры въ грядущую побѣду истины и добра, въ немъ трогательно прерывается смиреннымъ моленіемъ о продленіи жизни молящагося, о возможности для него узрѣть хоть начало чаемыхъ благъ — желаніе, вѣчно присущее сердцу человѣческому.

Нужно ли прибавлять, какого вниманія, какого пониманія, какого благоговѣнія требуетъ чтеніе этихъ двухъ псалмовъ, и покаянныхъ, и пророческихъ, и хвалебныхъ? Но красота ихъ такъ проста и разительна, что способна одушевить самаго немудраго чтеца. Кому недоступны такія реченія, какъ: «Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей»? или: «Жертва Богу духъ сокрушенъ; сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ»? Для кого не прекрасны задумчивые образы «неясыти пустынной» и «птицы, особящейся на здѣ»? Кого не подымутъ, какъ могучею волною, величавыя строки:

«Въ началѣхъ ты, Господи, землю основалъ еси, и дѣла руку твоею суть небеса. Та погибнутъ, ты же пребываеши; и вся яко риза обетшаютъ, и яко одежду свіеши я, и измѣнятся. Ты же тойжде еси, и лѣта твоя не оскудѣютъ»?...

За этими псалмами слѣдуетъ молитва царя Манассіи, смиренная и сплошь покаянная. Рѣзко отличается она отъ псалмовъ печатью позднѣйшаго происхожденія, правильною, округленною композиціею, отсутствіемъ величавыхъ смѣлостей рѣчи, на каждомъ шагу поражающихъ

насъ въ псалмахъ. Это не мѣшаетъ ей быть, въ своемъ родѣ, прекрасною. Отмѣтимъ въ ней счастливое выраженіе: «и нынѣ преклоняю колѣна сердца». Эта молитва, послѣ яркаго окончанія псалма 101-го, возвращаетъ насъ къ основному тону всей службы, сокрушенному смиренію.

Послѣ нея читается «Трисвятое», а по «Отче нашъ» поются тропари троичные: «Помилуй насъ, Господи».

Тропари эти поются каждый вечеръ въ нашей школѣ. И такова сила ихъ простаго, трогательнаго текста, сила гибкаго напѣва шестаго гласа, что никогда не устаемъ мы ихъ слушать, ихъ пѣть. Послѣ нихъ получаетъ полный свой смыслъ сорокакратное «Господи помилуй». И на вечернихъ молитвахъ послѣ тропарей положено произносить «Господи помилуй» двѣнадцать разъ. Но въ церкви они невольно поются еще выразительнѣе и протяжнѣе.

Вторая часть службы заключается возгласомъ священника и краткою молитвою ко святой Троицѣ.

Третья часть великаго повечерія въ сущности есть повечеріе малое съ опущеніемъ «Вѣрую» и псалма 50-го, уже прочтенныхъ на первой и второй части службы, и съ прибавленіемъ торжественнаго пѣнія: «Господи силъ, съ нами буди!» Начинается она, какъ и прочія части, призывомъ къ молитвѣ: «Пріидите поклонимся». Затѣмъ слѣдуетъ чтеніе 142-го псалма, и покаяннаго, и исполненнаго, въ заключеніи своемъ, радостной надежды. Послѣ псалма читается славословіе, составляющее переходъ къ пѣнію стиховъ ликующаго псалма 150-го, чередующихся съ призваніемъ: «Господи силъ, съ нами буди»! Во время славословія вновь зажигаются свѣчи, погашенныя по окончаніи пѣнія: «Съ нами Богъ» *).

*) Этотъ способъ подчеркиванія наиболѣе торжественныхъ моментовъ службы придуманъ не нами. Образцомъ ему служитъ уставное совершеніе поліелея, и онъ въ широкихъ размѣрахъ практикуется на Аѳонѣ (см. Н. Н. Страховъ. Воспоминанія объ Аѳонѣ „Русск. Вѣсты.“ 1889).

Пѣніе стиховъ псалма 150-го производится *велегласно и косно*, какъ и пѣніе слѣдующихъ за нимъ, сокрушенныхъ и полныхъ упованія, тропарей. Все это поется на гласъ 6-й, въ прекрасномъ, простомъ и выразительномъ переложеніи Львова. Нигдѣ столь явственно и убѣдительно, какъ послѣ этого длительнаго пѣнія, не выступаетъ умѣстность сорокакратнаго «Господи помилуй».

Затѣмъ, послѣ общей почти всѣмъ службамъ молитвы: «Иже на всякое время» священникъ возглашаетъ несравненную молитву Ефрема Сирина: «Господи и владыко живота моего», ту, которая нашла отголосокъ въ одномъ изъ послѣднихъ, лучшихъ стихотвореній Пушкина, и отзывается въ сердцахъ людей самыхъ темныхъ и грубыхъ, самыхъ легкомысленныхъ и порочныхъ...

Заключается служба, и смиренно, и таинственно, тихими моленіями къ Богородицѣ и Спасителю, и тою *частою* ектеніею, которую къ сожалѣнію у насъ принято исполнять *слишкомъ* часто, такъ что ея краткія, прекрасныя прошенія заглушаются непрерывно повторяемымъ: «Господи помилуй» *). Послѣднее ея прошеніе, неправильно переведенное съ греческаго («рцемъ и о нихъ» вмѣсто «рцемъ о себѣ самѣхъ») желательно было бы возстановить въ служебной практикѣ въ истинной его формѣ, какъ оно уже возстановленно въ богослужебныхъ книгахъ.

Мы возвращаемся въ школу. На дворѣ уже темно и морозно. Но колокольня церкви еще бѣлѣетъ на синѣющемъ небѣ, озаренная послѣдними отблесками потухающей зари. Краткость дня не позволяетъ исполнять въ точности указанія Типикона: «подобаетъ же экклесіарху и сіе смотрѣти прилежно, да когда повечерія отпускаютъ, быти знаменію дне, сирѣчь прежде сумрака».

Въ школѣ тотчасъ раздается жужжаніе завтрашнихъ

*) Единственный способъ спасти эту ектенію, не нарушая обычая, заключается въ томъ, чтобы пѣть „Господи помилуй“ непрерывно, но pianissimo.

чтецовъ, повторяющихъ порученные имъ псалмы и молитвы. Передъ раннимъ ужиномъ еще повторяются тѣ пѣснопѣнія, которыя на службѣ прошли слабо. Въ девять часовъ уже окончена вечерняя молитва, и малые ребята, утомленные службою и рѣзкимъ февральскимъ воздухомъ, быстро засыпаютъ. Лишь нѣкоторые изъ старшихъ еще сидятъ въ затихшемъ классѣ подъ лампою, за Часословомъ и Псалтирью...

Быть можетъ, я надоѣлъ читателямъ этимъ слишкомъ длиннымъ описаніемъ деревенской церковной службы. Но мнѣ хотѣлось выяснить, какъ можно нагляднѣе, тѣмъ изъ нихъ, коимъ приходится имѣть соприкосновеніе съ сельскою школою, одну существенную ея особенность. Говорю о томъ пристрастіи, которое развивается во всякой школѣ, живущей жизнію мало-мальски естественною,—къ Часослову и Псалтири. Пристрастіе это многимъ кажется безсмысленнымъ, едва-ли не суевѣрнымъ, постоянное чтеніе и перечитываніе этихъ книгъ—занятіемъ механическимъ и безплоднымъ.

Но для того, чтобы понять это пристрастіе, стоитъ только вспомнить содержаніе этихъ книгъ, оцѣнить практическое значеніе ихъ ежедневнаго употребленія.

Псалтирь—высочайшій памятникъ лирической поэзіи всѣхъ вѣковъ и народовъ. Содержаніе его—цѣльное и вѣчное. Это—постоянное созерцаніе величія и милосердія Божія, сердечный порывъ къ высотѣ и чистотѣ нравственной, глубокое сокрушеніе о несовершенствахъ человѣческой воли, непоколебимая вѣра въ возможность побѣды надъ зломъ при помощи Божіей. Всѣ эти темы постоянно звучатъ одновременно, въ сочетаніяхъ разнообразія изумительнаго, въ оборотахъ рѣчи неисчерпаемой красоты, силы и нѣжности. При этомъ Псалтирь—книга трудная. Рядомъ съ реченіями, непосредственно понятными, разительно ясными, она изобилуетъ рече-

ніями темными,—слѣдами двойнаго буквально-точнаго перевода съ языка, изумительно сжатаго и бѣднаго, на богатѣйшій изъ древнихъ языковъ, а съ него—на своеобразнѣйшій изъ языковъ новыхъ. Для читателя малокнижнаго, псалтирь на всю жизнь остается источникомъ новыхъ откровеній. Сельскіе грамотѣи, разумные и прилежные, съ любовью вчитываются въ подробное толкованіе Зигабена, не оставляющаго ни одного слова безъ обстоятельнаго разъясненія.

Часословъ — почти сплошь состоитъ изъ тѣхъ же псалмовъ и изъ молитвъ, вдохновленныхъ Псалтирью, собранныхъ и расположенныхъ въ томъ порядкѣ, въ коемъ они постоянно употребляются въ службахъ дневнаго круга.

Близкое знакомство съ обѣими книгами, умѣніе читать ихъ осмысленно, изящно, даетъ каждому сельскому грамотѣю возможность постоянно участвовать—украшая его своимъ участіемъ—въ совершеніи высочайшаго изъ художественныхъ дѣйствій, завѣщанныхъ намъ творчествомъ вѣковъ, — въ исполненіи нашихъ церковныхъ службъ. Оно позволяетъ имъ самимъ совершать одну изъ этихъ службъ, скромную, но особенно нужную вѣрующему сердцу: чтеніе Псалтири надъ покойниками.

Нужно ли говорить о томъ, что обезпечено не только сохраненіе, но и дальнѣйшее развитіе грамотности того мальчика, который полюбилъ Псалтирь на школьной скамьѣ? А вѣдь такое обезпеченіе не лишнее, въ виду краткости учебнаго курса сельской школы, молодости учениковъ, оставляющихъ ее, бѣдности книжнаго матеріала, обращающагося въ деревняхъ. Нельзя достаточно желать, чтобы всякая изъ нашихъ сельскихъ школъ нашла доброжелателя, который дарилъ бы всякому ученику, оканчивающему въ ней курсъ, Новый Завѣтъ, Псалтирь, Часословъ.

Таково значеніе этихъ книгъ для школы; но не менѣе важно школьное усвоеніе этихъ книгъ для церкви.

Копѣечная церковная свѣча сгараетъ въ часъ и пять минутъ.

Высочайшая похвала сельскому священнику, которую приходилось мнѣ слышать отъ его прихожанъ, заключается въ томъ, что во время служенія имъ всенощной успѣваетъ догорѣть копѣечная свѣча.

Служеніе всенощной, безъ пропусковъ въ чтеніи и пѣніи, не можетъ быть совершено менѣе, чѣмъ въ три часа.

Остановимъ на устахъ нашихъ слово осужденія. Огромное большинство сельскихъ священниковъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи лишь одного причетника, часто престарѣлаго, почти всегда съ голосомъ, совершенно разбитымъ беспрестаннымъ чтеніемъ и пѣніемъ въ церкви и на открытомъ воздухѣ. Истовое исполненіе всенощной немыслимо безъ хора пѣвцовъ, безъ перемѣнныхъ чтецовъ. Остается только удивляться той степени приличія, выработанной практикою, которая соблюдается при сокращеніяхъ нашихъ службъ, вызванныхъ сокращеніемъ церковныхъ причтовъ.

По богослужебнымъ книгамъ, исполненіе церковныхъ службъ распредѣляется между священно-служителями, двумя клирами, чтецомъ и *людіями*.

Въ нашихъ сельскихъ церквахъ и чтецъ, и оба клира, соединены въ лицѣ одного по большей части, безголосаго дьячка. Но гдѣ же *людіе*, столь нужные намъ при этой бѣдности?

Пока въ распоряженіи нашемъ только людишки—очень малые, очень глупенькіе—ученики нашихъ бѣдныхъ сельскихъ школъ. Но, терпѣніе! Людишки эти станутъ людьми.

Уже теперь людишки эти служатъ намъ немалую службу. Вездѣ, гдѣ при церкви есть благоустроенная школа, главная изъ службъ—литургія—поется благоговѣйно и стройно. Апостолъ, блаженны, часы, шестопсалміе читаются свѣжими голосами, старательно и внятно.

Нужно прибавить, что литургія, и при единственномъ дьячкѣ на клиросѣ, у насъ никогда не подвергалась инымъ сокращеніямъ, какъ тѣ, которыя происходятъ отъ торопливаго, одновременнаго съ возгласами, чтенія и пѣнія. Исключеніе составляютъ одни блаженны. Почти всѣ священники имѣютъ несчастную привычку въ самомъ началѣ прерывать возгласомъ ихъ чтеніе, а также чтеніе тропарей и кондака, правда, въ устахъ большинства дьячковъ совершенно невразумительное. Привычку эту побѣдить трудно. Вслѣдствіе ея, маленькіе чтецы, предчувствуя перерывъ, торопятся и сбиваются, что въ свою очередь поощряетъ священника поспѣшить возгласомъ. Противъ этого зла одно средство: тропари и кондакъ пѣть, а блаженны стихословить, т. е. пѣть евангельскіе стихи прекраснымъ традиціоннымъ напѣвомъ, а чтеніе стиховъ Октоиха поручить хорошему чтецу изъ пѣвцовъ, Но это удлиняетъ службу минутъ на 7, 8...

Гораздо труднѣе приспособить нашихъ людишекъ къ исполненію всенощной. Исполненіе ими перемѣнныхъ пѣснопѣній и чтеній этой службы остается робкимъ и слабымъ, за недостаточнымъ усвоеніемъ текстовъ. Только лѣтомъ, когда въ школѣ собрано немалое количество *бывшихъ* учениковъ, удавалось имъ вполнѣ овладѣть клиросомъ. Нужно помнить также, что воскресныя и праздничныя всенощныя служатся у насъ утромъ, непосредственно передъ литургіею, и что двѣ эти службы подрядъ для маленькихъ пѣвцовъ утомительны. Позволительно надѣяться, что со временемъ при сельскихъ церквахъ образуются мужскіе хоры изъ бывшихъ, уже взрослыхъ, учениковъ мѣстныхъ школъ, коихъ не будутъ затруднять перемѣнные тексты пѣснопѣній и примѣненіе къ нимъ гласовыхъ мелодій

При всемъ томъ, мы, конечно, никогда не достигнемъ въ нашихъ сельскихъ церквахъ того совершенства, съ коимъ исполняются церковныя службы въ нашихъ большихъ монастыряхъ. Но церковная наша служба велико-

лѣпна и въ самомъ непосредственномъ исполненіи, только бы оно было осмысленно и благоговѣйно. Въ пѣніи требуется только естественность и стройность, отчетливое произношеніе текста и та умѣренность въ выраженіи, которая установлена преданіемъ; въ чтеніи—вѣрный тонъ и чистое произношеніе. Это не превышаетъ силъ хорошей сельской школы.

Всѣ эти подробности, всѣ эти работы могутъ показаться мелочными и странными равнодушному городскому читателю. Но не съ нимъ бесѣдую я, а съ сельскими читателями «Русскаго Вѣстника». Они меня поймутъ.

Разбросанные на безмѣрномъ, бездорожномъ пространствѣ, мы, образованные жители деревень, мало имѣемъ духовнаго общенія между собою. Но человѣку нужно общеніе съ людьми, общеніе ежедневное и сердечное, независимое отъ мелкой злобы дня, матеріальной и житейской. И въ деревенской глуши мы окружены людьми, но людьми темными и бѣдными, которымъ мы обязаны помогать, которыхъ мы призваны просвѣщать. Но эта помощь, это учительство только оттѣняютъ ту бездну, умственную и житейскую, которая отдѣляетъ насъ отъ этихъ людей, но не наполняетъ ее. Чтобы она наполнилась, чтобы она изгладилась, нужно подняться выше. Только предъ Богомъ существуетъ равенство на землѣ Только въ служеніи Ему дано намъ вкусить это равенство, коего неутолимо жаждетъ наша душа. Только тутъ, на клиросѣ бѣдной церкви, въ общихъ стараніяхъ о дѣлѣ, не приносящемъ никакой земной пользы, дано намъ нелицемѣрно чувствовать, дано намъ радостно сознавать, что малограмотный крестьянскій мальчикъ не хуже, а лучше насъ, что не мы ему, а онъ намъ оказываетъ великое благодѣяніе. Вѣдь по-церковному мы читаемъ плохо, и въ церкви читать не дерзаемъ. Да и умѣемъ ли мы молиться такъ, какъ молятся крестьяне?

Да, въ этихъ заботахъ о церкви: о томъ, чтобы сдѣ-

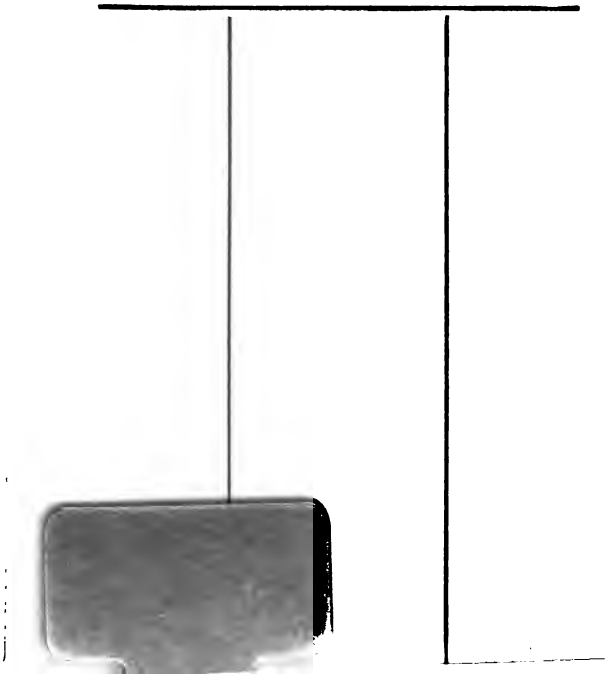
лать вразумительнымъ ея непрестанное ученіе; о томъ, чтобы проникло оно въ сердца всѣми путями: и дивнымъ ея языкомъ, и живымъ, и отрѣшеннымъ отъ жизни земной, строгою красою ея пѣснопѣній и обрядовъ; о томъ, чтобы наложило оно свою печать на нашу жизнь; о томъ, *да созиждутся стѣны Іерусалимскія*—мы перестанемъ быть благотворителями, вокругъ насъ нѣтъ болѣе облагодѣтельствованныхъ. Всѣ мы—смиренные дѣлатели на великой нивѣ Божіей, единственной нивѣ, на которой возможно работать намъ рядомъ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Изъ моихъ воспоминаній. (Вмѣсто предисловія). Н. Горбова.	I—XXII
Замѣтки о сельскихъ школахъ.	1
Народное искусство и сельская школа.	94
Школьный походъ въ Нилову Пустынь	112
Изъ записокъ сельскаго учителя	
Отрывокъ первый	171
Отрывокъ второй	185
Отрывокъ третій	201

*PB-43410-SB
5-14
C-C
B-T

LD
1568
R8R3

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.